

ISSN 2313-5182

Алтайский государственный университет
Институт гуманитарных наук
Кафедра философии и политологии
Международный координационный совет
«Наш общий дом – Алтай»
Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук
Ассоциация азиатских университетов
Алтайский государственный аграрный университет
Кафедра гуманитарных дисциплин
Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова
Институт комплексных исследований Большого Алтая
Региональное отделение Урала, Сибири и Дальнего Востока
Российской академии художеств

ЕВРАЗИЙСТВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

**МАТЕРИАЛЫ XII ВСЕРОССИЙСКОЙ
(С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**
Барнаул, 13–14 июня 2024 г.

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

УДК 327
ББК 66.0я431
Е 22

Ответственные редакторы:

М.А. Широкова, доктор философских наук, профессор;
А.В. Иванов, доктор философских наук, профессор

Редакционная коллегия:

Ю.В. Попков, доктор философских наук, профессор;
Я.Ю. Шашкова, доктор политических наук, профессор;
М.Ю. Шишин, доктор философских наук, профессор

Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения : материалы XII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Барнаул, 13–14 июня 2024 г. / под ред. М.А. Широковой, А.В. Иванова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2024. – 216 с.

В сборнике материалов XII конференции «Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения» рассматривается широкий круг теоретических, философско-мировоззренческих, экономических, социально-политических и социокультурных проблем развития трансграничных территорий Большого Алтая в социокультурном и геополитическом евразийском пространстве.

Издание адресовано политологам, социологам, культурологам, философам, историкам, этнологам, работникам управления и всем, кто интересуется евразийской проблематикой.

УДК 327
ББК 66.0я431

ISSN 2313-5182

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного университета, 2024

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 351

ЗАВЕТ ДЛЯ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ (РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД РАБОТОЙ Н.Н. АЛЕКСЕЕВА «НА ПУТЯХ К БУДУЩЕЙ РОССИИ»)

Андрей Владимирович Иванов

Алтайский государственный аграрный университет,
Барнаул, Россия.
ivanov_a_v_58@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается актуальность идей, высказанных в статье выдающегося отечественного правоведа и философа Н.Н. Алексева «На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)». В этой работе конца двадцатых годов прошлого века автор исключительно точно формулирует главную задачу государства, очерчивает контуры будущего оптимального государственного устройства России с учетом как недостатков, так и достижений советской власти.

Ключевые слова: Н.Н. Алексеев, Россия, задачи государства, государство правды, система Советов.

A TESTAMENT FOR THE NEW RUSSIAN ELITE (REFLECTIONS ON THE WORK OF N.N. ALEKSEEV «ON THE WAY TO A FUTURE RUSSIA»)

Andrej V. Ivanov

Altai State Agricultural University,
Barnaul, Russia,
ivanov_a_v_58@mail.ru

Summary. The article substantiates the relevance of the ideas expressed in the article by the outstanding Russian jurist and philosopher N.N. Alekseev «On the way to a future Russia (the Soviet system and its political possibilities) ». In this work of the late twenties of the last century, the author extremely precisely formulates the

main task of the state, outlines the contours of the future optimal state structure of Russia, considering both the shortcomings and achievements of the Soviet government.

Keywords: N.N. Alekseev, Russia, tasks of the State, the State of truth, the system of Soviets.

В философии и общественных науках есть работы, которые обнаруживают свою исключительную глубину не сразу, а по прошествии довольно долгого времени. Они словно специально созданы для того, чтобы помочь потомкам искать рациональные ответы на вставшие перед ними исторические вызовы. К такому типу работ относится небольшая статья выдающегося отечественного мыслителя-евразийца Н.Н. Алексеева. В ней сконцентрированы идеи, с которыми полезно было бы ознакомиться любому ответственному и мыслящему человеку, претендующему на занятие государственной должности. Остановлюсь только на четырех идеях этой работы, важных для определения грядущих путей развития России.

Первая из них касается главной задачи любого государства. В свое время Н.Н. Алексеев не без иронии отметил, что западную общественно-политическую мысль отличает какая-то иррациональная вера во всемогущество государственных и политических институтов, с помощью которых можно, если вспомнить известную мысль Канта, эффективно управлять даже народом дьяволов [1, с. 345].

Вопреки этой западной *институтоцентричности* Н.Н. Алексеев связывает надежды на обретение прочных устоев государственной и общественной жизни людей не столько с совершенствованием государственных институтов, сколько с развитием самого человека. Соответственно, главная задача любого государства для него – создание оптимальных условий для всестороннего духовного развития человека [2, с. 317]. В такой *антропоцентричной* трактовке сущности государства Н.Н. Алексеев вполне согласен с такими разными русскими мыслителями, как Н.М. Карамзин¹ и Ф.М. Достоевский².

1 См. его знаменитую речь 5 декабря 1818 года на торжественном собрании Российской Академии наук. С ее ключевыми идеями можно ознакомиться в статье Ю.М. Лотмана [3, с. 14].

2 См. ответ Ф.М. Достоевского А.Д. Градовскому на его упрек, что он в своей речи о Пушкине ничего не сказал об общественных целях и установлениях: «Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной? А нравственные идеи только одни: все основаны на идее личного абсолютного самосовершенствования...» [4, с. 164].

Вторая важнейшая идея Н.Н. Алексеева состоит в том, что отечественная общественно-политическая мысль выработала свой демократический – *нестыжательский* – идеал государственного устройства, противостоящий как европейской партийной институтоцентричной демократии, так и отечественному иосифлянскому культу самодержавной власти. Н.Н. Алексеев называет этот тип государственного устройства «*государством правды*». Выделяя его существенные черты, он пишет: «В личном, нравственном смысле правда эта требовала не внешней, иосифлянской обрядности, но внутренней работы над собою... В социально-экономическом... – согласования фактического уклада жизни с требованиями евангельской любви... В политическом смысле она не восставала против монархии, однако и не считала установившуюся иосифлянскую монархию носителем справедливости и правды. Она требовала преобразования московской монархии в государство правовое. С точки зрения объективного права это означало подчинение царя началу законности... С точки зрения прав субъективных это совпадало с упрочением в государстве большей личной свободы... Наконец, с точки зрения участия граждан в управлении государством, “московская правда” придерживалась мнения о необходимости ограничить самодержавие некоторым народным “советом” с более или менее широким началом представительства» [2, с. 93]. Более подробный авторский анализ значения нестыжательских идей и ценностей в истории России, впервые теоретически актуализированных именно Н.Н. Алексеевым, дан в статье [5].

Третья важнейшая идея Н.Н. Алексеева заключается в том, что в XX веке российский идеал «государства правды» нашел свое частичное воплощение в советской власти, основанной на территориально-корпоративном, а не партийном принципе формирования представительных органов государственной власти. Он обнаруживает явное сходство Советов с земскими соборами XVI–XVII веков, а также поразительную близость Советского проекта с проектом реформы российской системы государственного управления у М.М. Сперанского, в рамках которых преодолеваются «индивидуализм и атомизм европейской демократии» [2, с. 350]. Любопытно, что система выборов в Советы, равно как и земская система выборов начала XVII века, сложились в условиях общенациональных кризисов (Великая Смута, Первая мировая война) и оказались весьма эффективными средствами управления Россией. Как справедливо отмечает

С.Г. Кара-Мурза, полностью солидаризируясь в этом вопросе с Н.Н. Алексеевым, народу в ситуации кризиса оказался близок сам принцип формирования Советов «как типа соборной власти» [6, с. 93], уходящий в глубины русской истории. Безусловные преимущества Советской политической и государственной системы по сравнению с западным партийным парламентаризмом были тонко подмечены самим Н.Н. Алексеевым [2, с. 351–355]. Они подробно аргументированы нами применительно к нынешней исторической ситуации нашего противостояния с глобальным Западом [7].

Отсюда и четвертая, возможно, важнейшая и самая актуальная из идей, высказанных выдающимся отечественным евразийцем в этой работе. В социалистической России власть Советов была существенно ограничена всевластием коммунистической партии и коммунистической идеологией. Н.Н. Алексеев считает, что необходимо вернуться к старому революционному лозунгу «За Советы без коммунистов!». Это позволило бы Советам превратиться «в лаборатории, в которых вырабатывается подбор истинно “деловых” людей, истинной соли земли русской, фундамента для построения будущей народной России» [2, с. 358].

Эта задача возвращения к Советам на новом уровне как никогда актуальна в нынешней исторической ситуации, коль скоро мы начали постепенно избавляться от пороков ельцинской прозападной конституции. К тому же новая Советская Россия, как справедливо писал Н.Н. Алексеев, «будет к себе привлекать другие народы, причем давать этим народам свой русский политический идеал и свою русскую политическую систему. Россия должна сохранить роль центра, около которого собирается Союз Народов, поставивший своей целью борьбу с насилием и эксплуатацией, защиты угнетенных и слабых» [2, с. 370].

Возможно, возвращение к деидеологизированному Советскому государственному устройству с двухпалатным Советом Союза и Советом Национальностей могло бы стать хорошей политической основой для нового межгосударственного объединения России, Белоруссии и освобожденных территорий Украины после завершения СВО. Этому, естественно, должна будет предшествовать денонсация преступных Беловежских соглашений 1991 года, разваливших СССР. Как бы ни сложились грядущие события, думается, что Н.Н. Алексеев абсолютно прав в одном: неизбежен новый Союз Народов Евразии, изживших западнические либерально-рыночные утопии.

Когда-то Советская Россия возглавила борьбу народов против европоцентризма и хищнического западного империализма. Сегодня эта задача встает в новых исторических условиях и с гораздо большей трагической остротой, учитывая наличие у великих мировых держав ядерного оружия. Но именно Советская народная власть вне партий и партийных идеологий является оптимальным условием государственно-политического возрождения самой России, нового объединения многонациональной Евразии, а также адекватным демократическим фундаментом для перехода к новой и справедливой – духовно-экологической – цивилизации, способной объединить все народы Земли.

Библиографический список

1. Алексеев Н.Н. Идея государства. СПб. : Лань, 2001. 368 с.
2. Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности) // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М. : Аграф, 1998. С. 282–371.
3. Лотман Ю.М. Колумб русской истории // Карамзин Н.М. История государства российского. Сопроводительные статьи к репринтному воспроизведению издания 1842–1844 гг. Кн. 4. М. : Книга, 1988. С. 3–16.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 26. М. : Наука, 1984. 522 с.
5. Иванов А.В., Фотиева И.В. Нестязательство как важнейшая ценность отечественной культуры // Проблемы цивилизационного развития. 2023. Т. 5, №2. С. 20–39.
6. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Кн. 1: От начала до Великой Победы. М. : Алгоритм, 2001. 527 с.
7. Иванов А.В. Возвращение к Советам: утопия или историческая необходимость? // Вестник МГУ. Серия 12: Политические науки. 2022. №5. С. 22–39.

УДК 394+008+009

**РУССКОЕ — РОССИЙСКОЕ — ЕВРАЗИЙСКОЕ
В ЭТНИЧЕСКОМ, НАЦИОНАЛЬНОМ,
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ
КОНТЕКСТАХ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ДИСКУРСА**

Юрий Владимирович Попков

Институт философии и права СО РАН,
Новосибирск, Россия
yuripopkov54@mail.ru

Аннотация. Анализируются противоречивые последствия кардинальных трансформаций терминологического аппарата российской социогуманитарной науки после распада СССР с акцентом на исследовании этнического феномена и его политических проекций. Делается вывод о понятийном хаосе как следствии, с одной стороны, насаждения западных научных стандартов в данной области, с другой стороны, устойчивости соответствующих отечественных традиций в общественном, научном и политическом дискурсе. Автор разводит и соотносит содержание ряда понятий: русское, российское, евразийское, этническое, национальное, интернациональное, цивилизационное. Четкое представление об этих понятиях имеет важное значение для диагностики текущих и перспективных общественных процессов.

Ключевые слова: Россия, русское, российское, евразийское, этническое, национальное, интернациональное, цивилизационное.

**RUSSIAN — ROSSIAN — EURASIAN IN ETHNIC, NATIONAL,
INTERNATIONAL AND CIVILIZATIONAL CONTEXTS:
CURRENT PROBLEMS OF MODERN DISCOURSE**

Yuri V. Popkov

Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia
yuripopkov54@mail.ru

Summary. The author analyzes the contradictory consequences of the cardinal transformations of the terminological apparatus of Russian socio-humanitarian science after the collapse of the USSR with an emphasis on the study of the ethnic phenomenon and its political projections. He concludes that conceptual chaos is a consequence, on the one hand, of the imposition of Western scientific standards in this area, and on the other hand, of the stability of the corresponding domestic traditions in public, scientific and political discourse. The author differentiates and correlates the content of a number of concepts: Russian, Rossian, Eurasian, ethnic, national, international, civilizational. A clear understanding of these concepts is important for diagnosing current and future social processes.

Keywords: Russia, Russian, Rossian, Eurasian, ethnic, national, international, civilizational.

Глядя на название моего доклада, может возникнуть вопрос: насколько актуально вести речь о словах в нынешнее, столь сложное время, обремененное множеством острых практических проблем? На самом деле слова, особенно научные понятия, имеют большое значение, в частности, их точное применение важно для адекватной оценки происходящих процессов. К тому же такие оценки необходимы не только для диагностики настоящего, но и для определения будущего. В этом смысле можно согласиться с В.А. Тишковым: какие слова мы произносим, такую реальность и создаем. Редкий случай, когда я с ним вынужден согласиться, правда, лишь частично, поскольку в действительности не все так просто и однозначно, поскольку построить новую реальность только с помощью пропагандируемых понятий еще никому не удавалось.

Современная социогуманитаристика характеризуется противоречивой ситуацией, в том числе это касается ее терминологического аппарата. Не будет преувеличением сказать, что здесь господствует понятийный хаос. Фундаментальная причина этого — распад СССР, вслед за которым западные стандарты стали внедряться, часто насильственно, не только в политическую и экономическую, но также и научную жизнь. Наиболее очевидно это проявляется в изучении этнического феномена. Суть произошедших изменений — отрицание отечественных научных традиций в данной области и навязывание западных, в том числе в терминологическом дискурсе, при том, что развитие страны и его научное постижение

во многом являются уникальными явлениями. Не случайно в настоящее время на официальном уровне все чаще говорится об особом пути России.

Общую динамику изменений в исследовании этнического феномена с точки зрения доминирующей здесь научной дисциплины можно выразить следующим последовательным рядом: этнография – этнология – социокультурная антропология – антропология. «Антропологическое цунами», пожалуй, адекватная метафора для оценки существующей ситуации. Если судить по названиям публикаций и научных мероприятий, то абсолютно доминирующей является антропологическая тематика, особенно если иметь в виду основное академическое учреждение, связанное с изучением этнической проблематики, – Институт этнологии и антропологии РАН. Традиционная для российской (и советской) науки тематика сменилась по преимуществу на западную с явным перекосом в сторону антропологии. Именно она заполонила широкое проблемное поле и стала, можно сказать, всеохватной: от антропологии телесности, пола, гендера, повседневности до юридической и политической антропологии. При этом, заметим, терминологический элемент «этно» в названии исчезает, что отражает западный исследовательский стандарт, в рамках которого этническая тема воспринимается как частное дело людей. В постсоветский период такая установка наиболее ярко проявилась в ликвидации Министерства национальной политики. Решились ли проблемы с помощью такой «страусиной» политики? Очевидно, что нет. Напротив, они обострились.

Сторонникам антропологизации науки в рассматриваемой сфере стоит напомнить о принципиальной разнице, с одной стороны, отечественной этнографии, предметом изучения которой является народ (не случайно изначально эта дисциплина называлась народоведением), с другой стороны, западной этнологии и антропологии, делающих главный фокус исследования на универсальном человеке. Ясно, что человек и общество (народ) не существуют друг без друга, являются взаимообусловленными феноменами. Но не менее очевидно, что множество людей не есть человек! Поэтому различие предметных исследовательских полей отечественной и западной наук имеет принципиальное значение.

Существенным является и то, что обозначенные различия касаются не только предметного фокуса, но и методологических оснований исследований. В настоящее время в России официально от-

вергнуты марксизм и диалектика (кстати, в отличие от Запада, где марксизм изучается во всех уважающих себя университетах). Доминирующей парадигмальной основой в комплексе современных этнологических (в широком смысле) исследований выступает заимствованная с Запада либерально-конструктивистско-инструменталистская установка, которая, в свою очередь, базируется на методологическом номинализме и методологическом индивидуализме со свойственными им особыми понятийным рядом и смыслами.

Что же в этом ряду стремятся отменить, что и на что пытаются заменить?

Прежде всего стоит сказать, что «русский» — это почти бранное слово в 1990-е годы, когда совершенно серьезно обсуждался вопрос, существуют ли русский этнос и русская нация? И влиятельные исследователи склонялись к отрицательному на него ответу. А принадлежавшие к базисным категориям советской государственной национальной политики «интернационализация», «интернационализм» и «дружба народов», ориентировавшие на доброжелательные отношения и взаимовыгодные межэтнические взаимодействия, вообще вычеркнуты из терминологического оборота.

«Забуть о нации», «Реквием по этносу» — известные работы В.А. Тишкова, характеризующие стремление влиятельного научного и политического деятеля осуществить кардинальную ревизию отечественного народоведения, а по сути — отвергнуть устоявшиеся здесь традиции. Этнос заменен на этничность, которая в конечном счете сводится к персональной, можно сказать, контекстной идентичности, а нацию, понимаемую в советское время в качестве этнокультурной общности, он пытается представить в виде общности, наполненной исключительно политическим смыслом. Однако предложенный им в русле социального конструктивизма концепт российской нации опять же ограничивается идентичностью и в конечном итоге, по меткому выражению Э. Паина, оказывается просто благопожеланием.

Иногда навязанный в русле западных образцов концепт российской нации, который представлен в том числе в доктринальных документах, пытаются выдавать в качестве аналога советского народа. Однако надо иметь в виду их принципиальную разницу, поскольку первый сводится по большому счету к государственно-гражданской идентичности и представляет собой интеллектуальный конструкт, а второй характеризует исторически формирующуюся интернаци-

ональную общность людей, которая реально существовала в советское время.

Предпринятое В.А. Тишковым разведение национального и этнического выражало стремление осуществить деполитизацию этничности. В то же время этого не произошло в силу важной роли в общественном развитии этнического фактора в целом и этнической идентичности в частности, а также с учетом устойчивости традиции словоупотребления.

В результате кардинальных трансформаций в сфере исследования этнического феномена возник терминологический хаос. С одной стороны, многих поразил вирус конструктивизма, антропологизма и этничности-идентичности, с другой стороны, навязанный научный дискурс далеко не всегда соответствует языку повседневной, да и политической жизни. И простые люди, и политики, и многие исследователи продолжают говорить другим языком, больше соответствующим российской реальности. В частности, идея российской нации не овладела массами, хотя под влиянием настойчивого ее насаждения получила определенное распространение в социогуманитарных научных и политических кругах. В целом победоносного этнологического (антропологического) поворота в российском научном дискурсе не случилось. Окончательного отказа от отечественных традиций не произошло по причине существующего, условно говоря, «примордиалистского сопротивления».

Но сам этот факт не снимает необходимости выстраивания более четкой понятийно-терминологической чистоты научного и политического дискурса, что имеет важное значение и для диагностики общего российского благополучия. В этой связи выделяю несколько принципиально важных моментов.

Во-первых, с учетом неоднозначности употребления понятия «национальное» следует всякий раз конкретизировать его смысл и использовать не один, а два термина: этнонациональное (этнокультурный смысл) и общенациональное (политический смысл).

Во-вторых, российское – свойственное всему российскому обществу, в рассматриваемом контексте это, по сути, многонациональное или интернациональное как продукт рефлексивных этносоциальных взаимодействий.

В-третьих, поскольку понятие «русский» характеризует этническое содержание и в таком смысле сохраняется в сознании абсолютного большинства населения страны, постольку нельзя признать

оправданным активно навязываемое в настоящее время стремление все российское общество выдать за русский мир, русскую цивилизацию и проч. Такие попытки могут привести к тем же последствиям, что и насаждение концепта российской нации в ее конструктивистском варианте, а именно: к оживлению русского шовинизма и национализма нерусских народов.

В-четвертых, нельзя отрывать друг от друга два официально признанных в настоящее время определения России: как государства-цивилизации и как евразийской державы. На мой взгляд, это совмещение должно концептуализироваться в представлении о России как евразийской цивилизации, то есть применительно к ней речь следует вести не просто об особой цивилизации, а цивилизации, имеющей евразийскую природу. Принципиально значимым здесь является учет наследия классиков евразийства в понимании естества нашего государства.

УДК 930.85

КРАСОТА КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ИСТИНЫ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА)

Марина Алексеевна Широкова

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия
mshirokova1@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается характерное для русской культуры представление о красоте как критерии истины. Дается анализ взаимодействия и взаимодополнения идей истины и красоты в сюжете выбора веры из «Повести временных лет». Прослеживается преемственность традиционного взгляда на красоту как своеобразный маркер наличия «высшей правды» в русском иконописании, далее — в русской философии и классической литературе, вершиной которой выступает творчество А.С. Пушкина. Делается вывод о том, что пушкинский текст реализует высшую степень единства формального и содержательного элементов, устраняя различие между ними.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, русская культура, русское искусство, национальное самосознание, красота, истина.

BEAUTY AS A FORM OF EXPRESSION OF TRUTH IN RUSSIAN CULTURE (BASED ON THE WORKS OF A.S. PUSHKIN)

Marina A. Shirokova

Altai State University,
Barnaul, Russia
mshirokova1@rambler.ru

Summary. The article examines the idea of beauty as a criterion of truth, characteristic of Russian culture. It analyzes the interaction and complementarity of the ideas of truth and beauty in the story of choosing a faith from «The Tale of Bygone Years». It traces the continuity of the traditional view of beauty as a kind of marker of the presence of the «highest truth» in Russian icon painting, then in Russian philosophy and classical literature, the pinnacle of which is the work of A.S. Pushkin. It is concluded that Pushkin's text realizes the highest degree of unity of formal and substantive elements, eliminating the difference between them.

Keywords: A.S. Pushkin, Russian culture, Russian art, national consciousness, beauty, truth.

Любой вопрос, связанный с А.С. Пушкиным, всегда побуждает нас подняться выше личностного уровня и обозреть весь контекст русской культуры, создателем которой в немалой степени был сам великий поэт. В то же время Пушкин, несомненно, является и порождением этой культуры, ее ценностей, ее исторического опыта. Существует тесная связь между феноменом Пушкина и феноменом русской духовности как таковой. Один из наиболее глубоких и талантливых исследователей творчества Пушкина, председатель Пушкинской комиссии Института мировой литературы Российской Академии наук с 1988 по 2020 г., В.С. Непомнящий, постоянно подчеркивал: «Пушкин – это Россия, выраженная в слове. Конечно, то же можно сказать о всей нашей великой классике. Но Пушкин – это что-то совсем особенное. Нет, не скажу, что Пушкин “больше” или “лучше” Шекспира или Данте, тут другое. Просто он – выраженная в слове Россия,

которая до сих пор загадка для всего мира – то раздражающая, то удивляющая, то восхищающая, но загадка. И для нас самих тоже. Как и Пушкин, в котором выразилось вот это качество России» [1].

Согласно меткому наблюдению И.В. Кондакова, Пушкин нередко воспринимается как выражение самого существенного, самого глубокого, самого постоянного, непреходящего, вечного в русской культуре, как воплощение самого менталитета русской культуры. Именно такой тезис выдвигают все писавшие о Пушкине представители «золотого века» русской философии – В.С. Соловьев, Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, М.О. Гершензон, С.Л. Франк, П.Б. Струве, Л.И. Шестов, Г.П. Федотов и многие другие. Однако «понимание первооснов пушкинской простоты и всеобщности остается всякий раз неуловимым, словно ускользающим от рационального объяснения, – оно, скорее, лишь постулируется, нежели доказывается или осмысливается» [2, с. 165]. Подцепить эту особенность «на кончик пера» и дать ей рациональную дефиницию – подобно попыткам схватить руками воздух.

Никому из наших мастеров, кроме Пушкина, не удалось добиться столь полной гармонии нравственного, эстетического и эпистемологического элементов, а также «снятия», казалось бы, непреодолимых противоречий и, как было сказано, «конфликтов различного рода» русской культуры с другими культурами и внутри самой себя. Такая способность и демонстрирует нам качества гения Пушкина, настолько очевидные, по словам Непомнящего, что «определения их звучат сами по себе общо и абстрактно». Вот ряд этих качеств в первом приближении:

- «– простота, совершенство, красота;*
- сила, масштабность, глубина;*
- точность, ясность, лаконизм;*
- широта, неисчерпаемость, многозначность;*
- сердечность, проникновенность, человечность;*
- объективность, универсальность, мудрость... и т. д.»*

«По отдельности и в разных сочетаниях, – продолжает В.С. Непомнящий, – эти качества свойственны многим произведениям и многим художникам; но, соединяя их, перечисляя все эти “абстракции”, мы тем самым словно набрасываем силуэт, в котором можно угадать только Пушкина и никого другого» [3, с. 25].

Теперь нам необходимо ретроспективно бросить взгляд на историю культуры вообще и русской культуры в особенности, проследив, хотя бы фрагментарно, взаимодействие и взаимодополнение идей истины и красоты, а также идеи блага.

Уже в Античности, у Сократа и Платона, истина опознается по красоте. Истина вечна, абсолютна, совершенна, закончена. И прекрасна. Тогда же формируется понятие «калокагатии» (нравственной красоты). А.Ф. Лосев писал в «Истории эстетических категорий»: «Калокагатия – это составное этически-эстетическое понятие – своего рода кентавр. И так же, как представление о коне-человеке могло существовать во времена мифологической древности, точно так же и понятие “прекрасно-доброе” могло иметь значение только для эпохи, в которой этическое и эстетическое сознание было, по сути дела, синкретичным, единым» [4, с. 100].

Итак, представление о красоте как форме, неотделимой от нравственного и эпистемологического содержания, складывается в культуре Античности. Затем в недрах античного мира вызревает христианство, духовно подготовившее иной взгляд на общество и человека, во многих отношениях отличный от взгляда, присущего Древней Греции и Риму. В отличие от синкретизма Античности, христианское мировоззрение характеризуется различными формами дуализма. Это дуализм царства Божия и царства мира сего, дуализм духовной и светской власти, дуализм души и тела и, как следствие, амбивалентность человеческой природы и человеческих устремлений, включающих небесное и земное начала. Отсюда, в христианской картине мира красота и истина совмещаются не всегда. Точнее, красота может являться необходимым, но недостаточным критерием истины. Однако и христианство воспринимает идею красоты. Православное богословие использует термин «прекрасноблагость» или «благообразие». Красоте можно поверить. В красоту – можно поверить. Часто цитируется изысканный парадокс Павла Флоренского, который выражает чувство красоты и любовь к красоте в русской религиозной философии: «Из всех философских доказательств бытия Божия наиболее убедительно звучит именно то, о котором даже не упоминается в учебниках: примерно оно может быть построено умозаключением: “Есть «Троица» Рублева, следовательно, есть Бог”» [5]. Красота – то, что подкрепляет веру и выступает как одно из специальных доказательств существования высшей прав-

ды. А правда, в свою очередь, – одна из уникальных категорий русского самосознания, означающая единство истины и справедливости. В данной связи вспомним начало пушкинской трагедии «Моцарт и Сальери», которая по своему совершенству (как, собственно, и вообще стихи Пушкина или музыка Моцарта) может рассматриваться в качестве олицетворения красоты как формы истины:

*Все говорят: нет правды на земле;
Но правды нет – и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма [6, с. 121].*

Первые же слова Сальери характеризуют его как человека, готового к преступлению, потому что, как точно подмечает В.С. Непомнящий, «выбор между добром и злом есть выбор между верой в Высшую правду и неверием в нее» [3, с. 52].

Интересно, что в русской культуре красота в качестве своеобразного маркера наличия «высшей правды» выступает уже в одном из самых первых памятников литературы Древней Руси – «Повести временных лет». Обратимся к знаменитому сюжету испытания разных вер князем Владимиром, проанализированному с интересующей нас точки зрения советским и российским культурологом и историком культуры С.С. Аверинцевым в статье «Красота как святость» [7].

Согласно летописному тексту, сначала великий князь принимал у себя посланцев разнообразных религий – мусульман, представителей западного христианства (будущих католиков), иудеев из Хазарского каганата. Выслушал он и речь «философа»-грека, в которую вошел пересказ библейской истории и краткий катехизис. Похоже, что именно общение с греком для Владимира показалось наиболее убедительным. Но мало одних только слов, мало логически-рассудочных аргументов. Чтобы узнать веру, необходимо приобщение к ней человека всем его существом, следовательно, нужно не только услышать, но и увидеть. И тогда правитель Русской земли выбирает десять «мужей добрых», отправляя их в путешествие за зримыми образами, в которых воплощается реальность каждой веры там, где эта вера уже укоренилась в культуре, искусстве, в быту и, конечно, в богослужении.

Послы Владимира побывали в тех странах, которые указал им князь. Ни мусульманские, ни латинские обряды не достави-

ли им эстетического удовлетворения, поскольку «красоты не видели никакой». Наконец, миссия добралась до Константинополя (Царьграда), где послов ввели в Святую Софию. Судя по имеющимся историческим источникам, включая саму «Повесть временных лет», свидетельствующим о достаточно тесном взаимодействии Руси и Византии с самого возникновения русского государства, едва ли этот визит стал первым посещением Софийского собора русскими. Однако теперь цель посланцев заключалась в постижении сущности веры через ее визуальные образы («красоту церковную», продемонстрированную для них патриархом), и, вернувшись, они спешат поведать Владимиру: «Не знали мы — на небе или на земле: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех иных странах... Мы же не можем забыть красоты той» [8].

С.С. Аверинцев так комментирует этот отрывок: «Слово “красота” повторяется вновь и вновь, и переживание красоты служит решающим богословским аргументом» в пользу истинности веры, обретения опыта пребывания Бога с людьми. «Эстетическая аргументация воспринимается как самая убеждающая» [7, с. 190]. В результате Владимир делает цивилизационный и исторический выбор в пользу принятия крещения по православному обряду.

Не будем отрицать, что в действительности причины выбора веры могли быть совсем иными, что, во всяком случае, они имели комплексный характер, и эстетическое восприятие не пересилило бы влияния политических и экономических факторов. Образ мыслей Владимира, очевидно, являлся гораздо более прагматическим, чем представлено в летописи, однако образ мыслей автора «Повести временных лет», несомненно, отразившийся в источнике, был сформирован под воздействием того мировоззрения или хотя бы мироощущения, которое соответствует особенностям «менталитета нашей культуры», и в данном качестве само представляет собой исторический факт. Даже если весь рассказ вымышлен, рассуждает С.С. Аверинцев, у вымысла есть смысл, и этот смысл неожиданно демонстрирует нам прямую связь летописного предания и приведенного выше философского афоризма, сформулированного Флоренским. При всей разности эпох и обстоятельств напрашивается логичный вывод о том, что в приведенных примерах «красота — не просто красота, красота — критерий истины, и при-

том наиболее глубокой, наиболее важной истины» [7, с. 190]. С.С. Аверинцев ссылается на древнерусскую иконопись, желая доказать, что «традиционный русский взгляд на красоту не романтическая выдумка», что речь идет о вещах, заслуживающих внимания как со стороны художников, так и в области философии науки и религии.

Далее С.С. Аверинцев упоминает о светской культуре послепетровской России, которая, по его словам, «стоит в сложных, порой драматичных отношениях к старому наследию “благообразия”». И все же она находится в тесном родстве с предшествующей традицией, наследуя функцию церковного искусства — избегать «эстетического баловства» и являться специальным доказательством, или свидетельством, истины: «По-видимому, русскому человеку трудно перестать мыслить о красоте как ориентире в поисках истины. Последние два века дали русских философов, подчас замечательных, но еще вопрос, не содержится ли подлинная русская философия в стихах Пушкина и Тютчева, в романах Достоевского, быть может, в музыке Скрябина».

Обратим внимание, что первым по праву здесь назван Пушкин. Хотя данная работа С.С. Аверинцева посвящена более раннему этапу развития русской культуры, автор считает нужным заметить: «Со всем уникальное явление нашей жизни — русское отношение к поэзии как к глотку воздуха и возможности спасения» [7, с. 190]. В высших образцах русской поэзии происходит воссоединение красоты и святости. Ту же идею находим у В.С. Непомнящего: «Чувство красоты и любовь к красоте есть чувство бессмертия и любовь к бессмертию» [3, с. 286].

Действительно, русская классическая литература как явление, которому не найдется параллели в истории других литератур, литература, начавшаяся с Пушкина, создает новые формы для выражения национального самосознания, привнося в русскую духовность «опыт проговаривания дословного». «Проговорить дословное означает дать чему-то высказаться через тебя», — пишет современный философ Ф.И. Гиренок [9, с. 47]. То, что ранее «безмолвствовало», обретает голос.

В.А. Жуковский, которому выпало быть первым поэтом России в период взросления Пушкина, и который вновь принял на себя это звание после трагической гибели своего «победителя-ученика», в письме П.А. Вяземскому от 26 декабря 1826 года высказал заме-

чательный тезис о созидающей роли литературы и языка в России: «Нет ничего выше, как быть писателем в настоящем смысле. Особенно для России. У нас писатель с гением сделал бы более Петра Великого. Вот для чего я желал бы обратиться на минуту в вдохновительного гения для Пушкина, чтобы сказать ему: “Твой век принадлежит тебе! Ты можешь сделать более всех твоих предшественников!”» [10, с. 589]. Иными словами, продолжить развитие отечественной цивилизации и культуры – давать, как творец, имена всем вещам окружающего мира и тем самым пересоздавать этот мир. Потому что слово, имя – это первый шаг к самопознанию и самосознанию, саморазвитию.

Помимо усилий по восстановлению единства внутри самой русской культуры, в случае Пушкина мы наблюдаем также титаническое стремление включить в русскую культуру ценности мировой культуры и тем самым уподобить Россию всему миру, «всему человеческому и человеческому» [2, с. 165]. Впоследствии именно это позволит русским философам сделать Россию предметом отечественной философии.

Творчество А.С. Пушкина замечательно еще и недостижимым ни для кого другого из поэтов и писателей органическим единством формального и содержательного элементов, доходящим до устранения различия между ними. Сотрудники Пушкинского дома Н.В. Беляк и М.Н. Виролайнен, анализируя поэтику трагедии «Моцарт и Сальери», приходят к двум фундаментальным выводам: «Это, во-первых, изоморфность атомов и частей целому и, во-вторых, способность формальных элементов не просто соответствовать содержательному уровню, но непосредственно выражать его» [11, с. 121]. Оба вывода показывают практически полное совпадение построения пушкинского стихотворного текста с законами построения классических сакральных текстов. Таким образом, мы можем подтвердить связь классической русской культуры и русского литературного языка, созданных Пушкиным, с церковным искусством Древней Руси, в котором истина была выражена не только и не столько в слове, сколько в образах и красках.

Впрочем, как отмечают те же авторы, способность формальных элементов непосредственно выражать содержание является также характеристикой музыкального текста [11]. То есть пушкинские стихи не описывают музыку, когда, как в случае «Моцарта и Сальери»,

музыка становится предметом описания, — они сами становятся музыкой. Совершенно так же Пушкину под силу не излагать в назидательном ключе, что представляют собой красота, истина и благо, не описывать свет и тьму, лед и пламень, свободу и закон, движение и неподвижность, море, скалы, ветер и др., а самому ими становиться и говорить от их имени.

Библиографический список

1. Непомнящий В.С. А имя России – всё-таки Пушкин // Новая газета. 2009. №13.
2. Кондаков И.В. Пушкин как феномен русской культуры // Общественные науки и современность. 1999. №6. С. 160–170.
3. Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1960-х – 1990-х гг.: в 2 т. Т. 2: Пушкин. Русская картина мира. М. : Жизнь и мысль, 2001. 496 с.
4. Лосев А.Ф., Шестаков В.П. История эстетических категорий. М. : Искусство, 1965. 376 с.
5. Флоренский П.А. Иконостас. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/ikonostas/#source
6. Пушкин А.С. Моцарт и Сальери // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 7: Драматические произведения. Л. : Изд-во АН СССР, 1935. С. 121–134.
7. Аверинцев С.С. Красота как святость // Антология. «Курьер ЮНЕСКО» за 30 лет. М., 1990. С. 190.
8. Повесть временных лет / перевод с древнерусского Д.С. Лихачева. СПб. : Наука, 1999. URL: <https://ilibrary.ru/text/4339/index.html>.
9. Гиренок Ф.И. Пато-логия русского ума (Картография дословности). М. : Аграф, 1998. 416 с.
10. Жуковский В.А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1960. 784 с.
11. Беляк Н.В., Виролайнен М.Н. «Моцарт и Сальери»: структура и сюжет // Пушкин. Исследования и материалы. РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб. : Наука, 1995. Т. 15. С. 109–121.

УДК 130.2

ОНТОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Владимир Юрьевич Инговатов

Алтайский государственный технический университет
имени И.И. Ползунова,
Барнаул, Россия
Ingvlad@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования национальной идеи в условиях современного мира. Дается оценка евразийской идентичности с позиции религиозных ценностей. Показывается своеобразие онтологических оснований русской идеи.

Ключевые слова: онтология, евразийство, русская идея, ценности, идентичность, история.

THE ONTOLOGY OF THE NATIONAL IDEA IN THE CONTEXT OF EURASIAN IDENTITY

Vladimir Y. Ingovатов

Altai State Technical University named after I.I. Polzunov
Barnaul, Russia
Ingvlad@mail.ru

Summary. The article deals with the problem of the formation of a national idea in the modern world. The assessment of the Eurasian identity from the perspective of religious values is given. The originality of the ontological foundations of the Russian idea is shown.

Keywords: ontology, Eurasianism, Russian idea, values, identity, history.

Одна из базовых характеристик национальной идеи связана с сакральным переживанием присутствия народа в истории. Этот исходный тезис справедлив и для понимания онтологии русской идеи, что, однако, не означает наличия религиозности только и именно как единственной народной черты. Тем не менее, история мировой культуры вполне очевидно свидетельствует, что у всех народов побудительным мотивом духовного движения всегда высту-

пает поиск абсолютного, совершенного начала бытия. Другой вопрос, в какой форме и в какой степени осуществляется это движение, каких вершин умеет достичь на этом пути народ. В этом отношении характер и специфика религиозности русского народа делает тему православия – как духовно-метафизической основы русской идеи – ключевой в понимании логики развития нашей евразийской судьбы.

В истории русской мысли достаточно широко известно высказывание Г.П. Федотова, полагавшего, что утверждать об исключительной религиозности русского народа неисторично [1, с. 329]. Однако такая позиция не отрицает укорененности в народном сознании интуиции о всеединстве Бога, мира и человека. Эта интуиция сформировала у нас космическое восприятие жизни. Уже на первых этапах христианской эпохи Древней Руси нашим предкам была понятна и доступна, например, в иконописи символика композиций и красок, выражающая смысл и задачу по преображению мира. Также ошибочно видеть в русской идее только социально-политическую сторону вопроса и игнорировать сакральный характер переживания в народном самосознании своего духовного призвания. В этом ключе В.С. Соловьёв и дает определение русской идеи как замысла Бога о призвании народа в истории: «Русский народ – народ христианский», поэтому «русская идея не может быть ничем иным, как определенным аспектом идеи христианской, и миссия нашего народа может стать ясна, когда мы проникнем в истинный смысл христианства» [2, с. 229, 239]. Осознание такого призвания в качестве особой исторической миссии осуществляется в народе как религиозное переживание цели и назначения самой истории. Здесь надо видеть основание для онтологического взгляда на присутствие народа в истории, поскольку сам мир признается в качестве основы для становления абсолютно-ценного и непреходящего бытия. В этом заключается смысл Боговоплощения как преодоления разрыва между феноменальным и ноуменальным, небесным и земным в существовании мира.

Самосознание русского человека, выдвигая Боговоплощение на первый план бытия, видит во всех его проявлениях Божественное начало. Нередко это ведет к желанию примирения с любыми недостатками мира. Такое желание – обратная сторона признания абсолютной самоценности не только духовных, но и земных идеалов. Идеал лишь тогда ценен, когда достигим в мире, ког-

да его претворение есть не только теоретическая, но и практическая задача. Сомнение в идеале или его близкой осуществимости приводит обычно к ситуации, о которой герой известного романа Ф.М. Достоевского – Иван Карамазов – говорил как о соблазне вседозволенности, ибо если «Бога нет, то всё и позволено». Свойственные русскому народному характеру крайности легко соединяют в себе как высшие примеры духовной верности, жертвенности и милосердия, чувство совести, мечту о торжестве праведности и святости в мире, так и обратные примеры нравственного разложения, доходящего иногда до самых последних и отвратительных ступеней. Но и в последнем случае острое чувство «правды» и «кривды», добра и зла не исчезает совсем из сознания, но ведет к упоению собственным падением, ибо если нет возможности для воплощения в бытии высших ценностей, то и оно само не содержит в себе никакой ценности [3].

Но вопрос о мире как ценности неразрывно связан со стремлением постичь идеальное задание для существования всего народа, присутствующего в истории. В русском православии такое религиозное переживание цели и смысла бытия нашло своё отражение как в высших областях культуры (например, в русской литературе или религиозной философии, проникнутых исканием абсолютного добра), так и в народных массах, с не меньшей остротой жаждущих получить духовное одобрение и оправдание своего пребывания в мире. Русский человек склонен наиболее активно действовать во имя чего-то абсолютного, неотмирного, но имеющего приращение на духовное преобразование мира. Это качество «иоанновского человека» – желание создать на земле высший божественный порядок – осознается им как воплощение собственного судьбоносного призвания в мире. В. Шубарт говорил, что это есть «космическая одержимость» русского человека, но именно она и формирует его религиозную идентичность, отличную от религиозности Запада или Востока [4, с. 59].

Христианская весть открывается западному миру в период его культурной рафинированности и утонченности. Здесь случилась встреча двух духовных импульсов, произошло столкновение восточного мира мистических смыслов с иной традицией, связанной с рациональным типом миропонимания. Важно поэтому осознавать, что западное христианство есть в известном отношении «синтез» эллинизма и иудаизма, западной религиозности с религиоз-

ностью восточной. На его основе сформировался особый нормативный тип религиозной личности, придающей безусловную авторитетность рационализированному смыслу Откровения и моральным требованиям и нормам, основанным на нём. Отсюда происходит известная проблема культурного дуализма как проявление раздвоенности «познавательных сил в человеке (разума и озарений сердца)» [5, с. 90].

Россия, как известно, не есть «чистый» Запад или Восток. Эта непреложная данность нашего бытия во многом конституирует всю сложность русской исторической судьбы на евразийском пространстве, но вместе с тем, и придает ей иной характер, нежели христианским народам Запада или нехристианским – Востока. И именно поэтому наша судьба не может быть адекватно осмыслена вне контекста православного миропонимания. Восточное предание никогда не проводило резкой грани между личным опытом Богопознания и догматическими положениями, утвержденными Церковью. В основе человеческого бытия православие находит жизнь сердца – и в этом его коренное отличие от католицизма или протестантизма. Если католицизм ведет веру от воли к разуму, а протестантизм – от разума к воле, то православие ищет синтеза чувства, разума, воли и любви.

В свойственном нам безудержном отрицании спадов и разломов собственной истории мы часто склонны к крайностям, к нигилистическому отторжению уже достигнутых духовных высот. Н.А. Бердяев утверждал, что эсхатологический опыт переживания истории лежит в основе русского национального самосознания [6, с. 1–4]. В этом можно видеть не только традиционный для русской мысли онтологизм в толковании мира и бытия в нем человека, но также и прельщение схоластическим интеллектуализмом западной мысли. Там – на Западе – были сделаны в свое время выдающиеся открытия, достигнут огромный прогресс в научно-технической мысли. Но нельзя не замечать, что на почве укрепления рационализма и эмпиризма западная мысль почти совсем утратила способность погружаться в глубины сущего.

В этом смысле и нынешняя борьба за собственную идентичность на евразийском пространстве есть борьба за будущее не только русского народа, но и всех других народов, объединенных общей судьбой и историей. Вопрос о том, возможно ли качественное изменение исторических форм бытия или сложившийся сейчас тип

мироустройства должен быть объявлен «последней и окончательной» победой современного либерализма. Это есть экзистенциальный вопрос нашего выживания в современных условиях. Борьба за историзм высвечивает смысл христианского Откровения о задачах истории. Здесь мы обнаруживаем, что бестиализация современного мира стремительно сокращает пространство исторического времени. Оказывается, вне традиционных представлений о собственной идентичности становится проблематично жить во времени культурам и народам, имеющим иные, чем западные, ценности и нравственные императивы.

Библиографический список

1. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. М. : Дарь, 2005. 496 с.
2. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Соч. : в 2 т. Т. 2. М. : Правда, 1989. С. 219–246.
3. Достоевский Ф.М. Политическое завещание : сб. статей. М. : Алгоритм, 2006. 480 с.
4. Шубарт В. Европа и душа Востока. М. : Русская идея, 2000. 448 с.
5. Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М. : Канон+, 1997. 560 с.
6. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. 256 с.

УДК 7.036

РАЗВИТИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Михаил Юрьевич Шишин

Региональное отделение Урала, Сибири и Дальнего Востока
Российской академии художеств,
Красноярск, Россия
nis@rahusdv.ru

Аннотация. Статья посвящена сотрудничеству художников и искусствоведов Сибири и сопредельных стран. Показывается история отношений в данной сфере начиная с первых десятилетий XX века, и вклад в их развитие первых сибирских профессиональ-

ных художников Г.И. Гуркина и К.И. Померанцева. Дана характеристика этапа 1970–1980-х годов, когда была заложена традиция совместных пленэров, и сегодняшнего этапа активизации сотрудничества на примере совместной творческой экспедиции российских и монгольских художников в 2024 году в места основных сражений на Халхин-голе. Многими примерами подтверждается значительный рост российско-монгольских искусствоведческих исследований по художественной культуре в трансграничной сфере. Показано, что в изобразительном искусстве в Сибири и трансграничной области формируется пример подлинного творческого евразийского взаимодействия.

Ключевые слова: изобразительное искусство, искусство Сибири, искусство Монголии, Региональное отделение Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской академии художеств.

DEVELOPMENT OF FINE ARTS IN THE CONTEXT OF EURASIAN CROSS-BORDER COOPERATION

Mikhail Yu. Shishin

Regional Department of the Urals, Siberia and Far East
of the Russian Academy of Arts,
Krasnoyarsk, Russia
nis@rahusdv.ru

Summary. The article is devoted to the cooperation of artists and art historians of Siberia and neighboring countries. The history of relations in this area is shown, starting from the first decades of the twentieth century, and the contribution to their development of the first Siberian professional artists G.I. Gurkin and K.I. Pomerantsev. The characteristics of the stage of the 1970-1980s, when the tradition of joint plein airs was laid, and the current stage of intensified cooperation are given using the example of a joint creative expedition of Russian and Mongolian artists in 2024 to the sites of the main battles on Khalkhin Gol. Many examples confirm the significant growth of Russian-Mongolian art studies on artistic culture in the cross-border area. It is shown that in the field of fine arts in Siberia and the trans-border region an example of genuine creative Eurasian interaction is being formed.

Keywords: fine arts, art of Siberia, art of Mongolia, Regional Department of the Urals, Siberia and the Far East of the Russian Academy of Arts.

За последние пять лет заметно усилились связи союзов художников, музеев и галерей Южной Сибири с коллегами приграничной области, в первую очередь в Монголии. Были реализованы и получили широкий отклик крупные художественные проекты, осветить которые, хотя бы кратко, — тема настоящей статьи. Желание провести первое осмысление этих событий продиктовано рядом актуальных задач.

Во-первых, необходимо зафиксировать эти проекты, оставить хотя бы краткое упоминание о них для будущего. Они были яркими, вызвали широкий отклик у зрителей и искусствоведов, но, как известно, что-то со временем утрачивается, а затем бывает трудно отыскать хотя бы краткие свидетельства о них. Во-вторых, многое из того, что сейчас происходит в этом центре Евразии в области изобразительного искусства, обязательно скажется со временем. Порой только спустя несколько лет совместная выставка, совместная экспедиция художников начинает осмысливаться и сказываться в художественной жизни региона. И в этот момент бывает очень важным с искусствоведческой точки зрения проследить, когда и по чьей инициативе начинает свой путь новая художественная традиция, появляются новые черты в творчестве того или иного художника. И, наконец, универсальный язык искусства, привлекательность и яркая эмоциональная атмосфера выставок, совместные исследования и публикации — это, по сути своей, формы народной дипломатии, то, что сближает людей из разных стран и разных культур и более чем востребовано в настоящее время.

Активное сотрудничество в области искусства во многом объясняется взаимной заинтересованностью творческих личностей в новых для них явлениях в культурной жизни, в новых темах. Это всегда давало импульс и к созданию новых произведений искусства и даже к появлению целых стилистических направлений. Известно, что искусство Японии и других юго-восточных стран сказалось в творчестве импрессионистов, традиционная культура африканских народов была важным художественным стимулом в формировании стиля кубизма, на Ближний Восток устремлялись российские художники на рубеже XIX–XX веков. Беспрецедентным для разви-

тия искусства считается Центрально-Азиатская экспедиция академика Н.К. Рериха. Он и его младший сын, художник С.Н. Рерих, осуществили удивительный и чрезвычайно плодотворный синтез русской, западноевропейской и восточной художественных традиций. Эти примеры можно было продолжать и далее, но сделаем вывод: контакты художников и искусствоведов Сибири и соседних стран – это тенденция, всегда обогащающая художественную жизнь и творчество отдельных художников. И отметим, что развитие международных контактов всегда было в центре внимания Российской академии художеств. Поэтому ее самому восточному филиалу – Региональному отделению Урала, Сибири и Дальнего Востока, как говорится, «сам Бог велел» вести работу по усилению связей в области искусства в регионе.

Оценивая усилившееся сотрудничество в области искусства в данном регионе, нужно отметить ряд важных факторов, которые этому способствовали. И в первую очередь стоит назвать предшествующий опыт, накопленный в предыдущие десятилетия. История этих контактов уходит к началу XX века. Известно, что в городе Ховде в Монголии в период Гражданской войны и первых лет советской власти находился основоположник профессионального искусства на Алтае Г.И. Гуркин [1]. В его творческом наследии монгольские работы занимают значительное место.

Большой вклад в развитие монгольского профессионального искусства внес К.И. Померанцев, который в 20-х – начале 30-х годов прошлого века участвовал в формировании различных видов профессионального изобразительного искусства в Монголии – скульптуры, живописи, сценографии. Им была подготовлена плеяда замечательных одаренных учеников, творчество которых является гордостью современной Монголии [2].

Следующий важный этап творческого взаимодействия российских и монгольских художников приходится на конец 70-х – начало 80-х годов XX века. На Алтае, в Иркутской области и в других регионах Сибири и в Монголии прошли крупные международные пленэры, творческие экспедиции. По их итогам были изданы статьи, каталоги, прошли масштабные выставки, в том числе и в Москве [3, 4]. Для многих художников, например, для заслуженного художника России Ф.М. Торхова и народного художника М.Я Будкеева, Монголия стала одной из главных тем. Некоторые художники при-

нимали участие в этих пленэрах будучи молодыми, стали инициаторами новых пленэров в наши дни.

Эта форма совместной деятельности художников двух стран получила очень широкое развитие в последние 10 лет. Все современные контакты художников Сибири с коллегами из соседних стран трудно даже отследить. Многие мастера в одиночку или малыми группами приезжают друг к другу в гости, затем совместно путешествуют и собирают материал для своих будущих произведений. Наиболее продуктивными нужно считать тематические пленэры, для которых разрабатывается программа, подбирается состав участников и выбирается заранее маршрут. Практически всегда подобные экспедиции заканчиваются крупными международными выставками и публикациями.

Вот один из примеров нынешнего года. В конце апреля – начале мая 2024 г. в Монголии прошел пленэр под названием «Под небом Победы». Он был посвящен 85-летию победы советско-монгольских войск над японскими милитаристами на реке Халхин-гол.

Как известно, сражение здесь продолжалось с мая по сентябрь 1939 года. Тогда Япония, захватив север Китая и создав на его территории марионеточное государство Маньчжоу-Го, направила свою агрессию на соседнюю Монголию, хотя окончательной целью для японцев была дальневосточная граница СССР. Пограничная между Монголией и китайской Маньчжурией река Халхин-гол стала той «красной линией», переход через которую неизбежно привел к вооруженному столкновению. На помощь монгольским войскам пришла Красная Армия, силы которой возглавил Г.К. Жуков. В ходе наиболее кровопролитных боев за высоту Баян-Цагаан японская армия была отброшена, а между Японией и СССР был заключен договор о ненападении. Эти события до сих пор с особой остротой отзываются в сердцах монголов. Нельзя забыть и о 27 тысячах советских военнослужащих, отдавших свои жизни за свободу монгольского народа.

Организаторами международного российско-монгольского пленэра выступили Региональное отделение Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской академии художеств, Союз художников Монголии, Монгольская Академия искусств. Проект был поддержан Министерством обороны Монголии и посольством Российской Федерации в Монголии.

С российской стороны в пленэре приняли участие академики РАХ Владимир Анисимов (Москва), Галина Визель (Ханты-Мансийск), члены-корреспонденты РАХ Ольга Яушева (Москва), Алла Полковниченко (Москва), Софья Белокурова (Барнаул); художники Александр Ремезов (Екатеринбург), Артем Кириллов, Сергей Казанцев (Иркутск), Владимир Янаки (Рязань), скульптор Виктор Моиселев (Тамань), фотограф Андрей Ключев (Москва). С монгольской стороны принимали участие 15 человек – от народных художников до молодых авторов. Среди них: Хайнзангийн Ганбат, Гаваагийн Тумур, Цэгмэдийн Болд, Нурзэдийн Орсоо, Готовын Цэрэндорж, Туяагийн Одон.

В ходе экспедиции художники побывали в окрестностях основного театра военных действий на озере Буйр-нуур и в аймаке Сухбаатар, посетили места боев, блиндаж маршала Г.К. Жукова, Музей битвы на реке Халхин-гол, в котором созданы художественно-исторические реконструкции основных сражений и представлены подлинные вещи участников битвы, ценные документы и фотографии, военная техника.

По итогам пленэра «Под небом Победы» были открыты в Улан-Баторе две выставки – в Российском посольстве по случаю 79 годовщины Великой Победы 1945 года и в галерее Союза художников Монголии. Эта экспедиция завершится выставкой участников в Монголии и России, и будет издан фундаментальный альбом по итогам совместного пленэра.

Чуть позже, в августе нынешнего года, состоялось еще одно творческое путешествие художников теперь уже трех стран – Китая, Монголии и России, названное «Дороги Рериха». Из Улан-Батора маршрут прошел как раз по тем местам, где в 1927 году шла экспедиция этого выдающегося художника и путешественника. Завершилась она недалеко от монгольско-китайской границы близ замечательного монастыря, который в путевых дневниках Н.К. Рериха именовался Юм-Бейси Кюрен. Участники этого пленэра также работают над картинами для будущей выставки и альбома-каталога.

Остановимся еще на одной очень важной области сотрудничества – искусствоведении. Сравнивая сегодняшний период с 70–80-ми годами прошлого века, можно сказать, что произошел громадный рост публикаций, посвященных искусству трансграничной области. В первую очередь нужно отметить диссертации российских искусствоведов, защищенные на материалах монгольско-

го искусства: С.М. Белокурова [5], Е.Ю. Пешков [6], К.А. Чутчева [7]. Диссертации Т.В. Иккерт [8] и Т.Н. Канаревой [9] были защищены в Монголии.

Традиционными стали и совместные конференции, сборники научных статей и монографии российских и монгольских искусствоведов. Формируются самостоятельные линии исследования. Больше число публикаций, конечно же, носят историко-искусствоведческий характер. Представляются биографии и творческий путь художников, зачастую их искусство получает освещение в русскоязычной искусствоведческой литературе впервые [10, 11]. Особую ценность представляют исследования по теоретическим аспектам искусствоведения. Например, в книге «Арга-билиг как ось монгольской культуры» [12] впервые в научный оборот введена важная философско-культурологическая доктрина, разработанная монгольскими мыслителями о парных противоположностях. В определенном смысле можно обнаружить ее сходство с китайской дихотомией инь и янь, однако это скорее внешнее сходство. Что особенно ценно – эта концепция дает ключ к пониманию многих сложных мировоззренческих вопросов. Но, как оказалось, с опорой на эту доктрину удастся выстроить и методологический подход в анализе произведений изобразительного искусства. При этом открываются важные семантические особенности традиционной архитектуры. Многие статьи по этому поводу были опубликованы в международном журнале «Искусство Евразии».

Нет возможности даже перечислить все публикации российских, монгольских и китайских искусствоведов. Представим наиболее фундаментальные и резонансные, вызвавшие заинтересованность со стороны специалистов и любителей искусства. Итогом многолетней работы искусствоведов Регионального отделения Урала, Сибири, Дальнего Востока РАХ и монгольской Академии изобразительных искусств имени Д. Амгалан стала крупная серия монографий: «Соцреализм в изобразительном искусстве Монголии», «Модернизм в изобразительном искусстве Монголии», «Традиция Академии Ильи Репина в изобразительном искусстве Монголии», «Произведения художницы и педагога З. Уянги» и «Художник, перешагнувший века. Дагдангийн Амгалан». Изданные в Монголии на монгольском, русском и английском языках в 2023 – начале 2024 года, эти книги были презентованы в Российской академии художеств.

Эти издания ценны не только тем, что развернуто, подробно, с анализом творчества художников и их произведений представляют современное искусство Монголии, но одновременно они закладывают фундамент для дальнейших исследований. Например, четко просматривается связь монгольского искусства XX–XXI веков с российским, и одновременно выявляются характерные черты национальной художественной традиции.

Одним из ощутимых результатов усиления контактов в трансграничной области в Сибири стал рост числа произведений монгольских и китайских художников. Это хорошо видно по альбому-каталогу «Век и вечность в изобразительном искусстве России и Монголии» [13]. Он подвел итог масштабному художественному проекту, посвященному 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией, который отмечался в двух странах в 2021 году. Главными событиями проекта стали выставки произведений современных сибирских и монгольских художников в Барнауле, Иркутске и Улан-Удэ. Большую роль в организации этих выставок сыграли региональные союзы художников Алтайского края, Иркутской области и Республики Бурятия. Координация проекта осуществлялась Региональным отделением Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской академии художеств. Альбом впервые представил тематические коллекции произведений российских и монгольских художников из собраний музеев — партнеров проекта: Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева, Национального музея Республики Бурятия, Государственного художественного музея Алтайского края. В издание также вошли работы из мастерских иркутских художников и галереи «ЛеАрт» (Иркутск).

Подведем итог нашим рассуждениям. С начала XXI века радикально поменялся характер взаимодействия художников и искусствоведов Сибири и сопредельных территорий. Не только увеличилось число творческих контактов и совместных проектов, но стали возникать постоянно действующие объединения мастеров искусства и исследователей художественной культуры регионов. Произведения живописцев и графиков из России и Монголии стали пополнять коллекции музеев. Таким образом, можно смело утверждать, что в области изобразительного искусства в Сибири и трансграничной области формируется пример подлинного, творческого, очень результативного евразийского взаимодействия.

Библиографический список

1. Гаврилин К.Н., Симоненкова В.В. Монгольский период творчества Григория Ивановича Чорос-Гуркина: в поиске идейных смыслов // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2020. №4–1. С. 191–206.

2. Мушникова Е.А. Творческая и образовательная деятельность художника К.И. Померанцева в Монголии // Российская академия художеств и художественная культура Урала, Сибири и Дальнего Востока : материалы межрегиональной (с международным участием) научно-практической конференции. Барнаул : АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 2017. С. 116–120.

3. Содномцэрэн Х. «Найрамдлын замаар» – «Дорогой дружбы» // Искусство Евразии. 2017. № 3(6). С. 50–57. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2017.03.006

4. Хертек А.С. Тува и Монголия: сотрудничество в области изобразительного искусства // Искусство Евразии. 2021. № 3 (22). С. 116–125. DOI: 10.46748/ARTEURAS.2021.03.010.

5. Белокурова С.М. Мировоззренческое содержание культурных констант ойратов : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. 24 с.

6. Пешков Е.Ю. Тема Монголии в изобразительном искусстве Алтая : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023. 24 с.

7. Чутчева К. А. Изобразительное искусство Монголии XX века в контексте влияния русской художественной школы : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 26 с.

8. Иккерт Т.В. Перспективы комплексного метода анализа монгольской живописи стиля монгол зураг (на примере картин Б. Шаравы) // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 11. С. 322–326.

9. Канарева Т.Н. Комплексный методологический подход к анализу буддийских храмов (на примере храма Лавран в Монголии) // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 11. С. 327–332.

10. Иванов А.В., Шишин М.Ю. и др. Константы культуры России и Монголии. Очерки истории и теории. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2010. 280 с.

11. Бардина А.О., Белокурова С.М. и др. Искусство Сибири и Монголии XX – начала XXI вв.: очерки истории и теории. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2018. 288 с.

12. Шишин М.Ю., Белокурова С.М. и др. Учение арга-билиг как ось монгольской культуры. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2013. 240 с.

13. Век и вечность. Изобразительное искусство России и Монголии: к 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией : альбом-каталог. Иркутск : ИРО ВТОО «Союз художников России»; ГБУК ИОХМ им В.П. Сукачева, 2021. 308 с.

УДК 74

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА И ТРАДИЦИОННОЕ ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Марина Юрьевна Спирина

Университет при МПА ЕврАзЭС,
Санкт-Петербург, Россия
mus931@inbox.ru

Аннотация. В работе рассматривается важный для современного социального бытия населения Евразии вопрос о взаимовлиянии традиционного прикладного искусства евро-азиатских народов и процесса формирования национального менталитета. Сегодня отмечается крайне незначительное число научных исследований традиционного прикладного искусства, в развитии которого отражается эволюция духовного содержания человеческой личности. Развал Советского Союза привёл к тому, что эта сфера хозяйствования и социального бытия населения бывших советских республик осталась практически без внимания со стороны государства и науки, хотя те характеристики, что были выявлены исследователями разных веков, имеют судьбоносное значение для формирования думающей, инициативной, ответственной личности человека. Г.Н. Волков называл её «народным идеалом совершенного человека». Традиционные духовно-нравственные ценности играют важнейшую роль в сложении национального менталитета.

Ключевые слова: Евразия, евро-азиатские народы, традиционное прикладное искусство, менталитет.

FORMATION OF NATIONAL MENTALITY AND TRADITIONAL APPLIED ART

Marina Yu. Spirina

The University associated with the IPA of EurAsEC,
St. Petersburg, Russia
mus931@inbox.ru

Summary. The paper considers an important issue for the modern social life of the population of Eurasia about the mutual influence of traditional applied art of Euro-Asian peoples on the formation of national mentality. Today, there is very little scientific research into traditional applied art, the development of which reflects the evolution of the spiritual content of the human personality. The collapse of the Soviet Union led to the fact that this sphere of economic management and social life of the population of the former Soviet republics remained practically without attention from the state, although those characteristics that were identified by researchers of different centuries are of crucial importance for the formation of a thinking, proactive, responsible human personality. G. N. Volkov called it «the national ideal of a perfect man». Traditional spiritual and moral values play a crucial role in shaping the national mentality.

Keywords: Eurasia, Euro-Asian peoples, traditional applied arts, mentality.

Евразия в истории человечества являет собой уникальную территорию, где на протяжении тысячелетий возникали, гибли и возрождались различные могущественные империи. В Евразии формировались и развивались великие торговые пути, связывающие восток и запад континента. Здесь известны историко-культурные объединения древних племен, в ходе эволюции которых постепенно складывались национальные менталитеты евро-азиатских народов. Значительную роль в появлении присущих каждому народу и всем вместе миропонимания, мировоззрения, мировидения играло традиционное прикладное искусство.

В последние годы руководители различных евразийских государств все чаще стали говорить о традиционных духовно-нравственных ценностях, процесс формирования которых неизбежно связан с эволюцией традиционной культуры, в том числе худо-

жественной. В нее входит и традиционное прикладное искусство. В нем исторически обусловлены такие уникальные особенности данного вида искусства, как традиционность, коллективность, преемственность, синкретизм, жизнерадостность и др. Особое место мастера уделяли духовной наполненности произведений народного художественного ремесла, отражению в них народных этического и эстетического идеалов.

В традиционном прикладном искусстве перекрещиваются бытовые и художественные потребности, труд, игра и обряд, коллективные представления и индивидуальное творчество, будни и праздники, различные формы художественного постижения мира. Произведения народного художественного творчества рождаются на основе слитного материально-духовного производства, содержат глубокий идейный и эстетический смысл. Оценивая историю человечества как социоприродную эволюцию, следует отметить сотворчество человечества и природы в качестве основания человеческого бытия. Современное социокультурное пространство пробует сохранить в себе Природу как сущностную часть человеческой культуры. И главную роль в этом должен сыграть сам человек. В связи с этим, как отмечают казахстанские исследователи, такие феномены, как этничность, национальный характер, менталитет, национальная традиция, стали одними из популярных тем общественных наук, число публикаций по которым всё возрастает [1].

Менталитет наиболее широко определяется сегодня как совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих социальной или этнической группе, нации, народу, народности. Часто его называют просто складом ума. Современные реалии требуют сохранения, распространения и развития национальной культуры, поскольку страна нуждается в воспитании патриотов, граждан правового, демократического, социального государства, уважающих права и свободы личности и обладающих высокой нравственностью; формировании у детей и молодежи целостного миропонимания и научного мировоззрения, развитии культуры межэтнических отношений, систематическом обновлении всех аспектов образования, отражающих изменения в сфере искусства, науки, техники. Все это достигается использованием опыта традиционного прикладного искусства в области воспитания и образования подрастающих поколений, которые имманентно носят интегративный характер. Ин-

тегративная природа этого вида искусства проявляется наличием однородных или близкородственных знаний и умений, релевантных относительно широкой сферы культуры и деятельности. Отметим в связи с этим расширение использования термина «евразийская культура» в исследованиях последних лет.

Обращение к опыту традиционной культуры, в том числе и особенно традиционного прикладного искусства, позволит сохранить на Земле человека и плоды его материальной и духовной деятельности, созданные на основе национальных принципов этики и эстетики, общечеловеческих понятий Добра и Красоты. Напомним здесь определение, данное академиком РАО Г. Н. Волковым, неоднократно отмечавшем наличие в традиционной культуре «народного идеала совершенного человека» [2]. Сохранение, распространение и развитие национальной культуры должно стать приоритетным направлением в системе российского образования в условиях отхода от гуманистических традиций и потери нравственных и духовных ценностей и идеалов, накопленных государствами и цивилизациями Евразии в её многотысячелетней истории: добродетели, альтруизма, помощи, любви, честности, справедливости, ответственности, ограничения, достоинства и др.

Традиционное (народное) искусство обладает общечеловеческими, национальными и локальными (местными) проявлениями. Их истоки связаны с процессами материальной и духовной культуры, протекавшими в весьма отдаленный период. Генезис художественных форм и основополагающих художественных принципов традиционного прикладного искусства, их сложение происходили непосредственно в трудовой деятельности, в ходе создания бытовой вещи, что обусловило синкретичный характер народного искусства в целом и народного художественного ремесла в частности.

Наличие неразрывных связей художественного творчества со всеми иными аспектами народной жизни явилось той питательной средой, которая позволила в традиционном искусстве разных стран и эпох вновь и вновь воспроизводить с необходимой степенью жизненности древнейшие, общие для всего человечества художественные формы и принципы. Обращает на себя внимание тот факт, что сам творческо-трудовой процесс, в результате которого мастера придают природным материалам искомую форму, оказывается близким для искусства различных евро-азиатских народов и во времени меняется весьма несущественно.

Если в профессиональном искусстве художник может выражать или, наоборот, игнорировать национальные особенности духовной культуры общности, к которой он принадлежит, то в народном искусстве, характеризующемся значительно большей самопроизвольностью и вместе с тем обязательной принадлежностью личности к своей этнической и национальной группе, такая избирательность исключается. В результате этническое и национальное проявляется в народном искусстве органично, возникая как следствие определённых особенностей духовной структуры данного этноса и продолжая свое бытие вместе с сохранением этих особенностей. Народное искусство на протяжении многих веков имело коммуникативную функцию в качестве одной из основных, служило средством передачи общественно важной информации, тем самым активно способствовало развитию духовной жизни вообще.

Следует вновь обратить внимание на мнение Л. Н. Гумилёва, утверждавшего бессмертный смысл традиции в народном искусстве: «Истлевают полотна и пергаменты, гниет дерево, окисляются металлы, крошится камень... Но формы, воспроизводимые из поколения в поколение, при наличии живой традиции, противостоят Времени и заполняют Пространство, превращая хаос в космос» [3, с. 40]. В процессе исполнения изделий традиционного прикладного искусства и их включения в современное бытие человека формируется креативная личность гражданина, знающего и сохраняющего национальные и общечеловеческие традиции, одновременно транслирующего их в социокультурное пространство будущего.

Библиографический список

1. Егенисова А. К., Ерубаяева А. Р. Психологические особенности национального менталитета казахского народа // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 4–2. С. 371–376.
2. Волков Г. Н. Избранные этнопедагогические труды. Элиста : Джангар, 2003.
3. Гумилёв Л. Н. Искусство и этнос // Декоративное искусство СССР. 1972. № 1. С. 36–41. Переиздано: Декоративное искусство стран СНГ. 2012. № 3 (414). С. 8–9.

СЕКЦИЯ 1

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ФЕНОМЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ ВОКРУГ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕИ

УДК 130.2, 304.4

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОТ ТРУБЕЦКОГО ДО ХАНТИНГТОНА

Ирина Валерьевна Фотиева

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия
fotieva@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы национальной и культурной идентичности, поднятые представителями евразийства и развитые в последующих трудах разных авторов, в первую очередь С. Хантингтона. Отмечается тривиальность и слабая обоснованность выводов Хантингтона относительно путей преодоления конфликтогенных аспектов этнокультурной идентичности. Показана возможность и необходимость поиска методов объективных оценок самих культурных традиций, ценностей и институтов, основанных не на современных либерально-демократических критериях, а на исторической практике и выводах современной науки. Утверждается, что на этом пути возможно формирование фундамента для реального диалога культур.

Ключевые слова: евразийство, этнокультурная идентичность, Н.С. Трубецкой, С. Хантингтон.

ISSUES OF CULTURAL AND NATIONAL IDENTITY: FROM TRUBETSKOY TO HUNTINGTON

Irina V. Fotieva

Altay State University,
Barnaul, Russia
fotieva@bk.ru

Summary. The article examines the problems of national and cultural identity raised by representatives of Eurasianism and developed in subsequent works by various authors, primarily S. Huntington. The triviality and weak validity of Huntington's conclusions regarding ways to overcome conflict-generating aspects of ethnocultural identity are noted. The possibility and necessity of searching for methods for objective assessments of cultural traditions, values and institutions themselves, based not on modern liberal democratic criteria, but on historical practice and the conclusions of modern science, is shown. It is argued that along this path it is possible to form the foundation for a real dialogue of cultures.

Keywords: Eurasianism, ethnocultural identity, N.S. Trubetskoy, S. Huntington.

Проблемой межкультурного и межэтнического взаимодействия среди евразийцев, как известно, серьезно занимался Н.С. Трубецкой. В работе «Об истинном и ложном национализме» он дает развернутые характеристики и оценки этих форм национального самосознания, в первую очередь на примере западного («романо-германского») мировосприятия: «Человек с ярко выраженной эгоцентрической психологией бессознательно считает себя... лучшим из всех существ. Из двух других существ то, которое к нему ближе, более на него похоже, — лучше, а то, которое дальше отстоит от него, — хуже. Поэтому всякая естественная группа существ, к которой этот человек принадлежит, признается им самой совершенной. Его семья, его сословие, его племя, его раса — лучше всех остальных, подобных им. Романо-германцы, будучи насквозь пропитаны этой психологией, всю свою оценку культур земного шара строят именно на ней» [1].

Как преодолевать этот «ложный национализм», который сегодня стал причиной не просто острых, а угрожающих самому существованию человечества конфликтов? Н.С. Трубецкой формулиру-

ет ключевые, в некотором смысле программные тезисы: «Познай самого себя» и «Будь самим собой». Они дополняют друг друга: быть самим собой — значит осознать и утвердить собственную самобытность и предназначение своего народа на Земле. Здесь, конечно, сразу вспоминается В.С. Соловьев: «...идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [2, с. 187]. Но реализация первого тезиса невозможна без второго, без самопознания, и в этом процессе, по мнению Трубецкого, неизбежно осознание ценности, культурной и духовной значимости других народов.

Трудно не согласиться с Н.С. Трубецким в целом, но при попытке воплотить в жизнь эти тезисы возникают трудности. Во-первых, само представление о миссии каждого народа основано на неких предпосылках, которые еще нуждаются в анализе. Во-вторых, на практике здесь мы переходим из сферы философии, социологии или культурологии в психологию, затрагиваем проблему этнокультурной идентичности. Она, как известно, представляет собой не столько убеждение, итог теоретической рефлексии, сколько некую органическую «составную часть» самой личности (и, в целом, совокупности личностей, составляющих этническую общность). Поэтому процесс осознания своей национальной культуры именно в ряду других, формирование уважения к ним и признания их равноправия со своей — будет наталкиваться на некое внутренне сопротивление, преодолеть которое, выйти за рамки личностного, субъективного восприятия достаточно сложно.

Н.С. Трубецкой отчасти затрагивал эту тему. В своей работе «Европа и человечество» он пишет: «В психологии каждого человека нам непосредственно понятны и доступны только те черты, которые общи у него с нами», откуда следует, что, когда два человека, воспитанные в близких культурных традициях, встречаются друг с другом, «они оба понимают друг в друге почти все черты психики»; в противном случае налицо непонимание, «ибо в этой области между двумя встретившимися нет ничего общего» [3].

Таким образом, Н.С. Трубецкой предвосхищает важный вопрос: могут ли в принципе люди существенно различающихся культур приходиться к взаимопониманию и когда-то, в историческом пределе, практически свести на нет конфликты и войны? Сам он не развивает эту тему, но она обретает особую актуальность в наши дни. Следуя этой логике в анализе международных противостояний

и конфликтов, мы также должны анализировать не только внешние факторы (экономические, политические), но и внутренние, психологические (социопсихологические). На этом сделал акцент С. Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций», уже ставшей классической.

С. Хантингтон не только акцентирует этот фактор, но считает его во многом определяющим «вес» внешних факторов: «Люди идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и – на самом широком уровне – цивилизациями. Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов» [4, с. 6]. В более мягкой форме об этом писал Дж. Грей в «Поминках по Просвещению», негативно оценивая попытки внедрения экономических, политических, культурных форм и механизмов одной культуры в почву другой и также отмечая наличие препятствующих социокультурных и психологических факторов [5]. Но С. Хантингтон идет дальше, утверждая, что политика – далеко не главное, что разделяет народы. «Более фундаментальные принципы деления человечества – этнические, религиозные и цивилизационные – остаются и становятся причиной новых конфликтов» [4, с. 38].

Какой же выход видит сам автор? О возможных выходах он рассуждает в последней части работы, и трудно здесь не увидеть некоторую поверхностность и даже противоречия. Так, с одной стороны, он утверждает: «Вера в то, что не-западным народам нужно усвоить западные ценности, институты и культуру, аморальна, если подумать о том, что необходимо для реализации такой задачи», – так как это «усвоение» на практике превратится в насильственное навязывание, что опасно, по мнению Хантингтона, и для мира в целом, потому что может привести «к крупной межцивилизационной войне между стержневыми государствами», но и для Запада, «потому что может привести к поражению Запада» [4, с. 223].

С другой стороны, С. Хантингтон выдвигает целый ряд предложений для сохранения «могущества Запада» [4, с. 227], в связи с чем возникает закономерный вопрос даже по поводу самого термина: почему именно могущество, а не процветание или благополучие? Очевидно, что этот термин подразумевает ведущую роль и влияние на другие страны. По поводу этнических, религиозных и культурных факторов, разъединяющих человечество, он не ожи-

данно пишет: «Хотя они и могут представлять собой источник конфликта для либеральных обществ, этот конфликт вытекает не из либерализма, а скорее из того факта, что этот либерализм осуществлен не полностью» [4, с. 258]. Так, религиозные конфликты, по его мнению, могут «с успехом удовлетворяться в сфере частной жизни» [4, с. 259]. Бесспорно, что так может рассуждать лишь нерелигиозный человек. В итоге он отчасти противоречит выводам своего же предыдущего анализа, из которого отчетливо видно, что этнокультурная специфика — не исторический дефект, который должен быть преодолен в «конце истории», а некая глобальная закономерность, о чем и писали евразийцы, их предшественники и последователи.

Но преодолимы ли не сами этнокультурные различия, а их конфликтогенные аспекты? Хантингтон в конечном итоге выдвигает центральный тезис: необходимо искать общую платформу для межкультурного диалога и, в идеале, преодоления конфликтов. И эту платформу он видит в выявлении ядра ценностей, общих для всех стран и народов — и в определенном смысле самоочевидных. С одной стороны, эта старая идея представляется достаточно верной. Но почему же она не только не реализована, но, напротив, сегодня мы видим небывалое со времен Второй мировой войны обострение конфликтов?

Здесь налицо два главных фактора, препятствующие ее осуществлению. Во-первых, люди руководствуются в своей непосредственной жизни и деятельности далеко не только самоочевидными и не только здравыми идеями и ценностями. Это относится не только к индивидуальным, но и национальным ценностям. Вся история показывает приверженность той или иной этнокультурной общности к определенным идеям и установкам, которые или явно, или же потенциально деструктивны (как, скажем, идея джихада в мусульманстве). И формальное согласие по поводу ядра общих ценностей — никак не предотвратит действий, вдохновляемых этими деструктивными идеями. Если даже они не выходят на мировой уровень, а реализуются только в рамках страны, то возникает вопрос: может ли остальное человечество мириться с нарушением очевидных прав человека в этой стране? И каким образом можно повлиять на ситуацию? Прямым вмешательством? Очевидно, что это не выход. Сегодня, как известно, под предлогом защиты тех же прав человека осуществляется агрессия на страны-«нарушители». Сле-

довательно, благие цели (если даже оставить в стороне тот факт, что сплошь и рядом они отнюдь не благие) — ведут к тем же самым конфликтам.

Во-вторых, здесь возникает еще более сложный вопрос. Практически каждая общечеловеческая ценность на практике обрастает массой различных интерпретаций, которые часто приходят в прямое противоречие друг с другом. Ярким примером является ценность свободы личности. Но сегодня в западном менталитете все более утверждается «свобода ребенка», причем под этим предлогом нередко исключается воспитание как якобы форма насилия. Абсурдность этого очевидна, но, тем не менее, повторим, — это одна из популярных интерпретаций свободы личности. Другой пример: сегодня, в противовес ЛГБТ-идеологии, выдвигается ценность традиционной семьи. С этим можно согласиться, но снова возникает вопрос: что именно понимать под традиционной семьей? Только наличие разнополых родителей? Но ведь здесь масса других и весьма дискуссионных аспектов темы, например, гендерные роли в современном обществе.

В итоге мы приходим к выводу о необходимости объективной оценки самих ценностей, то есть их аспектов и возможных интерпретаций, а также основанных на них обычаев и традиций, причем во всех этнических/культурных общностях. И, в конечном итоге, выявления явно ложных. Но не будет ли здесь противоречия с признанием равноценности и важности всех культур и, как часто утверждается, всех их проявлений без исключения? Это большая тема, поэтому ограничимся некоторыми соображениями.

Вначале напомним снова слова Трубецкого: «Особой формой ложного национализма следует признать и тот вид культурного консерватизма, который искусственно отождествляет национальную самобытность с какими-нибудь уже созданными в прошлом культурными ценностями или формами быта и не допускает изменение их даже тогда, когда они явно перестали удовлетворительно воплощать в себе национальную психику» [1]. С этим трудно не согласиться, и крайний консерватизм не менее опасен, чем крайний «прогрессизм», с ходу отрицающий «все старое». Поэтому постоянное осмысление того ценностного фундамента, на котором покоится само существование и общества, и конкретной личности, — крайне важная и насущная задача.

На наш взгляд, подобные оценки хотя и крайне сложны, но не только возможны, но постоянно проводятся — и в теорети-

ческих работах, и в исторической практике. В любой культуре постепенно вычленяются подлинные, конструктивные, и ложные, деструктивные элементы. Вспомним общеизвестные примеры: институт рабства; индийская традиция сати; китайская традиция бинтования ног у девочек — все эти и им подобные элементы прошлых цивилизаций и национальных культур естественным образом отошли в прошлое; при этом вряд ли кто-то будет настаивать на необходимости их возрождения. Что касается религии, то можно вспомнить хороший пример практически абсолютной веротерпимости в буддизме как по отношению к другим религиям, так и в своей среде, несмотря на множество существенных (и по некоторым вопросам принципиальных) расхождений.

И, наконец, по мере развития науки, особенно естествознания, мы получаем все больше данных для вполне объективной оценки тех или иных традиций, равно как и новых тенденций, о чем писал еще К. Лоренц в своей известной работе «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества». Отметим попутно, что упреки Лоренца в биологизаторстве, на наш взгляд, очень преувеличены, и сегодняшняя практика подтверждает многие его выводы.

Конечно, подобный теоретический анализ — это лишь первый шаг. Вслед за ним необходима добрая воля, прежде всего правительств, для принятия и осмысления результатов этого анализа — и, главное, практическое применение его результатов самими государствами как во внешней политике, так и во внутренней (образование, воспитание, сфера культуры). Есть основания предположить, что это единственный, хотя сложный и долгий, путь решения поставленных проблем.

Библиографический список

1. Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме. URL: <https://litvek.com/br/155407?ysclid=lxkhntrefr76276904>
2. Соловьев В.С. Русская идея // Русская идея. М. : Республика, 1992. С. 185–205.
3. Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Н.С. Трубецкой. Россия и Запад. М. : Алгоритм, 2014. URL: <https://bookshaker.net/download/2d3dc5c6-3ee1-4611-bff1-2c50d543d1a2?format=fb2.zip>
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 603 с.

5. Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М. : Праксис, 2003. 368 с.

УДК 1: 32 (470)

РУССКИЙ МИР КАК ЧАСТЬ ЕВРАЗИЙСКОГО МИРА

Татьяна Александровна Артамонова

Алтайский государственный аграрный университет,
Барнаул, Россия
Art-katun@mail.ru

Аннотация. В контексте последних международных событий на повестке дня вновь оказались вопросы национального самосознания, которые впервые отчетливо зазвучали в отечественной мысли с середины XIX века. В конце XX века в научном социогуманитарном дискурсе прочно утвердился концепт «русский мир», который включал особое прочтение национальной, культурной и геополитической действительности. Сегодня он требует корректировки с учетом многонациональной специфики России и сопредельных территорий, входящих в область притяжения «русского мира». Понятие «евразийский мир» в данной ситуации способно выполнить консолидирующую задачу.

Ключевые слова: Россия, русский мир, национальное самосознание, евразийство, геополитика, евразийский мир.

THE RUSSIAN WORLD AS A PART OF THE EURASIAN WORLD

Tatyana A. Artamonova

Altai State Agriculture University,
Barnaul, Russia
Art-katun@mail.ru

Summary. In the context of recent international events, issues of national identity have once again appeared on the agenda, which for the first time clearly sounded in Russian thought since the middle of the XIX century. At the end of the twentieth century, the concept of the «Russian world» was firmly established in scientific socio-humanitarian

discourse, which included a special reading of national, cultural and geopolitical reality. Today, it requires adjustment considering the multinational specifics of Russia and neighboring territories that are part of the area of attraction of the «Russian world». The concept of the «Eurasian world» in this situation is capable of fulfilling a consolidating task.

Keywords: Russia, Russian world, national identity, Eurasianism, geopolitics, Eurasian world

События последних десяти лет со всей очевидностью показали, что в России актуализировался процесс самоидентификации и определения своего цивилизационного статуса. Сегодня мы являемся свидетелями, что национальное самосознание пытаются ограничить понятием «русский мир». Это требует его предельно широкого толкования, ссылок на то, что «русский мир» не исключает многонационального содержания. Все это несет с собой определенные угрозы раскола внутри российского общества и противостояние с национальными интересами сопредельных территорий, входящих в область притяжения «русского мира».

Русский мир – это понятие не только национально-историческое и отнюдь не географическое. Сложившаяся на протяжении истории на основе сходства языка, культуры, исторических событий общность людей прежде всего ощущала свое родство не столько по национальному, сколько по духовному признаку, как отмечают многие авторы [1]. Со временем русский мир приобрел как социально-историческую, культурно-нравственную, так и государственную и геополитическую окраску. Он должен был утвердить себя на пространстве Евразийского материка. «Россия, как великая континентальная держава, формировалась и расширялась не за счет завоевания заморских колоний, подобно Испании, Англии или Франции, а путем естественного расширения ее пространственно-культурного ядра, сосредоточенного в междуречье Волги и Оки, на север, юг и на восток Евразии» [2, с. 85]. Движение русских на север, юг и восток континента, как три стратегических геопроекта российской цивилизации, включало в область влияния «русского мира» многие народы, которые, с одной стороны, не перестали быть представителями своего этноса, а с другой стороны, естественным образом были вовлечены в орбиту русской культуры. Это и положило начало двойственности восприятия понятия «русский мир».

Однако в постперестроечное время рубежа XX–XXI веков понятие «русский мир» потеряло свой первичный – этнокультурный – смысл и с подачи методологов и политехнологов Петра Щедровицкого и Ефима Островского активно использовалось как понятие, связанное с идентификацией российских соотечественников, оказавшихся за рубежом. Позже «русский мир» стал восприниматься как основа внешнеполитической доктрины и геоэкономической концепции Союза правых сил [3]. На официальном уровне впервые термин «русский мир» прозвучал в Москве в 2001 году в выступлении В.В. Путина на Конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом.

Сегодня понятие «русский мир», как и «русский человек», имеет предельно широкую трактовку, которая порой воспринимается как попытка подменить содержание «российской идентичности». В геополитическом плане многие народы сопредельных территорий воспринимают как инструмент «мягкой силы» позиционирование России исключительно как «русского мира». «Если в XIX веке Россия предлагала панславизм, то после 1991 года она распространяла доктрину «Русского мира», своего рода панрусизм, потому что она предназначена только для русских за пределами России, она не славянская и не балканская, а русоцентричная», – так считают некоторые болгарские исследователи [4]. Позиция украинских представителей научного сообщества по понятным причинам наиболее радикальна. Еще в 2012 году в «Вестнике Бурятского государственного университета» появилась статья «Концепт русским мир и национальная идентичность украинцев». Автор Н.А. Козловец пишет, что русский мир – это мощная мифологема с великодержавным оттенком. «Создавая систему пространственно-временного сакрализованного текста национально-православной идентичности, полумифологический концепт русский мир так или иначе связан с возвращением “имперского величия” России и втягиванием Украины в орбиту российской ментально-пространственной матрицы. ... Имея в виду под понятием “русский мир” “мир российский”, тем самым отрицается значительная украинская государственническая традиция, вводится в массовое сознание современных украинцев мысль о том, что они, дескать, народ в своей истории преимущественно негосударственный и к созданию государства малоспособный» [5, с. 59]. Складывается впечатление, что представители украинских националистических движений уже в то время искали плацдарм для кон-

солидации сепаратистских настроений на территории национальных округов России, используя критику концепта «русский мир».

В силу этих причин многие отечественные исследователи закономерно ставят вопрос: насколько уместно сводить все многонациональное разнообразие российской цивилизации к русскому миру? Насколько лояльно отнесутся другие народы к такому позиционированию России? Приверженность представителей других национальностей к русской культуре воспринимается весьма органично, но «русский мир» порой воспринимается как транснациональная и трансгосударственная экспансия. Показательна в этом плане позиция президента Белоруссии Александра Лукашенко, который в своих выступлениях не единожды подчеркивал, что белорусы являются русскими людьми, но при этом не относятся к «русскому миру». Таким образом, термин «русские» использован им в культурном значении, а «русский мир» — исключительно в геополитическом», — делает заключение А.Д. Гронский, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук [6].

Чтобы избежать конфронтации внутри российского многонационального и многоконфессионального общества, а также между народами, находящимися в поле притяжения русской культуры, необходимо использовать другое понятие, например, «евразийский мир». Не случайно классики евразийства подчеркивали, что русский мир в современности играет консолидирующую роль на пространстве внутренней Евразии [7]. «Попытки помимо воли включить людей иных национальностей в состав “русского мира” даже со всеми оговорками, что этот мир многонационален и различен внутри самого себя, могут быть чреваты обострением внутренних межнациональных отношений. Поэтому со словосочетанием “русский мир” следует обращаться крайне аккуратно даже внутри страны, учитывая, что слово “мир” в русском языке имеет явные пространственные и консолидирующие коннотации. Рецепт тут может быть только один — сами граждане России, принадлежащие к другим национальностям, должны решать, принадлежат они к русскому миру или нет» [8, с. 60].

В качестве заключения хотелось бы отметить, что понятие «русский мир» в его этнокультурном контексте имеет уже свои традиции применения и не требует расширения смысловых границ

и коннотаций. Пространственная «привязка» русского мира к определенным территориям и областям на карте Евразии грозит лишь поддержанию антирусских настроений. С геополитических позиций с учетом приоритетов евразийского культурно-географического пространства, а также для укрепления внутреннего единства российского общества возникает необходимость более широкого употребления термина «евразийский мир». Ведь с позиций классического евразийства, российская цивилизация, помимо русского мира, объединяет также тюркский, монгольский и угро-финский этнокультурные миры.

Библиографический список

1. Иванов В.И. Русский мир (экспертные суждения и оценки) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2010. № 1. С. 5–16.
2. Иванов А.В. Освоение и развитие Сибири как третий российский стратегический геопроjekt // Вестник Омского государственного университета. 2019. Т. 24, №3. С. 84–96.
3. Щедровицкий П. Русский мир и транснациональное русское. URL: https://web.archive.org/web/20101030063959/http://archipelag.ru/ru_mir/history/history99-00/shedrovicky-transnatio.
4. Григорова Д. «Русский мир»: русская идентичность как «мягкая сила» на Балканах // Славяне и Россия. 2020. №1. С. 456–472. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-mir-russkaya-identichnost-kak-myagkaya-sila-na-balkanah>.
5. Козловец Н.А. Концепт русский мир и национальная идентичность украинцев // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 6А. С. 57–64.
6. Гронский А.Д. Русский мир в поисках содержания: опыт славянских государств постсоветского пространства // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15, № 4. С. 186–201.
7. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М. : Аграф, 1997. 464 с.
8. Иванов А.В., Журавлева С.М. «Русский мир» и Евразия // Социокультурный потенциал и перспективы развития русского мира в трансграничном пространстве центральной Азии : материалы Международной научно-практической конференции. Барнаул, 2019. С. 59–65.

УДК 167

НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ ЕВРАЗИЙСТВА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Виктория Васильевна Лапина

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия
lapinavvv2002@mail.ru

Аннотация. Ввиду необходимости осмысления многообразия социокультурных миров, наполняющих постсоветское пространство, в качестве цивилизационного единства в статье предпринимается попытка рассмотреть концепции классического евразийства в качестве методологического фундамента современных исследований процессов, происходящих в Евразийском регионе.

Ключевые слова: методология, евразийство, организационная идея, месторазвитие, персонология.

SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL IDEAS OF EURASIANISM AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR MODERN STUDIES

Victoria V. Lapina

Altai State University,
Barnaul, Russia
lapinavvv2002@mail.ru

Summary. In view of the need to comprehend the diversity of socio-cultural worlds that fill the post-Soviet space as a civilizational unity, the article attempts to consider the corpus of ideas of classical Eurasianism as a methodological foundation for modern studies of the processes taking place in the Eurasian region.

Keywords: methodology, Eurasianism, organizational idea, place development, personology.

Современная социальная реальность становится все более информационно наполненной, а социокультурные процессы, протекающие сегодня как внутри России, так и за ее пределами, одни исследователи пытаются осмыслить сквозь призму сетевой структуры

общества, другие через действие дихотомической пары глобализация/глокализация; третьи стремятся к познанию путем суммирования опыта и выведения новых закономерностей развития социума. Однако принципиальным на сегодняшнем этапе исторического бытия российского общества является осмысление его в контексте целостности евразийской цивилизации, а также осуществление попытки понимания культурной, политической, хозяйственной и других сторон жизнедеятельности этнокультурных общностей, проживающих в евразийском пространстве, в качестве взаимосвязанных, а не изолированных. По мысли ученых-евразийцев, подобное осмысление становится возможным благодаря причастности всех аспектов социальной и природной жизни единому цивилизационному пространству, организованному в соответствии с евразийской идеей. Подобно тому, как в художественном произведении все элементы композиции подчинены общему замыслу, сюжетно-семантическому образу и связаны с композиционно-смысловым целым, географические, экономические, политические, культурные процессы протекают в русле единой, но многообразно и сложно проявляющейся евразийской истории. Развитие данного принципа мы рассмотрим на примере основополагающих идей отцов-основателей евразийства – С.Н. Трубецкого и П.Н. Савицкого, а также в работах Л.П. Карсавина.

Проявлением общевразийских холистических интенций в сфере методологии научных исследований является теория персонологии Н.С. Трубецкого. В своей концепции мыслитель рассматривает личность не исключительно в индивидуальном и рационалистичном понимании, но и в аспекте ее социальной и иррациональной природы, активно проявляющийся в бытии народа, являющегося «многочеловеческой личностью». Развивая идею множественности самобытных культур, Н.С. Трубецкой сравнивает их с «сборными», «хоровыми» личностями, которые обладают особыми лингвистическими, психологическими, религиозными чертами [1, с. 8]. Поэтому лишь в изучении всей целостности жизни человека возможно адекватное познание его личности, а понимание того или иного этнокультурного, цивилизационного образования достигается при анализе всех аспектов его социальной активности в их взаимосвязи и конкретности. Персонология призвана координировать развитие иных наук, задавая им центростремительный вектор;

так как каждая наука в своей обособленности может претендовать лишь на неполное, обрывочное знание [2, с. 171].

Л.П. Карсавин, другой евразийский философ, развивал созвучную персонологической концепции идею симфонической личности, противопоставляя ее марксизму, либерализму и материализму, ведущим к атомизации и деградации органической культуры народов [3, с. 145]. Основным смысл его учения заключается в обосновании необходимости рассмотрения истории человеческих общностей сквозь призму коллективной сущности человеческой природы, способной во всей полноте реализовать свою личность, лишь раскрываясь на разных уровнях социальной интеграции [4]. Симфонической личностью являются конкретные люди, ощущающие и осознающие себя единым организмом, признающие, что коллективные цели значимее индивидуальных, и проявляющие себя одним социальным актором. Таким образом, Л.П. Карсавин стремится проявить и обосновать симфоничное, гармоничное иерархическое единство индивидуальной психологической жизни людей и социокультурной жизни семей, народов и других общностей.

Такой же интегральной по своей сущности является концепция месторазвития П.Н. Савицкого, которая описывает ландшафтно-климатические, географические особенности того или иного пространства сквозь призму его взаимодействия с антропологическим, социокультурным измерением. Любое место, будучи наделенным своеобразными особенностями, подталкивает проживающих на нем людей к организации культурно-хозяйственной жизни с учетом этих характеристик. Поэтому социокультурные миры степных, горных, океанических и речных народов так различаются. Россия, обладая своеобразными условиями месторазвития, отличными от европейских и азиатских, формирует, таким образом, особый историко-цивилизационный мир: «культура есть принадлежность месторазвития, поэтому социум, испытывающий его влияние, приспосабливает его к себе и приспосабливается к месту своего развития» [5, с. 141]. При этом описанные отношения природы и культуры, географии и социальности имеют не детерминационный характер, но осуществляются в органичном взаимодействии и синтезе [2, с. 169]. Поэтому Евразия есть пространство, имеющее не только физическое, природное измерение, но и социокультурное, семантическое. И то, и другое постоянно стремятся выразиться друг в друге, раскрыв, в конечном счете, евразийскую идею. Из подробного структурно-

го анализа этих измерений и дальнейшего философского синтеза ключевых его категорий возможно понимание сущности цивилизационного единства. Таким образом, месторазвитие является «текстом», осмыслить который есть задача исследователей России-Евразии, понимаемой как единое целое с неизменной структурой, моделью организации и содержательно-переменными явлениями русской культуры, политики, экономики [6, с. 197].

В работе «Научные задачи евразийства» П.Н. Савицкого мы видим призыв к взаимодействию наук, находящий отклик в стремлении современных ученых к синергичным, междисциплинарным исследованиям [7]. Однако основное отличие междисциплинарного подхода от описываемого евразийского заключается в принципиальном нахождении последнего в платоническо-аристотелевской парадигме, в которой статус первичности признается либо за идеями, эйдосами, излучающими онтологические энергии на вещи феноменального мира, либо за неразделимой связью формы и материи.

Так, П.Н. Савицкий пишет: «В организационной идее каждого явления мы нащупываем его эйдос. И наблюдая, как эйдос управляет явлением, мы приходим к эйдократической концепции сущего» [8]. А также: «Евразийцы отмечены совершенно исключительным вниманием к материальному, даже особым чутьем к нему. Недаром их часто обвиняют в “географическом материализме” Но то материальное, с которым они имеют дело, – это материя, проникнутая идеей, это материя, в которой дышит Дух» [9]. Распознать, проявить эту идею из глубин народного бытия, выражающегося в самобытной культуре, призвана интеллигенция этой этнокультурной целостности. Заметим, что и в этом аспекте евразийского подхода нет жесткого разделения, но предполагается органическая связь и взаимопонимание между слоями общества, обеспечивающаяся за счет того, что интеллектуальная активность истинной евразийской интеллигенции холистична и воплощена в синтезе научных и религиозных воззрений [10, с. 18].

Ряд дефиниций симфонической личности, месторазвития, организационной идеи может говорить о философской однородности евразийского подхода, требующего пристального внимания современных исследователей. Следуя лишь таким трудоемким для ума, привыкшего к дискурсивно-разделяющим операциям, путем, современная наука способна выйти из тупика, в который порой заводит

ее новоевропейская эпистемология, поставившая во главу научного метода жесткий субъектно-объектный дуализм, лишенный живой и объединяющей связи как с реальной феноменологической жизнью, так и с Трансцендентным. Научный подход к познанию социальной реальности, сложившийся в эпоху Нового времени, ведет в одном случае к полному позитивистско-материалистическому детерминизму, а в другом – к тотальной релятивизации субъективных представлений и мнений атомизированных индивидов, лишенных всех форм коллективной идентичности.

Таким образом, обратившись к трудам классиков евразийства, мы обнаруживаем эвристически плодотворное основание проведения исследований по широкому кругу научных проблем современности. Принимая во внимание соподчиненность различных сторон активности евразийских этнокультурных общностей объединяющей их Идеи-Правительнице, становится возможным углубление знаний о принципах и закономерностях осуществления процессов на постсоветском пространстве, а также понимание смысла, заложенного в самой онтологической структуре Евразии. Вместе с тем следование эпистемологическим принципам, описанным в статье, призвано привести тот массив отдельных исследований, которые посвящены евразийской проблематике и активно проводятся сегодня в большинстве регионов постсоветского пространства, к реальной интеграции научного знания, формирующего единство социокультурных общностей Евразии.

Библиографический список

1. Ермишин О.Т., Ермишина К. Б. К вопросу о филиации идей: С. Н. Трубецкой и Н. С. Трубецкой // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2013. №3. С. 3–12.
2. Кириченко М.М. Структурализм Пражского кружка и евразийство: обзор книги Патрика Серию «Структура и тотальность» // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 159–177.
3. Медоваров М.В. Место евразийских статей Л.П. Карсавина в его творческом наследии // Русско-Византийский вестник. № 2 (13). 2023. С. 127–153.
4. Желтикова И.В. Евразийский вариант социального идеала Л.П. Карсавина // Полилог/Polylogos. 2021. Т. 5, № 2. DOI: 10.18254/S258770110015405-7.

5. Ермишина К.Б. Месторазвитие и ритмы Евразии: к обоснованию философии евразийства // Вестник РХГА. 2017. № 4. С. 135–147.

6. Вахитов Р.Р. Синтетический образ России-Евразии // Мир России. 2019. Т. 28, № 4. С. 193–200. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-193-200.

7. Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства. Статьи и письма. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына : Викмо-М., 2018. 680 с.

8. Логовиков П.В. Власть организационной идеи // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. 7. Париж, 1931. С. 129–134.

9. Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М. : Аграф, 1997.

10. Вахитов Р.Р. Евразийское учение об интеллигенции // Вестник ЧелГУ. 2009. №40 С. 14–23

УДК 321.0

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Анжелика Олеговна Корчагина

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия
angelika2401@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности евразийства через пассионарную теорию Л.Н. Гумилева и его влияние на образовательную политику. Российская образовательная система имеет свои черты, которые отражают исторические, культурные и социально-экономические особенности российской цивилизации, характеризующейся богатым культурным наследием, великими научными достижениями и технологическими традициями. Рассматривается роль пассионарного подхода в модернизации российской системы образования с учетом восточных и европейских черт образовательной системы России.

Ключевые слова: евразийство, Л.Н. Гумилев, пассионарный подход, этногенез, система образования, Восток, Запад.

EURASIAN INTEGRATION IN RUSSIAN EDUCATION SYSTEM

Anzhelika O. Korchagina

Altay State University,
Barnaul, Russia
angelika2401@yandex.ru

Summary. The article examines the features of Eurasianism through the passionary theory of L.N. Gumilyov and his influence on educational policy. The Russian educational system has its own features that reflect the historical, cultural and socio-economic characteristics of Russian civilization, which is characterized by a rich cultural heritage, great scientific achievements and technological traditions. The role of the passionary approach in the modernization of the Russian education system is considered, considering the eastern and European features of the Russian educational system.

Keywords: Eurasianism, L.N. Gumilyov, passionary approach, ethnogenesis, education system, East, West.

Евразийство – это философская концепция, которая выделяет Евразию как особое культурное и цивилизационное пространство. Эта концепция предполагает особую роль России как моста между Европой и Азией. В контексте системы образования в России евразийство может оказывать влияние на формирование образовательной политики, нацеленной на укрепление культурных связей с другими странами, особенно со странами СНГ и азиатским регионом.

Евразийство как концепция разрабатывалось, в частности, русским историком, этнографом и культурологом Львом Николаевичем Гумилевым. Основные идеи этой концепции заключаются в том, что судьбы различных народов и цивилизаций на пространстве Евразии тесно связаны, эти народы и цивилизации обменивались культурными традициями при взаимодействии друг с другом [1].

Евразийская концепция Гумилева оказала значительное влияние на ряд отечественных и зарубежных ученых и стала одним из ключевых направлений в изучении истории и культуры народов Евразии. Его труды оказали сильное воздействие на развитие социологии, этнографии, истории и других гуманитарных дисциплин.

Пассионарная теория Гумилева — это концепция развития общества, основанная на идее пассионарных толчков, способных поднять этнические сообщества к новым высотам и вдохнуть в них новую жизнь. Гумилев рассматривал пассионарность как особую форму психической энергии, способную мобилизовать и объединить людей вокруг общих идей и целей.

По мнению Гумилева, пассионарии — это определенные личности, способные вдохновлять других и возглавлять движения и общности в периоды кризиса или стагнации. Они являются своеобразными лидерами, способными вести свой народ к новым достижениям и победам. Пассионарные толчки могут возникать под воздействием различных факторов, таких как войны, катастрофы, религиозные убеждения или другие социокультурные явления. Они способны привести к развитию общества, преодолевая тупиковые ситуации и способствуя процветанию [2].

Пассионарная теория Гумилева обогатила понимание исторических процессов, подчеркнув важность роли личности в формировании и развитии общества. Она акцентирует внимание на ключевых фигурах и лидерах, способных внести изменения и поднять народы к новым вершинам. Ученый придавал большое значение влиянию природных и исторических факторов на развитие этнических общностей и рассматривал народы как органические образования, живущие в едином биосферном пространстве [2].

Что касается системы образования, то идеи Гумилева о евразийстве могут иметь влияние на подходы к формированию содержания образования. Понимание глобальной истории, взаимосвязей между различными культурами и цивилизациями, более широкое представление о культурном разнообразии — все это может найти отражение в образовательных программах, особенно в гуманитарных дисциплинах. В современном мире, где мобильность и межкультурное взаимодействие становятся все более важными, понимание единства и разнообразия евразийского пространства может быть полезным для формирования толерантного и межкультурного образования.

Влияние идеи этногенеза Л.Н. Гумилева на образовательную политику можно рассматривать с разных сторон. Его концепция возникновения и развития этносов может использоваться при формировании образовательных программ, особенно в части культурного наследия и этнического многообразия.

Евразийство и система образования в России взаимосвязаны и могут способствовать укреплению культурных связей и развитию образования как ключевого элемента культурно-цивилизационного развития страны. Система образования в России имеет свои особенности, она ориентирована на сохранение и развитие российской культурной и исторической идентичности.

Особенности «восточной» системы образования в России включают в себя ряд уникальных аспектов, которые отличают ее от западных моделей. Одним из ключевых элементов является уклон в сторону академического обучения и усиленное внимание к математике, физике и другим точным наукам. Подход к образованию в России также отличает запоминание информации, усидчивость и строгость в отношении выполнения заданий.

Традиционно система образования в России включает множество уроков по различным предметам, обязательные внеклассные занятия и подготовку к обязательным экзаменам, таким как ЕГЭ. Однако современные тенденции также предполагают развитие креативности, самостоятельности и критического мышления.

Важным аспектом «восточной» системы образования в России является также высокий авторитет учителей и строгая дисциплина в школах. Учеников часто учат подчинению, уважению старших и соблюдению традиционных ценностей.

Восточные признаки системы образования в России отражают стремление достигать высоких результатов, стройность и системность в обучении, а также уважение к знаниям и опыту.

Европейские особенности системы образования в России также имеют свои особые черты по сравнению с традиционными моделями западных стран. В России были позаимствованы некоторые принципы и методы обучения из европейских систем, однако они сочетаются с собственными традициями и подходами.

Одним из ключевых аспектов европейской модели образования, присутствующим в российской системе, является акцент на развитии личности ученика, его творческих способностей и самореализации. Образование в России стремится к развитию широкого круга навыков и компетенций учащихся, включая критическое мышление, коммуникативные навыки и самостоятельность.

Еще одной важной чертой европейской модели образования, которая присутствует в России, является внимание, уделяемое дифференциации обучения, адаптации программ к индивидуальным

потребностям учащихся. Это позволяет учителям более эффективно работать с разнообразными группами учеников и обеспечивать им более качественное образование.

Также европейская модель образования акцентирует внимание на разнообразии форм обучения и оценки знаний, что способствует развитию творческого подхода к учебному процессу и стимулирует учеников к самостоятельной деятельности.

Итак, в российской системе образования присутствуют как восточные, так и европейские особенности, что способствует разностороннему развитию учащихся и формированию у них современных компетенций.

В контексте образования пассионарный подход может быть интерпретирован как важный аспект формирования личности и развития образовательной системы. Развитие у студентов понимания своих ценностей, страстей, амбиций и уникальных способностей дает возможность выявления среди учащихся потенциальных пассионариев.

Образовательные программы могут быть ориентированы на развитие индивидуальных талантов, стимулирование саморазвития и самовыражения, а также на поиск и поддержку потенциальных лидеров и инициативных личностей в образовательной среде. Поддержка студентов в осуществлении их потенциала и личностного роста формирует новое поколение творческих и предприимчивых лидеров в различных областях общественной жизни.

Таким образом, пассионарный подход в образовании направлен на развитие индивидуальности, талантов и лидерских качеств учащихся, способствуя раскрытию их потенциала и формированию гармонично развитых личностей.

Библиографический список

1. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М. : АСТ, 2008. 606 с.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : АСТ, 2022. 704 с.

СЕКЦИЯ 2

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: ОРГАНИЗАЦИЯ, САМООРГАНИЗАЦИЯ, ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

УДК 304.5; 330.3

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ МИРОСИСТЕМНОГО АНАЛИЗА И ЭТНОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ольга Алексеевна Персидская

Институт философии и права СО РАН,
Новосибирск, Россия
olga_alekseevna@mail.ru

Аннотация. Показано, что в миросистемном анализе границы этнической группы определяются спецификой производственной деятельности и ее оплаты. Реализована попытка синтеза теоретических оснований миросистемного подхода и методологии этноэкономических исследований в отношении классификации способов получения дохода этническими домохозяйствами. Сделано заключение, что механизм воспроизводства этничности, принятый в миросистемном анализе, может быть рассмотрен наряду с тем, который предлагает евразийская школа мысли.

Ключевые слова: миросистемный анализ, евразийство, этноэкономика, синтез, этническое домохозяйство, доход.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL SYNTHESIS OF WORLD-SYSTEM ANALYSIS AND ETHNOECONOMIC RESEARCH

Olga A. Persidskaya

Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia
olga_alekseevna@mail.ru

Summary. It is shown that in the world-system analysis, the boundaries of an ethnic group are built by the specifics of production activity and its payment. An attempt was made to synthesize the theoretical foundations of the world-system approach and the methodology of ethno-economic research in relation to the classification of ways of earning income by ethnic households. It is concluded that the mechanism of reproduction of ethnicity adopted in world-system analysis can be considered along with proposed by the Eurasian school of thought.

Keywords: world-system analysis, Eurasianism, ethnoeconomics, synthesis, ethnic households, income.

Миросистемный подход сконцентрирован на динамике экономических отношений между странами ядра, периферии и полупериферии, и его оптика настроена на рассмотрение глобальных процессов, имеющих отношение к взаимодействию государств и их разнообразных объединений через товаропроводящие цепи (commodity chains).

На первый взгляд этносоциальная проблематика должна ускользать из области внимания миросистемного анализа, однако это не так. И. Валлерстайн, основоположник и классик этой школы, обращается к данной проблематике, рассматривая формирование границ этнического сообщества через особенности антиномии капитала и труда, лежащей в основе капиталистического способа производства. Центральная категория его анализа – домохозяйства (households), объединенные общей спецификой трудовой деятельности, которая приносит основной и дополнительные доходы. Оплачиваемый деньгами доход от производственной деятельности членов домохозяйства, как правило, меньше, чем необходимо для воспроизводства труда. Соответственно, домохозяйствам приходится искать иные способы получения дохода: вести натуральное хозяйство, осуществлять мелкое товарное производство, получать ренту, а также трансфертные или передаточные выплаты. Конфигурации способов получения основного и дополнительных доходов очень специфичны, и самое важное, что чаще всего они похожи внутри определенных территорий. По Валлерстайну, границы расселения этих домохозяйств, объединенных схожей системой труда, как раз и совпадают с границами этнических групп [1].

Современные исследователи, работающие в рамках школы миросистемного анализа, У. Данэвэй и Д. Клелланд, достраивают мезоуровень отношений государства и этнических групп, расположенных на его территории. Модель отношений, которая складывается в государстве между структурами, присваивающими прибавочную стоимость, произведенную на этнических территориях, и самими этими территориями с расположенными на них этническими домохозяйствами, они называют субимпериализмом. У. Данэвэй и Д. Клелланд подчеркивают обыденный и одновременно устойчивый характер отношений в рамках этой модели: «Наиболее распространенной формой субимпериализма является не применение военной силы, а скорее рутинное функционирование глобальных производственно-сбытовых цепочек, эксплуатирующих этнические сообщества» [2, р. 18].

Однако миросистемный анализ, задавая хорошую теоретическую рамку исследования, упускает необходимое для эмпирического анализа ее методологическое наполнение. Имеется в виду, что рамку необходимо наполнить показателями, характеризующими как специфику производственной деятельности этнических групп и ее оплаты, так и теми данными, которые позволили бы определить параметры неравенства между этническими группами и присваивающими прибавочную стоимость структурами.

Как представляется, интересной новацией здесь может выступить интервенция в область этноэкономических исследований, сфокусированных на выявлении и сравнении способов экономического поведения разных этнических групп или их этноэкономических укладов. В этих исследованиях приводятся и рассматриваются разные формы экономической деятельности, которые могут быть отнесены к этническим. В данной работе мы соотнесем формы этноэкономической деятельности, выявленные разными авторами, со способами получения дохода, которые выделяет И. Валлерстайн, при этом объясняя там, где это возможно, как в этих формах могло бы проявиться неравенство.

1. Доход от заработной платы. Условия труда, характерные для многих этнических территорий, находящихся в странах полупериферии, являются следствием возникновения и расширения промышленно развитой инфраструктуры, ориентированной на экспорт, становление которой сопровождается пролетаризацией этнических групп [3]. Эта пролетаризация выражается в низкой опла-

те труда, несоблюдении его условий, вовлечении части населения в нестабильный неформальный сектор экономики или в ненадежные соглашения о субподряде [4, 5]. Следствием этой пролетаризации является более высокий, чем в центральных районах государства, уровень бедности. Сравнительный анализ размера заработных плат, форм трудовых договоров и уровня безработицы по регионам центра и окраин государства, таким образом, дает общее представление о неравенстве этнических групп в нем.

2. Ведение натурального хозяйства. Здесь можно учитывать долю дохода домохозяйства от осуществления традиционного этнического природопользования, ведения сельского хозяйства, от переработки и продажи сельскохозяйственного сырья и дикоросов [6].

3. Осуществление мелкого товарного производства. В эту категорию следует отнести производство товаров, имеющих отношение к этническим промыслам и ремеслам. Исследователи акцентируют, что в современных условиях традиционные способы изготовления таких товаров изменяются за счет внедрения в производственный процесс современных технологий [7].

4. Получение ренты. Набирающий популярность этнический туризм открывает широкие возможности для пополнения дохода этнических домохозяйств за счет предоставления туристам мест проживания. Дополнительными к ренте источниками дохода в области этнотуризма могут быть экскурсионные и транспортные услуги, а также организация и проведение «этнически маркированных» массовых мероприятий [8].

5. Трансфертные выплаты. Наполнять эту категорию доходов могут государственные привилегии и преференции, направленные на представителей определенной этнической группы [9].

Таким образом, в миросистемном анализе именно специфика производственной деятельности и ее оплаты выстраивает границы этнической группы, а механизм субимпериализма подсвечивает критерии неравенства этнических групп. Подход к определению границ этнических групп, который предлагает миросистемный анализ, существенно отличается от анализа, принятого в этнологии и этнографии. В нем в основе уклада этнической жизни лежит способ получения дохода, а особенности, которые, как принято считать, составляют суть этнического феномена – ценности, нормы, традиции, обычаи, внутригрупповая солидарность, общность черт харак-

тера, быта и прочее — являются производными от этого способа. Определенно, такой подход противопоставлен евразийскому подходу, акцентирующему аксиологические оппозиции, маркирующие разные цивилизации [10]. Миросистемный анализ трактует отношения государства и этнических групп через понятие неравенства, чем снова противопоставляет себя евразийству, которое декларирует принцип равноценности разных культур [10, с. 52], в том числе этнических. Миросистемный анализ предлагает интересную трактовку механизма воспроизводства этничности, которая может быть рассмотрена наряду с предлагаемой евразийской школой мысли.

Библиографический список

1. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М. : Логос, 2004. 288 с.
2. Dunaway W. A., Clelland D. A. Challenging the Global Apartheid Model: A World-Systems Analysis // *Journal of World-System Research*, 2016, Vol. 22, Issue 1. P. 16–22.
3. Dunaway W. A., Clelland D. A. Moving toward Theory for the 21st Century: The Centrality of Nonwestern Semiperipheries to World Ethnic/Racial Inequality // *Journal of World-Systems Research*, 2017, Vol. 23, Issue 2. P. 399–464.
4. Charmes J. The Informal Economy Worldwide: Trends and Characteristics // *Margin: The Journal of Applied Economic Research*, 2012, No. 6. P. 103–32.
5. Dunaway W. A. Through the Portal of the Household: Conceptualizing Women's Subsidies to Commodity Chains // W. A. Dunaway (ed.) *Gendered Commodity Chains: Seeing the Hidden Women's Work and Laborer Households in Global Production*. Stanford University Press. P. 55–71.
6. Краснова Т.Г., Дулесов А.Н. Роль этноэкономики в социально-экономическом развитии региона // *Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетникова*. 2011. №4 (37). С. 234–240.
7. Брега Г.В. Этнические особенности экономического поведения : учебное пособие. М. : Прометей, 2018. 186 с.
8. Мадюкова С.А., Персидская О. А. Этноэкономика в действии: опыт Тувы и Алтая // *ЭКО*. 2018. № 5 (527). С. 45–64.

9. Печура О.В. Этноэкономика региона: теоретико-методологический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 3 (184). С. 56–60.

10. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Nonпарель, 2010. 449 с.

УДК 392

«НОВЫЕ ЭТНОСЫ»: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ

Лариса Викторовна Анжиганова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
Абакан, Россия,
alv_9@mail.ru

Марика Викторовна Топоева

Хакасский театр драмы и этнической музыки «Читиген»,
Абакан, Россия

Аннотация. В условиях глобализации этнические сообщества подвергаются радикальной перестройке. «Новая этничность» формируется на основе различных методологических подходов, в том числе конструктивистских. Этничность конструируется акторами, которые используют для этого новые формы самопрезентации. Одним из самых распространенных ее ресурсов являются СМИ, интернет. Теоретические положения в статье иллюстрируются примерами новых форм самопрезентации у хакасов.

Ключевые слова: «новый этнос», хакасы, «новая этничность», глобализация, конструктивизм.

FORMS OF SELF-PRESENTATION OF «NEW ETHNIC GROUPS»

Larisa V.Anzhiganova

Khakass State University named after N.F. Katanov,
Abakan, Russia,
alv_9@mail.ru

Marika V.Topoeva

Khakass Theatre of Drama and Ethnic Music «Chitigen», Abakan, Russia

Summary. In the context of globalization, ethnic communities are undergoing radical restructuring. The «new ethnicity» is formed on the basis of various methodological approaches, including constructivists. One of the most common forms of self-presentation is the media, the Internet system. The theoretical positions in the article are illustrated by examples of new forms of self-presentation of Khakas.

Keywords: «new ethnos», Khakas, «new ethnicity», globalization, constructivism.

Начиная со второй половины XX в. зарубежные исследователи стали всерьез сомневаться в объективном существовании многих общественных феноменов, в том числе этносов. Они считают, что ценности массовой культуры радикально меняют все процессы в обществе, вследствие чего последние обладают «элементами качественной новизны и нетрадиционности» [1, с. 3].

Ф. Барт указывал, что этнические группы (или этносы) определяются прежде всего по тем характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми и которые лежат в основе их самосознания [2, с. 41]. Собственно, эту же тенденцию отмечает и российский ученый-конструктивист В.А. Тишков, приходя даже к выводу о возможной объективной смерти этносов [3]. Однако сами этнические сообщества как коллективные образования сопротивляются такой исторической судьбе. Понимая трагические реалии современного состояния своих народов, их элиты активно ищут механизмы и формы воссоздания этноса как коллективной целостности (в территориальном, экономическом, социокультурном планах). И только поэтому конструктивизм становится востребованным такими национальными элитами [4, с. 47]. Последние активно конструируют «новые этносы». Теория социального конструктивизма в данном контексте рассматривает этот процесс связанным с согласием членов этнического сообщества по поводу того, что считать важным для воссоздания этноса.

Будучи коллективным субъектом, этнос представлен различными акторами. Под акторами понимаются определенное лицо либо группы людей, которые воздействуют на этнические процессы в соответствии с определенной стратегией. Здесь необходимо отметить, что гуманитарная и техническая интеллигенция, городские и сельские жители, представители бизнес-сообщества и органов государ-

ственной власти могут по-разному видеть цели и перспективы, способности и механизмы развития этноса. Это чревато расколом и отсутствием солидарных действий в достижении реальных результатов.

На наш взгляд, к маркерам этничности можно по-прежнему отнести территорию возникновения этносов (Родина), культуру (в первую очередь родной язык), общую историю. Как правило, именно эти маркеры, возникнув на стадии формирования и развития этносов, способствуют сохранению этих сообществ как системной целостности во времени и пространстве. Именно они являются по своему сущностному содержанию примордиалистскими.

Вместе с тем в попытках конструирования этноса как целостности этнические акторы сталкиваются с невероятным количеством проблем и рисков. Так, известно, что этнические территории прежде являлись коллективной собственностью (например, родовые земли хакасов). Но оказавшись в частной собственности промышленных групп, они беспощадно эксплуатируются. Этнофоры воспринимают этот процесс как разрушение Родины, имеющей для самих народов сакральный статус. Поэтому утрату своей земли они воспринимают как «этноцид»: «нет Родины, нет народа».

Реликтовая Койбальская степь для хакасов обладает особой ценностью. На ней расположены так называемые священные места (горный массив Ызых, родовые земли пурутов, ах хасха и пр.), курганы, менгиры, чаа-тасы и пр. Это традиционная территория скотоводства и земледелия. С ней связаны многие сюжеты хакасского героического эпоса, народной мифологии, в том числе эсхатологического характера. Так, информатор П.Н. Шоева (1908 г.р., аал Аршанов) сообщила, что ее мать говорила о том, что последняя война человечества закончится в Койбальской степи.

Деятельность хакасских эоактивистов по защите реликтовой Койбальской степи от добычи угля открытым способом осуществлялась различными методами. В течение ряда лет собирались сходы граждан, митинги, съезды родов, были инициированы обращения в суды различной инстанции, в средства массовой информации и пр. Проводились религиозные обряды с обращением к духовным защитникам земли и народа и пр. Отсутствие результатов всей этой деятельности породило социальный пессимизм и апатию. В решающей степени это связано с тем, что некоторые общественные организации (например, Совет старейшин хакасских родов, Лига хакасских женщин «Алтынай», отдельные деятели культуры и пр.) ста-

ли «защитниками» интересов угольных компаний. Аршановский и Майрыхский угольные разрезы оказывали и оказывают им постоянную спонсорскую помощь.

Этническая картина мира рушится и тогда, когда этнофоры начинают думать на языке другого народа, поскольку социальные функции языка сужены до бытового уровня. Это неизбежно приводит к исчезновению этнической культуры, а затем и самого народа. Поэтому язык, в котором в целостном виде представлен мир этноса, в периоды ассимиляции становится особой символической ценностью. Вместе с тем, и здесь хакасы недостаточно солидарны. Одни акторы считают, что утрата языка не может быть фатальной для судьбы народа, достаточно развивать этническое самосознание. Другие же настаивают на том, что язык обладает сакральной ценностью, поэтому его исчезновение означает окончательную гибель этноса. Третьи же уверены, что необходимо использовать язык как ресурс развития, постепенно и поэтапно восстанавливая его социальные функции в полном объеме. Для этого они активно привлекают, например, современные методы цифровизации этнолингвистического пространства.

Одним из значимых факторов возрождения этнической культуры хакасские акторы считают возрождение эпической традиции, которая в концентрированном виде содержит основные ценности, особенности образа жизни и истории народа. Однако и здесь мы вынуждены признать отсутствие единых стратегических целей. Одна группа этнофоров считает достаточным развитие сценических форм исполнения хакасского героического эпоса, другие же уверены, что эпическая культура должна быть воссоздана в полном объеме и сакрализованной форме.

Религиозная этническая традиция становится все более востребованной. Здесь ситуация также противоречивая. Некоторые акторы этнокультурного развития настаивают на восстановлении старых, проверенных временем форм религиозности в полном объеме, другие отказывают религии в доверии как фактору возрождения народа, третьи пытаются использовать традиционные религии как ресурс сохранения этнической целостности. Для тюрко-монгольского мира традиционной религией становится тенгрианство, понимаемое нами как поиск и установление сакральных связей рода/народа с Великим Синим Небом для обретения единства и полноты бытия.

Таким образом, глобализация обострила существующие противоречия и создала новые проблемы для этносов, которым необходимо найти особые механизмы конструирования и самопрезентации себя уже как «новые этносы». Парадоксальность ситуации состоит в том, что последние формируются на основе возрождения примордиалистских маркеров, которые и составляют уникальность конкретной этничности. Эта непростая задача и формирует объективную потребность в разработке единой стратегии сохранения и развития этносов.

Библиографический список

1. Рыжов Ю.В. Новая религиозность в современной культуре : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2007. 39 с.
2. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий : сб. статей. М. : Новое издательство, 2006. 200 с.
3. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. 544 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Медиум, 1995. 323 с.

УДК 929

ЕВРАЗИЙСТВО В РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОНГОЛЬСКОГО УЧЁНОГО, ПЕДАГОГА, НАРОДНОГО ДИПЛОМАТА

Дмитрий Викторович Ушаков

Институт философии и права СО РАН,
Новосибирск, Россия
ushakovdmitrii@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена воплощению идей евразийства в научной, педагогической и народно-дипломатической деятельности заслуженного учителя Монголии, доктора педагогики, Ph.D, профессора Наваанзоч Хаянхярваа Цэдэва (09.07.1949 – 27.01.2021), действительного члена Академии образования Монголии, поэта, переводчика-русиста, общественного деятеля, организатора науки.

Ключевые слова: Наваанзоч Хаянхярваа Цэдэв, евразийство, российско-монгольские взаимоотношения

EURASIANISM IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS AND THE ACTIVITIES OF A MONGOLIAN SCIENTIST, TEACHER, PEOPLE'S DIPLOMAT

Dmitry V. Ushakov

Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia
ushakovdmitrii@mail.ru

Summary. The article is devoted to the embodiment of the ideas of Eurasianism in the scientific, pedagogical and national diplomatic activities of the Honored Teacher of Mongolia, Doctor of Pedagogy, Ph.D., Professor, Navaanzoch Khayankhyarvaa Tsedeva (07/09/1949 – 01/27/2021), an active member of the Academy of Education of Mongolia, poet, translator of Russian, public figure, organizer science.

Keywords: Navaanzoch Khayankhyarvaa Tsedev, Eurasianism, Russian-Mongolian relations.

Евразийство как направление социально-философской и политической мысли имеет своё прикладное, вполне практическое применение. Многие годы Россия и Монголия развивают дружеские отношения, и это делали не только государственные организации, но и конкретные люди. Одним из них был Наваанзоч Хаянхярваа Цэдэв (09.07.1949 – 27.01.2021), доктор педагогики, Ph.D, профессор, действительный член Академии Образования Монголии.

Он родился 9 июля 1949 года в поселке Хаджуу нурамт в сомоне (провинции) Бурэн Центрального аймака (области) Монголии. После окончания Жаргалантской 10-летней школы (1967 по 1972 год) он обучался в Москве, в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина. С 1972 по 1983 год работал учителем русского языка в школах сельских поселков Хухэморьт и Баян-Уул Гоби-Алтайского аймака. В 1976–1977 учебном году проходил в России восьмимесячную стажировку преподавателей русского языка в Иркутском государственном университете. С 1983 по 2001 год Цэдэв

преподавал в Ховдском государственном университете, руководил кафедрой, в 1998 году защитил диссертацию (Ph.D) по теме «Методы увеличения профессионального словарного запаса на уроках иностранного языка (на примере преподавания русского языка по специальности биология)».

С 2001 по 2009 год Цэдэв работал проректором по научной работе и международным связям этого вуза. Был научным экспертом Международного координационного совета «Наш общий дом Алтай» – объединения, в котором взаимодействуют главы законодательных и исполнительных органов власти приграничных районов Большого Алтая – России, Монголии, Китая, и Казахстана – по решению актуальных проблем социально-экономического и культурного развития.

В 2009 году Цэдэв переехал в Улан-Батор, где до 2012 года активно занимался писательской деятельностью, трудился переводчиком и редактором в типографии «Соёмбо принтинг». С 2012 по 2016 год работал специалистом, затем ученым секретарем Отдела исследований и инноваций Монгольского национального университета (МУИС), а с 2017 года был профессором-консультантом в этом же вузе, являлся действительным членом Академии образования Монголии. Цэдэв автор более 300 научных и учебно-методических работ, из них 10 монографий и более 20 учебно-методических изданий по русскому языку и методике его преподавания.

Впервые мы встретились с ним в 2006 году на Алтае, куда на международную школу молодых этносоциологов он привёз делегацию монгольских студентов. Мало тогда зная о Монголии, я был удивлен докладом Цэдэва о Чингисхане как не о жестоком завоевателе, а о мудром правителе, одном из первых евразийцев. О внешней политике Чингисхана Цэдэв высказал ряд нетривиальных мыслей: «...После создания Великого Монгольского улуса Чингисхан начал осуществлять свою завоевательную политику. Главная её цель состояла в расширении владений и защите от внешних нападений. Причина такой политики вытекала вовсе не из агрессивной природы кочевого государства... Монголы были не более жестоки, чем китайцы и европейцы... Внешнеполитические проблемы, в том числе и признание верховной власти монголов другими народами, часто решались мирным путем. В этом и есть подлинная причина силы монгольской империи Чингисхана, захватившей половину мира. ...Конечно, с одной стороны, имело место вооруженное

завоевание и насилие, но с другой стороны, эти завоевания установили тесные культурные связи между Востоком и Западом... Философия международных отношений того времени основывалась на гармоничном сочетании централизованной политики и плюрализма в монгольской империи, открытости и достаточной политической свободы в большинстве подчиненных монголам государств... Монголы возобновили движение караванов по шелковому пути, связывающему Восток и Запад; создали великолепно отлаженную почтовую связь, сохранявшуюся практически без изменений многие столетия спустя, в том числе и на Руси» [1, с. 15–18].

В качестве вывода Цэдэв отмечал: «Империя Чингисхана положила начало нынешней идее «Земли как общего дома», или процессу глобализации, охватившей сегодня весь мир. С другой стороны, империя Чингисхана дала мощный толчок развитию России и Средневековой Европы, сыграв важную стимулирующую роль в их технологическом и политическом переходе к капиталистическим отношениям» [2, с. 86].

Исследовательские интересы Цэдэва были чрезвычайно обширны: кроме педагогики, это философия, культурология, этнология, этносоциология, социология образования, социология религии, международные отношения, методики преподавания иностранных языков, познавательный туризм, стрельба из лука (как национальный вид спорта). А кроме этого, организация научных исследований, экспедиций, конференций и других мероприятий. Недаром монгольские соратники и ученики сами стали добавлять к его имени слово «учитель» – «багшаа» – «Цэдэв-багшаа» в знак уважения к его способности обучать других.

От Цэдэва я тогда узнал о ежегодной международной конференции: «Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов», которую решили проводить вместе Александр Сергеевич Ревушкин и Цэдэв Х. Наваанзоч – проректоры по научной работе Томского и Ховдского государственных университетов. Эта конференция, будучи международной, со временем стала собирать исследователей из очень многих стран.

Летом 2007 года мы встретились в Ховде, Цэдэв проделал большую работу по переводу моих социологических анкет на монгольский язык, он познакомил меня с молодыми учеными, с которыми мы и провели первые опросы местного населения. Работа по проекту велась два года (2007–2008), в результате массовые опросы мо-

лодёжи и взрослых людей доказали, что большинство монгольского населения очень хорошо относится к русскому народу и к России в целом, даже симпатизирует русским больше, чем представителям своих монгольских народов. Эти результаты позже подтвердились при проведении других опросов в 2011 и 2014 годах в Улан-Баторе и при повторных обследованиях в 2012–2013 Цэдэва в Баян-Ульгийском, Ховдском, и УВС аймаках.

В 2012 году Цэдэв гостил в Новосибирске вместе с супругой Содном Дулмаа. Мы всегда старались обмениваться подарками, книгами, картинками, сувенирами, наслаждались приятным общением. Разговаривали на самые разные темы, от философских до бытовых, и Цэдэв аккуратно учил..., учил простому – дружбе! В разные годы мы продолжали встречаться с Х. Цэдэвом на конференциях в Алтайском крае, Республике Алтай, Туве, Новосибирске, а также в Монголии – в Улан-Баторе и в Ховде. Были всегда рады каждому нашему контакту, всегда встречали и провожали друг друга на вокзалах.

В 2015 году Новосибирск и Улан-Батор стали городами-побратимами. В 2016 году в Новосибирске проводили российско-монгольский форум, в рамках которого был организован круглый стол по проблемам образования. В нем приняли участие делегации из Монголии, одну из которых возглавлял Цэдэв. В октябре 2017 года такой же форум был проведен в Улан-Баторе, а в 2018 году в Новосибирске мы открыли Общество российско-монгольской дружбы «Найрамдал – Дружба», и Цэдэв был рад этому.

В 2019 году мы встречались на 40-летию Ховдского университета и традиционной международной конференции, и вновь друзей с каждым разом становилось все больше. Н.Х. Цэдэв не только познакомил, но и подружил людей из самых разных российских городов, таких как Москва, Новосибирск, Элиста, Томск, Кемерово, Бийск, Барнаул, Горно-Алтайск, Улан-Удэ, Иркутск, Кызыл. Своей дипломатией он один делал значительно больше, чем многие официальные организации для развития дружеских отношений между Монголией и Россией.

В тяжелый 2020 год, во время пандемии Covid–19, мы не могли встретиться, но продолжали работать на благо наших народов. В пику различным фальсификаторам истории, Цэдэв 17 августа 2020 года дал развёрнутое интервью о помощи монгольского народа советской стране в годы Великой Отечественной войны [3].

В нём он рассказал о молодом юноше Борондон Лувсане, который героически возглавлял в 1942 году караван из 1200 верблюдов, перевозивших из Ховда в Бийск тёплые вещи, шерсть и продукты через опасные горные перевалы Алтая для Советской армии, борющейся с фашизмом.

Конечно, я знал, что ему предстояло перенести операцию, общались мы и после..., и была надежда на выздоровление. Неожиданно из Ховда прислали весть о тяжелом состоянии здоровья Цэдэв-багшаа... Я пытался ему позвонить, но 27 января 2021 года он ушел в Тенгри (Небо).

Цэдэв был патриотом своей Родины, который любил русский язык и русский народ. На протяжении многих десятилетий он вносил значительный вклад в культуру и образование сопредельных регионов Внутренней Евразии: России, Монголии, Казахстана и Китая, международных научных центров и университетов. Одна из формул Цэдэва о международных отношениях России и Монголии остается моим знаменем и сейчас: «Взаимоотношения наших стран сегодня находятся, как и должно быть, на братском, хорошем уровне. Но всегда можно найти возможность сделать их еще лучше. Такая задача стоит перед нами в XXI веке».

Библиографический список

1. Наваанзоч Х. Цэдэв. Евразийская идея глазами монгола // Евразийские этюды – II «Соёмбо Принтинг», Улан-Батор, 2019. С. 15–18.

2. Наваанзоч Х. Цэдэв. Монголия в контексте евразийской идеи глазами монгола // Монгольский мир Между Востоком и Западом / под ред. Ю.В. Попкова, Ж. Амарсаны. Новосибирск : Автограф, 2014. С. 86.

3. Наваанзоч Х. Цэдэв: «Наши отношения всегда были братскими!» URL: <http://www.mongolnow.com/navaanzoch-h-tsedev-nashi-otnosheniya-vsegda-byli-bratskimi/>.

УДК 316.61

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКИХ ИДЕЙ

Ольга Павловна Пономаренко

Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия
o.ponomarenko2018@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются модели и приемы межкультурного взаимодействия. Обосновываются принципы межкультурного диалога с позиции культурно-философских идей евразийства. Определяется важность сохранения собственной национальной идентичности при межконфессиональном и межцивилизационном взаимодействии.

Ключевые слова: культура, евразийство, национальная культура, межкультурное взаимодействие.

PECULIARITIES OF INTERCULTURAL INTERACTION IN THE CONTEXT OF EURASIAN IDEAS

Olga P. Ponomarenko

Altai State Pedagogical University,
Barnaul, Russia.
o.ponomarenko2018@mail.ru

Summary. The article analyzes the models and techniques of intercultural interaction. The principles of intercultural dialogue are substantiated from the perspective of cultural and philosophical ideas of Eurasianism. The importance of preserving one's own national identity in interfaith and intercivilizational interaction is determined.

Keywords: culture, Eurasianism, national culture, intercultural interaction.

В современном глобальном пространстве информационные технологии усиливают коммуникативные процессы. Происходит обмен не только информацией, но и ценностями, традициями, нормами. Это заметно расширяет способы и формы взаимообогаще-

ния культур. Однако существует и негативная сторона данного процесса, а именно: возникновение проблемы взаимодействия между этнокультурными образованиями, которая может выразиться в утрате этнокультурного разнообразия и этнической идентичности из-за унификации культурной жизни, обострении взаимоотношений этносов при усилении миграционных процессов. Это приводит к осознанию актуальности и важности изучения и осмысления особенностей межкультурного взаимодействия учеными различных областей науки.

Существуют различные подходы в осмыслении межкультурного взаимодействия. Особый интерес представляет анализ идей теоретиков евразийства. Это геополитическое и социально-философское учение, которое возникло в среде русской эмиграции 1920–1930-х годов XX века. Оно основано на историософской и культурологической концепции России-Евразии как самобытной цивилизации, которая объединяет элементы Востока и Запада и расположена в пограничной зоне Европы и Азии. Идеологами этого учения были Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин. Евразийство определялось Н.С. Трубецким как «система мирозерцания, которая должна включать систему философских, политических, эстетических и других идей, которой должна соответствовать и система практических действий» [1, с. 109].

Основоположник учения евразийства Николай Сергеевич Трубецкой в своих трудах рассматривал проблему межкультурного диалога. В работе «Европа и человечество» он анализирует модели и приемы взаимодействия представителей различных национальных культур и формирует на основе этого свою концепцию, в которой обосновывает тезис о том, что «полное приобщение целого народа к культуре, созданной другим народом, — дело невозможное» [2, с. 69]. Николай Сергеевич подчеркивал: «Национальная культура должна развиваться, опираться на собственные традиции, не допуская сильного влияния со стороны другой культуры или, по крайней мере, творчески перерабатывая достижения «чужой культуры». В этом случае образуется культурная традиция, неповторимая по своей оригинальности, для сохранения которой необходима преемственность и непрерывность развития» [3]. Данные идеи характерны для евразийской концепции культуры.

Н.С. Трубецкой определял, что культуры обособленных, но находящихся рядом народов имеют целый ряд черт, сходных меж-

ду собой. Среди данных культур намечаются культурно-исторические зоны по разным признакам, — например, в Азии встречаются такие зоны культур, как мусульманская, индостанская, китайская, тихоокеанская, степная, арктическая и т.д. Границы этих зон взаимно пересекаются, что помогает образованию культуры смешанного или переходного типа. Отдельные народы и части народов создают данный культурный тип, внося свои индивидуальные особенности. Благодаря этому образуется яркий калейдоскоп культур, единый и разнообразный, но в то же время не теряющий своей идентичности.

Следовательно, происходит взаимопроникновение культур находящихся рядом народов, их взаимообмен и вытекающее из этого влияние одной культуры на другую. Н.С. Трубецкой выдвинул положение о сохранении каждой культуры своего неповторимого своеобразия, несмотря на кажущееся анархическое состояние разнообразия национальных культур. В своей совокупности эти культуры представляют собой непрерывное гармоническое единство целого. Важным фактором при этом является органическое сосуществование разных культур без подавления друг друга. Одним из основных условий гармоничного взаимодействия между культурами выступает также органичное заимствование и перерабатывание информации, что помогает создавать новое единое целое, соответствующее менталитету каждого народа.

Таким образом, рассматривая культурно-философские идеи евразийского наследия Н.С. Трубецкого, можно сделать вывод о важности внедрения отстаиваемых им принципов межкультурного взаимодействия в социокультурную среду современности, что позволяет надеяться на установление гармоничного межкультурного взаимодействия этнических общностей (без подавления и замены ценностей) и предотвращение возможных межнациональных конфликтов. В условиях глобальной реальности возникает необходимость поиска новых путей развития России. Предложенные Н.С. Трубецким основополагающие идеи могут рассматриваться как конструктивный способ решения сложившейся ситуации, в том числе в аспекте формирования адекватной национальной и культурной политики России для сохранения культурной идентичности России — Евразии.

Библиографический список

1. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М. : Прогресс, 1995. 799 с.
2. Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Наследие Чингисхана. М. : АГРАФ, 1999. 554 с.
3. Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания // Наследие Чингисхана. М. : АГРАФ, 1999. 554 с.

УДК 303.446.23+316.347

ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОТНЫМ КАК ФАКТОР ИДЕНТИФИКАЦИИ И ВОСПРОИЗВОДСТВА ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВАХ

Сергей Сергеевич Сергеев

Новосибирский государственный аграрный университет,
Новосибирск, Россия
sergeevs09@mail.ru

Аннотация. В контексте проблемы идентификации и воспроизводства традиционных ценностей в межэтнических сообществах рассматривается отношение к животному миру в целом и к отдельным видам животных у разных этносов как один из значимых интегральных факторов. На основе выделения общего и особенного в отношении к животным у разных народов показано, что отношение к животным может являться как интегрирующим, так и дезинтегрирующим фактором межэтнических взаимодействий.

Ключевые слова: животное, межэтнические коммуникации, доместикация, традиции, ценности, культура, искусство.

ATTITUDE TOWARDS ANIMALS AS A FACTOR IN THE IDENTIFICATION AND REPRODUCTION OF TRADITIONAL VALUES IN INTERETHNIC COMMUNITIES

Sergey S. Sergeev

Novosibirsk State Agrarian University,
Novosibirsk, Russia
sergeevs09@mail.ru

Summary. In the article, in the structure of the problem of identification and reproduction of traditional values in interethnic communities, the attitude towards the animal world in general and towards individual species of animals of different ethnic groups is considered as one of the significant integral factors. Based on the identification of general and special attitudes towards animals among different ethnic groups, it is shown that the attitude towards animals can be both an integrating and a disintegrating factor in interethnic integration.

Keywords: animal, interethnic communications, domestication, traditions, value, culture, art.

В развитии современного многонационального и многоконфессионального российского общества огромную роль играют процессы межэтнической интеграции, имеющей ключевое значение для повышения внутренней устойчивости российского общества. И здесь большой интерес представляет изучение факторов как внутренней интеграции межэтнических сообществ, так и интеграции в российское общество в целом [1, с. 116].

В коллективной монографии «Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика» выделяется 8 основанных факторов интеграции межэтнических сообществ [1, с. 122–123]. Среди них можно указать ряд интегрирующих факторов, включающих отношение к онтологическим реалиям, находящимся на границе между природой и культурой, а также внутри культуры, обретающих экономическое, нормативное и мировоззренческое измерение. Речь идет о том, что составляющим элементом этих факторов является отношение к животному миру в целом и к отдельным видам животных. Оно может выступать значимым компонентом взаимодействия человечества с окружающей средой, воспроизводства социальных связей и конструирования идентичности.

Вместе с тем само это отношение различается у различных этнических групп, способствуя или препятствуя межэтнической инте-

грации. В первую очередь зафиксируем абстрактное наличие данных отличий и выделим факторы интеграции, в развитии которых могут участвовать животные.

Первый фактор — это «расширение и укрепление межэтнических связей и взаимодействий в экономической, социальной, политической, культурной, духовной сферах жизнедеятельности как на межгрупповом, так и на межиндивидуальном уровне» [1, с. 122–123]. Отношение к животным является элементом развития межэтнических взаимодействий во всех перечисленных аспектах, наиболее очевидно и образно выступая в культурной и духовной сферах, в то время как экономическая сфера включает его в менее очевидных формах.

Второй фактор — «признание ценности этнической формы общности людей, этнической идентичности, этнического многообразия как общественного достояния и фактора прогрессивного развития» [1, с. 123]. В контексте данного фактора важно учитывать, что отношение к животным является важной частью этнической идентичности и, соответственно, различия в отношении к животному миру — частью этнического многообразия.

Третий фактор — «сохранение традиционных ценностей в сферах экономической деятельности, культуры, семейной жизни» [1, с. 123]. Животные и отношение к ним являются частью культуры, в том числе и традиционных ценностей, и семейной жизни. При этом нужно учитывать то, как традиционные ценности, связанные с животными, коррелируют с современным законодательством, направленным на защиту животных, так как некоторые традиции могут быть достаточно жестоки.

Далее, о чем имеет смысл говорить при анализе интеграции межэтнических сообществ, — это общее в отношении к животным и животному миру у разных этнических групп, составляющее аспект межэтнической интеграции. Какими бы разными ни были этнические культуры, животные являются важной частью жизни этноса. Например, у бурят, как и других тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири, образы собаки, быка и коня подаются как наиболее близкие к человеку [2, с. 33].

Если выделять общие черты, характеризующие абстрактное отношение к животным, то имеют место, во-первых, мифологические и религиозные аспекты, так как многие этносы прошли через стадии анимизма и почитания зооморфных божеств, т.е. для многих эт-

носов общим является сакрализация животных. Примером может служить медведь, почитаемый у финно-угорских народов, мордвы, является помощником человека, мари́йцы связывали с ним благополучие на охоте и т.д. [3, с. 171–172].

Объединяющим фактором является процесс доместикации животных, и через этот процесс формирование общих представлений о животных-помощниках и животных-компаньонах человека. Например, содержание животных-компаньонов становится частью современной китайской культуры, что сближает ее с культурами других народов, где более распространено содержание животных-компаньонов [4, с. 170–171].

Важным представляется также отношение к животным сквозь призму эстетических ценностей, т.е. животные в искусстве (литература, кино и др.) и как зрелище (цирк, зоопарк, коррида и т.д.). В филологии существует понятие «бестиарные образы», означающее использование образов животных в литературе [5].

Имеет значение и утилитарное использование животных, например, как пищевых ресурсов или тягловой силы; использование в пищу мяса тех видов животных, поедание которых не характерно или даже запрещено для одного этноса, но нормально для другого.

Отметим, что если абстрактное отношение к животным может быть объединяющим фактором, то отношение к отдельным видам животных становится проблемной частью интеграционных межэтнических процессов. При этом ключевым из четырех вышеперечисленных общих черт отношения к животным является именно утилитарное отношение к животным, так как именно оно является самым этически острым. В первую очередь имеет место пищевой конфликт, т.е. допустимость приема в пищу мяса определенных видов животных или продукции животноводства (яйца, молоко), а также животных разных возрастов.

Для использования отношения к животным как фактора межэтнической интеграции нужно выделить черты, общие для этносов, и развивать их, при этом максимально смягчая различия. Выработка общего отношения к животным может осуществляться, во-первых, через эстетическое отношение, например, посредством организации выставок различных видов животных. Во-вторых, через научную и образовательную сферы, например, обучение ветеринарной медицине, кинологии и т.д., проходят студенты всех национальностей, при этом они усваивают общие объективные основания

отношения к животным как социокультурного явления. В процессе межэтнической интеграции через отношение к животным большую роль играет искусство, а именно произведения, в которых животные помогают создавать единое гуманистическое культурное пространство (например: «Белый Бим Черное ухо», «Хатико» и др.).

Библиографический список

1. Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика : монография / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. 347 с.

2. Бадмаев А.А. Образ собаки в традиционном мировоззрении и ритуале бурят // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 49. С. 30–43.

3. Егошина Н.Г. Зооморфные образы в культуре финно-угров // Стратегический потенциал молодежной науки : сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса (Петрозаводск, 27 сентября 2021 года). Петрозаводск, 2021. С. 167–178.

4. Русакова И.В. Животные-компаньоны в домохозяйствах: особенности России и Китая // Новая значимость семьи и межпоколенческих отношений для России и Китая / под ред. И.И. Елисеевой. СПб. : Реноме, 2018. С. 166–194.

5. Сейбель Н.Э. Формы функционирования бестиарных образов в романах Ф. Верфеля «Барбара, или Благочестие» и Э. Канетти «Ослепление» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-2(86). С. 262–266.

СЕКЦИЯ 3

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 32.019.5

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО КОНТЕНТА ПО МОТИВАМ СССР СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

Ярослава Юрьевна Шашкова

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия.
yashashkova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается отношение российской молодежи к СССР и посвященному ему современному развлекательному контенту. На основе анализа обзоров в Steam и комментариев в Youtube, написанных авторами в возрасте до 30 лет и содержащих политические оценки, делается вывод о слабом интересе молодежи к советской истории, преобладании у нее негативного отношения к СССР на фоне требования к разработчикам контента соблюдать историческую объективность. Сравнение отзывов с результатами массовых социологических опросов показало распространение данной позиции среди российской молодежи.

Ключевые слова: политическая социализация, российская молодежь, развлекательный контент, Steam, Youtube, отношение к СССР, оценки прошлого.

THE SPECIFICS OF PERCEPTION OF ENTERTAINMENT CONTENT BASED ON THE USSR BY MODERN RUSSIAN YOUTH

Yaroslava Yu. Shashkova

Altay State University,
Barnaul, Russia
yashashkova@mail.ru

Summary. The article examines the attitude of Russian youth to the USSR and modern entertainment content dedicated to it. Based on the analysis of reviews on Steam and comments on YouTube written by authors under 30 years of age and containing political assessments, a conclusion is made about the existence of a weak interest of young people in Soviet history, the prevalence of a negative attitude towards the USSR against the background of the requirement for content developers to maintain historical objectivity. A comparison of reviews and the results of mass sociological surveys showed the prevalence of this position among Russian youth.

Keywords: political socialization, Russian youth, entertainment content, Steam, Youtube, attitudes towards the USSR, assessments of the past.

Содержательные аспекты патриотического воспитания, реализуемого сегодня в учреждениях общего и профессионального образования, предполагают активное обращение к советской истории, нацелены на формирование у молодежи положительного отношения к данному периоду и интереса к его изучению. Однако эти усилия могут вызывать неоднозначную реакцию в молодежной среде, имеющей другие ценности и установки, информационные каналы и коммуникативную среду.

Как показали опросы общественного мнения, в частности, проведенные ВЦИОМ в декабре 2021 и 2022 годов, представления поколения 18–35-летних о Советском Союзе фрагментарны (60% молодежи не смогли даже расшифровать аббревиатуру СССР) [1] и наполнены историческими маркерами: у 13% респондентов этого возраста Советский Союз ассоциируется со Сталиным и строительством коммунизма, у 12% – с дружбой народов, единством и сплоченностью. От 5 до 7% молодежи указали, что когда они слышат словосочетание «Советский Союз», им представляется «все дешево / доступно / доступные продукты», «дефицит, продуктовые карточки и очереди», «развал государства, разделение республик» и «ограничение прав и свобод, репрессии, тоталитаризм». По 4% назвали ассоциации «Гагарин / космос», «Качественные продукты / товары / ГОСТ», «Мир, труд, май», «ВОВ / победа / День Победы», «Экономический рост / развитие промышленности / строительство / индустриализация», «Пионерия / красный галстук / пионерский ла-

герь», «Величие / великая страна / держава / империя / мощная страна / сила», «Стабильность / уверенность в завтрашнем дне / спокойствие / надежность». На этом фоне 24% не смогли или не захотели назвать какие-либо ассоциации с советской эпохой [2].

При этом естественно, что молодежь, у которой период СССР не вызывает чувства ностальгии, оценивает его более взвешенно, чем старшие поколения. Согласно тому же опросу ВЦИОМ, «молодые граждане чаще других говорят, что в те времена было и хорошее, и плохое (48 и 43% среди 18–24-летних и 25–34-летних соответственно)», а также в два раза реже старшего поколения убеждены, что в СССР было больше хорошего (31%).

Наиболее выдающимся, по мнению молодежи, достижением СССР стала космическая программа (запуск первого спутника и первый полет человека в космос) — ее отметили 40% респондентов в возрасте 18–24 лет. В топ-5 у молодежи также вошли победа в Великой Отечественной войне (16%), ядерное оружие, атомная энергетика (11%), развитие промышленности, индустриализация (10%), развитие науки и технологий, лучшие ученые (9%) и бесплатное, самое лучшее образование (9%). В то же время почти 40% молодых людей не смогли назвать ни одного достижения советского периода.

Данные всероссийского опроса согласуются с результатами исследований коллектива политологов Алтайского государственного университета, проведенных в 2020–2022 годы и позволяющих говорить, что образ СССР формируется в сознании молодежи в школьный период, а в дальнейшем только стереотипизируется. Так, среди советских персон-символов школьниками назывались И.В. Сталин (им гордились 5% опрошенных в 2020 году и 6% в 2022 году) и Ю.А. Гагарин (4% и 6% соответственно). 4–5% респондентов упоминали В.И. Ленина и ветеранов Великой Отечественной войны. Самым знаковым историческим событием, вызывающим у молодежи «чувство гордости за свою страну», как и в опросе ВЦИОМ, стала Великая Отечественная война (ее назвали 16% респондентов в 2020 году и 17% в 2022 году), далее отмечался первый полет человека в космос (4%).

В ходе опроса ФОМ, также проведенного в декабре 2022 года [3], молодые люди 18–24 лет указали, что основными источниками их представлений о жизни в советское время выступают рассказы старших — родителей, других родственников, знакомых (78%); книги, фильмы, другие произведения искусства советских времён

(50%); уроки истории в школе, лекции в вузе, колледже и т.д. (46%). При этом 31% назвали в качестве таковых книги, фильмы, другие произведения искусства, появившиеся после 1991 года, а 23% — материалы, обсуждения в интернете, что актуализирует исследование влияния контента игровой платформы Steam и видеохостинга Youtube на представления современной молодежи об СССР.

Как показал анализ обзоров и комментариев политической направленности на указанных интернет-ресурсах, темы СССР в них затрагиваются в нескольких аспектах, а их содержание определяется спецификой контента и аудиторий.

Так, в обзорах на игры с использованием антуража советской эпохи или вызывающих ассоциации с ней, размещенных на платформе Steam, отрицательная оценка СССР у молодежи заметно преобладает над положительной (43,5 против 35%, у авторов старше 30 лет — 57 против 65%). При этом отношение к самому контенту сильно дифференцировано и зависит от эхо-камеры сообщества игроков: 54% воспринимают его как набор клише и стереотипов («клякву»), 46% высказывают в связи с этим требование объективного представления событий, в то время как 43% считают, что развитие советского строя при современном уровне технологий могло дать положительный эффект для будущего России.

Аналогичные тенденции, с поправкой на меньшую актуальность для молодежной аудитории контента по данной тематике, выявлены и на Youtube: 27% молодых авторов политических комментариев оценивают советский период отрицательно против 18% положительных оценок (среди комментаторов старше 30 лет эти доли равны 74 и 89% соответственно), 31% воспринимают современный контент об СССР как «клякву», в связи с чем 17% высказывают запрос на объективность.

В целом можно констатировать, что отзывы молодых людей на игровой контент, ассоциируемый с советской эпохой, коррелируются с результатами массовых опросов по данной тематике. Положительные оценки СССР зачастую являются реакцией на текущую ситуацию в обществе, проявлением запроса на альтернативность. В Steam оценки этого периода более устойчивы, аргументированы и многослойны, часто связаны с изменением взглядов игроков под воздействием игры, так как, погружаясь в нее, они как бы «проживают» связанные с игрой события. В Youtube отклики более быстрые, эмоциональные и формируются через чужую оценку. Вместе с тем

следует учитывать локализацию дискуссий молодежи о советском периоде в замкнутых сообществах на фоне слабого интереса к ним основной массы исследуемой аудитории.

Библиографический список

1. Тридцать лет спустя, или вспоминая и забывая СССР // ВЦИОМ. 2021. 6 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tridcat-let-spustja-ili-vspominaja-i-zabyvaja-sssr>.
2. 100 лет СССР: забыть нельзя вернуться? // ВЦИОМ. 2022. 30 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja>.
3. К столетию образования СССР: представления о жизни в советское время // ФОМ. 2023. 16 января. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14823?ysclid=m2n7xi7fjm396412577>.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФН в рамках научного проекта № 24-28-01584 «Политическая социализация российской молодежи в контексте трансформации ее коммуникативных стратегий»

УДК 323

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В «ЧЕТЫРЕХ ТИГРАХ» ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Дмитрий Анатольевич Качусов

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия
dmitrij.kachusov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос соотношения экономической и политической модернизации на примере «Четырех тигров» Юго-восточной Азии: Южной Кореи, Сингапура, Тайваня и Гонконга. Все четыре политических образования не располагали значительным экономическим потенциалом, но в послевоенное время продемонстрировали высокие темпы роста и стали наиболее развитыми экономиками региона. В то же время в плане политиче-

ской модернизации они значительно отставали, оставаясь авторитарными режимами, трансформация данной сферы началась только в 1980-е годы и имела свою специфику в каждой стране.

Ключевые слова: модернизация, авторитаризм, демократизация, Юго-Восточная Азия, «Четыре азиатских тигра».

MODELS OF POLITICAL MODERNIZATION IN THE «FOUR TIGERS» OF SOUTHEAST ASIA IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

Dmitrii A. Kachusov

Altai State University,
Barnaul, Russia
dmitrij.kachusov@mail.ru

Summary. The article examines the issue of the correlation between economic and political modernization using the example of the «Four Tigers» of Southeast Asia: South Korea, Singapore, Taiwan and Hong Kong. All four political entities did not have significant economic potential, but in the post-war period they demonstrated high growth rates and became the most developed economies in the region. At the same time, they lagged far behind in terms of political modernization, remaining authoritarian regimes, the transformation of this sphere began only in the 1980s and had its own specifics in each country.

Keywords: modernization, authoritarianism, democratization, Southeast Asia, the «Four Asian Tigers».

В настоящее время в общественных науках продолжается дискуссия о степени зависимости развития экономики разных стран и их социально-политического устройства, взаимосвязи модернизации экономической и политической. В этом ключе представляет интерес кейс так называемых Четырех тигров Юго-Восточной Азии, представляющих собой динамично развивающиеся и успешные в экономическом плане политии данного региона: Южная Корея, Сингапур, Тайвань и город Гонконг. Все четыре территории пострадали в ходе Второй мировой войны и вступили в послевоенное время с крайне низкими экономическими и социальными показателями, не обладая ни богатыми природными ресурсами, ни развитой промышленностью.

В политическом плане все они представляли собой авторитарные режимы. Тайвань (до 1979 года Китайская республика) был последним осколком Гоминьдановского Китая, куда эвакуировались его силы после поражения в гражданской войне. На острове была установлена жесткая диктатура Чан Кайши и его преемников, до 1987 года действовало военное положение, во время которого против политических противников режима осуществлялся так называемый «Белый террор» и были ограничены многие гражданские права. В Южной Корее (Корейской Республике) после разделения страны установилась правая диктатура Ли Сын Мана, также развернувшего массовые репрессии против своих оппонентов. Несмотря на то, что страна прошла через череду революций и переворотов, они не привели к установлению более демократичных режимов, а только к «обновлению» авторитаризма.

Сингапур после отделения от Британской империи в 1963 году вошёл в Федерацию Малайзия, но уже в 1965 году провозгласил независимость. Пост премьер-министра в течение 35 лет беспрерывно занимал Ли Куан Ю, считающийся основателем сингапурской государственности, в парламенте господствовала только одна партия, режим был близок к авторитарному и отличался суровостью законов и наказаний, притеснениями свободы слова, нарушениями принципа независимости судебной системы. Гонконг не являлся суверенным государством и управлялся назначаемым из Лондона губернатором, но имел определенную долю внутренней автономии. Однако представительство местного населения в системе управления носило ограниченный характер, собственные политические партии были фактически запрещены, а социальная нестабильность и высокий уровень организованной преступности служили основаниями для ограничения гражданских свобод.

Упрочнению авторитаризма способствовал и фактор постоянной внешней угрозы, особенно актуальной для Тайваня и Южной Кореи, которые находились в перманентном противостоянии со своими идеологическими оппонентами, представленными левыми диктатурами (КНР и КНДР). Необходимость консолидации и жесткого управления перед «коммунистической угрозой» использовалась как средство дополнительной легитимации авторитарных режимов и позволяла им избежать международного давления с требованиями демократизации.

Тем не менее «четыре азиатских тигра» являлись примерами эффективного и динамичного экономического развития, демонстрируя высокие темпы роста (8–12% ежегодно) с начала 1960-х до 1990-х годов. Все четыре страны с некоторыми оговорками располагали схожим набором инструментов для модернизации: проведение аграрной реформы, либерализация рынка, стимулирование предпринимательства, поддержка инновационных производств, привлечение иностранных инвестиций, а также дешевая рабочая сила, подкрепленная к тому же конфуцианской трудовой этикой.

Одновременно экономические связи с западным блоком во главе со США обеспечили им как прямую экономическую помощь, так и возможность доступа произведенных товаров на рынки развитых государств. Таким образом, «тигры» Юго-Восточной Азии могут служить характерными примерами авторитарной модернизации, где в условиях ограничения демократии были достигнуты впечатляющие экономические результаты, а активный рост национального богатства не сопровождался таким же быстрым ростом политических прав и свобод населения.

Данные авторитарные режимы просуществовали более 30 лет, однако в 1980-х — начале 1990-х годов, особенно после распада социалистического лагеря, в обществе начал усиливаться запрос на демократизацию. В Южной Корее в 80-е годы XX века активизировались массовые протесты с требованиями гражданских свобод, отставки правительства военных и проведения конкурентных выборов, пиком которых стал 1987 год, названный «Июньским движением за демократию». Итогом стало принятие новой конституции и проведение свободных выборов в 1987–1988 годы.

Гражданское движение на Тайване не привело к открытому противостоянию, но власти были вынуждены отменить военное положение и периодически идти на уступки общественному мнению, опасаясь беспорядков. Это привело к формированию легальной оппозиции, переносу политической борьбы в институциональные рамки и первым демократическим выборам в парламент Тайваня в 1992 году.

В Сингапуре в 80-е годы также смягчался авторитарный режим — в парламенте появилось представительство оппозиционных партий, а конституция 1996 года ограничила полномочия главы государства. И хотя в настоящее время Сингапур, по оценке ряда правозащитных организаций, таких как «Reporters Without Borders»

и «Amnesty International», входит в число стран, где нарушается ряд прав человека, высокий уровень жизни, низкий уровень коррупции и доверие к власти способствуют поддержке существующего режима гражданами.

В Гонконге в рассматриваемый период предпринимались действия, направленные на увеличение представительства местного населения в системе управления: жителям была предоставлена возможность непрямых, а затем и прямых выборов части представителей в гонконгский Законодательный совет. Однако противодействие Пекина, особенно после формального вхождения Гонконга в КНР, привело к затормаживанию и сворачиванию реформ.

Подводя итоги, следует отметить, что политическое развитие «Азиатских тигров» значительно отставало от темпов их экономической модернизации. В течение длительного времени авторитарные режимы позиционировали себя как творцы азиатского «экономического чуда», а также как защитники от угрозы со стороны коммунистических государств. Только в 1980-е годы в политической системе исследуемых стран наметились значительные подвижки, связанные как с внутренними (рост гражданской активности), так и с внешними (завершение холодной войны) причинами. Процесс политической модернизации отдельных «тигров» имел свою специфику: активное гражданское сопротивление в Корее, превентивные уступки общественному давлению на Тайване, ослабление монополии на власть в Сингапуре. Тем не менее важно подчеркнуть наличие в правящей элите, несмотря на укоренившийся авторитаризм, готовности к конструктивному взаимодействию со своими политическими оппонентами, что сделало возможным поэтапное проведение комплекса демократических преобразований и уберегло общество от раскола.

Библиографический список

1. Красильщиков В.А. Азиатские «тигры» и Россия: страшен ли бюрократический капитализм? // Мир России. Социология. Этнология. 2003. № 4. С. 3–43.
2. Красильщиков В.А. Консервативная модернизация в Восточной Азии: достижения и пределы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 3. С. 231–263.

3. Курныкин О.Ю., Папашвили Г.З. Особенности политического процесса в специальном административном районе Гонконг (1997–2021 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2022. № 2. С. 51–54.

4. Тищенко С.Ф. Сравнение политических аспектов развития Сингапура и Гонконга // Меридиан: Научный электронный журнал. 2020. № 6(40). С. 186–188.

5. Чэнь Ц. Поставторитарная модернизация: проблематизация понятия на примерах стран конфуцианской цивилизации // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 53. С. 107–129

6. Ю Ли Куан. Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1965–2000) / пер. с англ. А. Боня. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 576 с.

УДК 327

МОДУЛЬ «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Сергей Юрьевич Асеев

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия
suass@mail.ru

Татьяна Анатольевна Асеева

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия
tatulyasolar@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности восприятия и мотивации студентов-иностранцев в изучении модуля «Основы российской государственности». Обнаружено, что студенты-иностранцы, изучающие русский язык как иностранный, проявляют большой интерес и дисциплинированность к освоению содержания модуля. Актуализируется вопрос о необходимости адаптации данного блока исходя из мотивации и целей студентов, а также его использования как инструмента «мягкой силы».

Ключевые слова: основы российской государственности, студенты-иностранцы, мягкая сила.

**MODULE «FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD»
FOR INTERNATIONAL STUDENTS
IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF «SOFT POWER»**

Sergey Yu. Aseev

Altai State University,
Barnaul, Russia
suass@mail.ru

Tatyana A. Aseeva

Altai State University,
Barnaul, Russia
tatulyasolar@mail.ru

Summary. The article discusses the features of perception and motivation of foreign students in the study of the module «Fundamentals of Russian Statehood». It was found that foreign students studying Russian as a foreign language show more interest and discipline in mastering the content of the module. The question of the need to adapt this block based on the motivation and goals of students, as well as its use as a tool of «soft power» is actualized.

Keywords: Fundamentals of Russian statehood, foreign students, soft power.

В современном мире в условиях глобального противостояния и информационного шума реализация государственных и национальных интересов все больше зависит не только от военно-экономического потенциала, но и от умения мягко воздействовать на объект. Дж. Най еще в 1990 году сформулировал понятие «мягкой силы» как альтернативного «жесткой силе» воздействия на объект с целью мотивации и побуждения его к действиям, которых он не планировал или не задумывался об их возможности. «Мягкая сила» играет важную роль в международных отношениях и прямо или косвенно влияет на международную коммуникацию. Несмотря на дискуссии и критические замечания, которые возникли вокруг данного концепта, все же он был признан не только научным сообществом, но и политическими элитами. Хотя более правильно

было сказать, что элементы «мягкой силы» сначала были внедрены в практику, а уж потом привлекли внимание исследователей. Так, наиболее успешные результаты использования инструментов «мягкой силы» показал опыт США после холодной войны.

В монографии «Будущее власти» Дж. Най дал более расширенную трактовку термина: «Мягкая сила – это способность влиять на других путем взаимодействия в области формирования повестки дня, оказания воздействия с помощью привлечения симпатий для достижения желаемых результатов» [1, с. 21]. Исходя из данной трактовки, можно сравнить «мягкую силу» с манипулированием массовым сознанием с целью достижения лояльности и желаемого изменения поведения объекта. При этом К. Грэй справедливо отмечает, что крайне затруднительно предвидеть, «будет ли стратегия “мягкой силы” эффективна в отдельно взятом регионе из-за влияния локального контекста» ввиду того, что она «опасно полагается на расчеты и чувства часто не мотивированных иностранцев» [2].

В современных российских реалиях одним из таких элементов «мягкой силы» по отношению к студентам-иностранцам можно рассмотреть модуль «Основы российской государственности» (ОРГ), который был разработан и включен в образовательные программы по поручению Президента РФ В.В. Путина.

Согласно официальной трактовке, дисциплина направлена на формирование у обучающихся системы знаний, навыков, умений и ценностей, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу и развитием чувства гражданственности. Курс призван продемонстрировать всеобъемлющий духовно-нравственный и культурный фундамент российской государственности, особенность исторического пути ее развития и самобытности политической организации, а также показать взаимосвязь личного достоинства и успеха с общественным прогрессом и политической стабильностью своей Родины [3]. Основываясь на личном опыте преподавания данной дисциплины, мы можем однозначно говорить о значимости данного курса. Поскольку в период глобализации российская молодежь, поддаваясь влиянию «мягкой силы» западных стран, нуждается в возвращении в реальность.

Однако наш фокус сосредоточен на рассмотрении потенциала ОРГ как элемента «мягкой силы» применительно к иностранным студентам, для которых курс выступает основой системного изучения культурных и научных достижений, духовно-нравствен-

ных и социально-политических особенностей российского государства и общества.

В рамках образовательного процесса иностранные студенты делятся на две группы. Одни обучаются в общем потоке с россиянами, развивая профессиональные навыки и компетенции в рамках представленного спектра образовательных программ. Другие – изучают русский язык как иностранный.

Проведенное фокус-групповое исследование среди студентов, являющихся гражданами Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана и Китая, дало понять, что студенты-иностранцы, ориентированные на изучение русского языка, являются более мотивированными в получении и общекультурных знаний о нашей стране. Несмотря на то, что среди них крайне редко встречаются студенты, планирующие в дальнейшем получить российское гражданство, они с большим интересом знакомятся с содержанием наших культурных ценностей, особенностями исторического и научного развития. Как правило, среди таких студентов присутствует ориентация на профессиональную реализацию как преподавателей русского языка в своей стране, занятие туристическим бизнесом и развитие торговых связей. Они демонстрируют знания, связанные с русской классической литературой, знание исторических, политических фигур, культурных деятелей. При этом в освоении модуля «Основы российской государственности» они дисциплинированы и последовательны.

Другая же категория иностранных студентов, обучающихся на нелингвистических направлениях (гуманитарного профиля), отличается отсутствием мотивации к изучению ОРГ. Как правило, это граждане стран ближнего зарубежья (Таджикистан, Узбекистан). Во время проведения занятий они практически не вступают в коммуникацию с преподавателем и однокурсниками, чаще других нарушают учебную дисциплину, уклоняются от ответов на вопросы, ссылаясь на незнание русского языка или пытаясь скрыть честный ответ. На вопрос о мотивах поступления на гуманитарное направление при отсутствии знания русского языка поясняют: «Здесь была самая маленькая оплата за обучение». Это позволяет предположить, что основной целью их обучения является не приобретение образования, а легализация в стране посредством статуса студента.

Таким образом, находясь в ситуации, когда модуль «Основы российской государственности» включен в обязательный блок

для всех студентов российских вузов, следует усилить работу по адаптации данного курса для изучения студентами-иностранцами, учитывая степень их мотивации и целей их образовательной и жизненной траектории.

Библиографический список

1. Nye J.S. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2010. С. 320

2. Наумов А.О. Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. №89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-myagkoy-sily-dzhozefa-naya-v-zarubezhnom-nauchnom-diskurse-interpretatsiya-i-kritika>.

3. С 1 сентября запущен курс «Основы российской государственности» 01.09.2023. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva>

УДК 327; 328

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ И СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ

**Ирлан Жангазыевич Искаков,
Елена Евгеньевна Ланина**

Университет при МПА ЕврАзЭС,
Санкт-Петербург, Россия
iiel2002@mail.ru

Аннотация. В статье даётся краткая характеристика взаимозависимости эволюции политических процессов на постсоветском пространстве и акторов, принимающих участие в региональном интеграционном процессе. Указано на смену поколений политических элит в государствах-членах Евразийского экономического союза. Особое внимание уделено связи профессионального образования и политической ориентации нового поколения управленцев. Подчёркнуто значение высшего профессионального образования как средства «мягкой силы». Рассматривается инновационная форма организации современного высшего образования – научно-обра-

зовательный консорциум. Описаны особенности содержания деятельности научно-образовательного консорциума «Евразийский сетевой университет», созданного под эгидой Евразийской экономической комиссии. Даны сведения об основных принципах, на которых построена система профессиональной подготовки инновационных специалистов в различных сферах жизнедеятельности человека, и перспективах повышения качества человеческого капитала.

Ключевые слова: Евразия, политические процессы, смена поколений, образование, ЕСУ.

PROFESSIONAL TRAINING OF SPECIALISTS AND GENERATIONAL CHANGE OF POLITICAL ACTORS

**Irlan Zh. Iskakov,
Elena E. Lanina**

The University associated with the IPA of EurAsEC,
St. Petersburg, Russia
iiel2002@mail.ru

Summary. The article provides a brief description of the interdependence of the evolution of political processes in the post-Soviet space and actors involved in the regional integration process. It is indicated that the generations of political elites in the member states of the Eurasian Economic Union are changing. Special attention is paid to the connection between vocational education and the political orientation of a new generation of managers. The importance of higher professional education as a means of "soft power" is emphasized. An innovative form of organization of modern higher education is considered – a scientific and educational consortium. The features of the content of the scientific and educational consortium «Eurasian Network University», established under the auspices of the Eurasian Economic Commission, are described. Information is given on the basic principles on which the system of professional training of innovative specialists in various spheres of human activity is built, and prospects for improving the quality of human capital.

Keywords: Eurasia, political processes, generational change, education, Eurasian Network University.

10 лет тому назад был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Это событие стало важным актом в укреплении политико-хозяйственных связей бывших советских республик, а сегодня занимает значительное место во внешнеполитических и внешнеэкономических взаимодействиях различных евразийских государств. Интеграционный евразийский процесс расширяется, включая всё новые и новые направления развития, демонстрируя объединительные тенденции не только в сфере экономики, права, политики, но и в социокультурной области. Напомним тезис академика С. Ю. Глазьева о необходимости придать процессу экономической интеграции «гуманитарное измерение». Вопрос пока ещё не решён.

Текущая евразийская действительность характеризуется рядом новых явлений. Исследователи привлекают внимание к процессу смены поколений политических акторов, что стало одним из значимых явлений в политической жизни государств-участников регионального интеграционного процесса. Процесс развивается и требует постоянного анализа и уточнения оценок и выводов.

Развивающийся процесс евразийской интеграции в условиях нового технологического уклада настоятельно требует соединения науки и образования как базиса экономики знаний [1, с. 3–9]. Это относится к различным евразийским государствам. Действия новых элит среднеазиатских и других стран, ориентирующихся на США, страны Европейского союза, Турецкую республику, отличает значительное усиление стремления дистанцироваться от России, что проявляется ростом антироссийских настроений. Во многом это объясняется тем, что эти акторы получили высшее образование не в родной стране, не в вузах государств-членов ЕАЭС, а в вышеназванных зарубежных странах, вследствие чего сформировались проамериканские, проевропейские, протурецкие и иные подгруппы политических элит, переживающих смену поколений политических деятелей.

Примером формирования нового поколения управленцев можно назвать стипендиальную программу «Болашак», инициированную Н. А. Назарбаевым. Её главной целью являлась профессиональная подготовка управленческих кадров и проведение стажировок за рубежом. Более 74% участников программы продолжили трудиться на государственной службе внутри республики. Подобная образовательная политика позволила «омолодить» правящую эли-

ту. На текущий момент примерно 11% представителей политической элиты Казахстана относится к поколению 1950-х, 37% – 1960-х, 38% – 1970-х годов. В последние годы на уровне правительства стали появляться даже представители поколения 1980-х годов. Эксперты считают, что с течением времени именно представителям последнего поколения предстоит выполнять обязанности по управлению своими странами и регионом в целом, одновременно отмечая, что им присущи большой прагматизм и временами даже цинизм [2, с. 126].

В связи с этим возникла потребность разработать новую систему профессиональной подготовки инновационных кадров для ЕАЭС. Их следует готовить по особым программам и с особым содержанием процесса обучения и воспитания. Подобная система образования является и условием развития страны, и основой взаимосвязи и преемственности поколений специалистов, формирования и развития доброжелательных межнациональных отношений.

Для создания новой образовательной системы необходима инновационная среда складывания многообразных форм обучения и воспитания будущих специалистов в различных сферах жизнедеятельности. В подобной среде возникают инновационные научно-образовательные проекты, обладающие тенденцией к постоянному расширению взаимодействия науки, образования, предпринимательства, культуры. Таким проектом можно считать научно-образовательные консорциумы (НОК). Учитывая перспективы дальнейшей эволюции регионального интеграционного процесса, Евразийская экономическая комиссия в 2022 году приняла решение о создании подобного НОК под названием «Евразийский сетевой университет» (ЕСУ). Сегодня он включает более 30 высших учебных заведений Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России.

Евразийский научно-образовательный консорциум создавался совместными усилиями стран-участниц Союза, его базисом стала специально разработанная концепция. Содержание концепции базируется на следующих факторах: мировоззренческая ориентация на традиционные ценности, использование древнейших гуманитарных технологий, научное представление о социуме и окружающем мире, социокультурное взаимодействие. Образовательная программа строится на новых принципах: разнообразии подходов и представлений о гуманитарных ценностях, эффективного единения образования и воспитания, науки и практики, доброжелательной межкультурной коммуникации. Реалии интеграционных

процессов на континенте требуют формирования гуманной, нравственной, творческой и ответственной личности специалиста. Обращается внимание на привитие умений со знанием дела принимать нетривиальные решения; эффективно руководить людьми, нести ответственность за свои действия.

Предложенная сетевая модель евразийского научно-образовательного консорциума позволяет вводить новейшие результаты развития фундаментальной и прикладной науки каждой из стран-участниц ЕАЭС в содержание профессиональной подготовки будущих специалистов для единого экономического пространства. Подчеркнём, что в сетевой организации имеется огромный потенциал для экспериментирования и новаторства, что так необходимо при профессиональной подготовке инновационных кадров.

Развитие такого НОК будет способствовать широкомасштабной подготовке специалистов евразийского профиля [3, с. 143–146]. При обучении в ЕСУ молодые люди получают возможность практически ознакомиться с реалиями экономики, права, политики, социокультурной действительности в различных странах Евразии, а не обрести знания, касающиеся только одной, отдельно взятой страны. Всевозможные учебные и производственные практики будущие специалисты могут проходить в разных вузах, разных странах, у разных руководителей. Таким образом они получают евразийское практико-ориентированное образование.

Евразийский научно-образовательный консорциум будет интегрированным сообществом вузовских, научных, опытно-конструкторских и инновационно-производственных структур. Такой комплекс обеспечит производство новых знаний и технологий, их быстрое применение в производстве, а также профессиональную подготовку необходимых для этих процессов инновационных кадров. Деятельность ЕСУ будет способствовать формированию национально ориентированных специалистов, поскольку странам-участницам ЕАЭС неизбежно предстоит учитывать национальные интересы и необходимость принимать участие в осуществлении разнообразных транснациональных проектов, в том числе преобразовании евразийского политического ландшафта.

Библиографический список

1. Глазьев С.Ю. Интеграция науки и образования как основа эволюции Евразийского союза // Интеграция науки и образования как основа эволюции Евразийского экономического союза: сб. ст. из материалов Евразийского научного форума 8 декабря 2017 г. / общее научное редактирование М.Ю. Спириной. СПб. : Университет при МПА ЕврАзЭС, 2018. Ч. II. С. 3–9.

2. Исаков И.Ж. Некоторые аспекты формирования политических элит стран-участниц Евразийского экономического союза // Актуальная Евразия: коллективная монография. Т. I. СПб. : Университет при МПА ЕврАзЭС, 2023. 280 с. (Серия Евро-Азиатские исследования). ISSN 2713-2862. С. 106–132.

3. Исаков И.Ж., Ланина Е.Е. К истории формирования научно-образовательного консорциума «Евразийский сетевой университет» // Развитие современной науки и инновации в системе образования: тенденции и перспективы : материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Б.С. Досманбетова. Кызылорда : Кызылординский открытый университет : Болашак, 2023. 838 с. С. 143–146.

УДК 327.7

МЕХАНИЗМЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ОДКБ)

Оксана Сергеевна Киреева

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия.
orekun-05@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются механизмы, применяемые ОДКБ для урегулирования конфликтов. Важными направлениями в этой сфере являются формирование Коллективных сил оперативного реагирования и миротворческие силы ОДКБ. Реализация миротворческой деятельности ОДКБ в конфликте анализируется на примере спецоперации в Республике Казахстан в январе 2022 года.

Ключевые слова: безопасность, конфликт, ОДКБ, постсоветское пространство, распад СССР, урегулирование конфликтов.

MECHANISMS FOR CONFLICT RESOLUTION IN THE POST-SOVIET SPACE (USING THE EXAMPLE OF THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION)

Oksana S. Kireeva

Altai State University,
Barnaul, Russia
opekun-05@mail.ru

Summary. This article discusses the mechanisms of conflict resolution by the Collective Security Treaty Organization. The formation of Collective Rapid Reaction Forces and the peacekeeping forces of the Collective Security Treaty Organization are important areas in this area. The implementation of the peacekeeping activities of the Collective Security Treaty Organization in the conflict is analyzed on the example of a special operation in the Republic of Kazakhstan in January 2022.

Keywords: Security, conflict, Collective Security Treaty Organization, post-Soviet space, collapse of the USSR, conflict resolution.

Постсоветское пространство было и остается зоной перманентных конфликтов. Во многом этнические и географические разногласия между государствами обострил распад СССР. Как отмечает С. Маркедонов, «при распаде ... границы между новыми государствами (и сама государственность новых образований) были признаны легитимными далеко не всеми. Отсюда и вооруженные конфликты, и латентные пограничные противостояния. Как следствие конфликтов, этническая гомогенизация, региональный партикуляризм, мягкая или жесткая форма апартеида, отказ от компромисса в вопросах о возвращении беженцев, рассмотрение нового государства как “этнической собственности” титульной нации» [1, с. 8].

В условиях такой конфликтогенности актуализируется вопрос о механизмах урегулирования конфликтов, которые предлагают различные региональные организации. В данном случае речь пойдет об Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

ОДКБ учреждена в 2002 году (на основе Договора 1992 года), в мае указанного года Совет коллективной безопасности принимает решение о придании Договору о коллективной безопасности статуса международной региональной организации. В соответствии со статьей 4 Устава ОДКБ «целями Организации являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам» [2].

Применительно к конфликтам важными механизмами их урегулирования являются, во-первых, формирование Коллективных сил оперативного реагирования, во-вторых, миротворческие силы ОДКБ. К задачам Коллективных сил относят как предупредительные меры, например, развертывание военной силы, предотвращение вооруженного нападения, «усиление войск прикрытия государственных границ и охраны государственных и военных объектов государств – членов ОДКБ», так и непосредственные меры реагирования: отражение вооруженного нападения, локализация вооруженных конфликтов; оперативное развертывание региональных группировок сил; меры по защите населения от опасностей, «возникающих при ведении или вследствие военных действий, а также ликвидации чрезвычайных ситуаций и оказании чрезвычайной гуманитарной помощи» [3].

Что касается задач миротворческих сил, то здесь перечень еще более широкий. Вот некоторые из них: «наблюдение за выполнением условий перемирия и соглашения о прекращении огня», создание безопасной обстановки в кризисных районах; «разъединение конфликтующих сторон, создание демилитаризованных зон, зон разъединения, гуманитарных коридоров, содействие децентрации сил сторон, предотвращение их перемещений и столкновений в этих зонах»; помощь в создании условий для переговоров и других мероприятий по мирному урегулированию конфликта; «установление фактов нарушения соглашения о прекращении огня и перемирия и проведение по ним расследования»; противодействие массовым беспорядкам, содействие обеспечению прав человека; «охрана и оборона жизненно важных объектов»; меры по обеспечению связи между конфликтующими сторонами; налаживание нормальных контактов между населением конфликтующих

щих сторон; оказание медицинской помощи гражданскому населению в зоне конфликта [4].

Примером реализации миротворческой деятельности ОДКБ в конфликте представляется спецоперация в Казахстане в январе 2022 года. Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев обратился за поддержкой к партнерам по ОДКБ в «преодолении террористической угрозы» после того, как 5 января протесты перешли в массовые поджоги, захваты административных зданий и погромы [5]. В этой связи Совет коллективной безопасности ОДКБ принял решение о временном вводе в Казахстан коллективных миротворческих сил, и в течение двух суток после этого решения в Казахстан прибыли подразделения вооруженных сил России, Белоруссии, Армении, Таджикистана и Киргизии [5]. Миротворцы взяли под охрану важнейшие объекты инфраструктуры, например, аэродром Жедыген, ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2, хлебобараночный комбинат «Аксай». Благодаря такому оперативному реагированию, как отмечал военный эксперт В. Шурыгин, «потенциальную опасность удалось ликвидировать в самом зародыше» [5].

Таким образом, с одной стороны, ОДКБ в условиях конфликта продемонстрировала способность оперативного решения проблемы и, что важно, в рамках правового поля, но, с другой — пока нельзя сравнить применимость тех или иных мер в условиях конфликтов, так как это была первая миротворческая миссия ОДКБ.

Библиографический список

1. Маркедонов С. Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства. М. : Московское бюро по правам человека: Academia, 2010. 260 с.

2. Устав Организации Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/#loaded.

3. Коллективные силы оперативного реагирования ОДКБ. URL: <https://jscsto.odkb-csto.org/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/ksorodkb.php>.

4. Миротворческие силы ОДКБ. URL: <https://jscsto.odkb-csto.org/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/msodkb.php>.

5. Лавров А., Федоров А., Крецул Р. Казахстанский экспресс: чем запомнится первая миротворческая миссия ОДКБ. URL: <https://iz.ru/1275713/anton-lavrov-andrei-fedorov-roman-kretcul/kazakhstanskii-ekspress-chem-zapomnitsia-pervaia-mirotvorcheskaia-missiia-odkb>.

УДК 329.63

ОНФ И ЕГО ИНТЕГРАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕССЕ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сергей Викторович Струченко

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия.
serviks77@mail.ru

Аннотация. Массовые общественные движения, объединенные различными идеями, вызывают у политических акторов особый интерес. Гибкость их институциональных форм способствует благоприятному встраиванию в динамику политических процессов. Ярким примером такого массового движения в России является Общероссийский народный фронт (ОНФ). Становление ОНФ проходит несколько этапов: из организации в поддержку в самостоятельное общественное движение, но с особыми целями и задачами. Одной из главных задач движения является общественный контроль за реализацией национальных проектов и Указов Президента РФ. В статье также анализируется трансформация роли ОНФ, его место в политических процессах последнего десятилетия, происходящих на евразийском пространстве. Делается вывод, что ОНФ – это больше, чем движение, его роль выходит далеко за рамки деятельности обычных движений.

Ключевые слова: ОНФ, общественные движения, евразийство, идеология, политическая система, политические процессы.

ONF AND ITS INTEGRATION INTO THE POLITICAL PROCESS IN THE EURASIAN SPACE

Sergey V. Struchenko

Altai State University,
Barnaul, Russia
serviks77@mail.ru

Summary. Mass social movements united by various ideas are of particular interest to political actors. The flexibility of their institutional forms contributes to a favorable integration into the dynamics of political processes. A striking example of such a mass movement in Russia is the All-Russian Popular Front (ONF). The formation of the ONF goes through several stages from an organization in support to an independent social movement, but with special goals and objectives. One of the main tasks of the movement is public control over the implementation of national projects and Decrees of the President of the country. The article also analyzes the transformation of the role of the ONF, its place in the political processes of the last decade taking place in the Eurasian space. It is concluded that the ONF is more than a movement and its role goes far beyond the activities of ordinary movements.

Keywords: ONF, social movements, Eurasianism, ideology, political system, political processes.

Общественно-политические процессы в современном мире требуют более гибких институциональных форм, которые способствуют благоприятному встраиванию акторов этого процесса в повестку дня. Такими наиболее жизнеспособными формами, отвечающими принципу «хватай всех», бесспорно, являются массовые движения, объединенные различными идеями, от защиты чьих-либо прав до поддержки глав государств.

Ярким примером такого массового движением в России является Общероссийский народный фронт. ОНФ как коалиция общественно-политических организаций создана в мае 2011 года по предложению в тот период председателя Правительства РФ и лидера партии «Единая Россия» В.В. Путина.

На июль 2011 года в ОНФ уже принимали участие более двух тысяч организаций, в том числе 173 федеральных и более 1940

региональных и межрегиональных. В их числе несколько десятков общественных организаций и зарубежных сторонников Общероссийского народного фронта, поддерживающих идею евразийской интеграции [1].

Первоначально на базе части региональных отделений международного крыла ОНФ также был реализован проект «Евразийский Народный Фронт». На его создание повлияли программная статья В.В. Путина о евразийской интеграции «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня».

Статья вызвала всплеск гражданской и политической активности сторонников нового союза республик постсоветского пространства. Ряд экспертов увидели в этой статье попытку описать создание СССР 2.0, однако сам автор отмечал, что «речи не идёт о том, чтобы в том или ином виде воссоздать СССР».

Программная статья, по сути, презентовала интеграционный проект – Единое экономическое пространство России, Белоруссии и Казахстана, который в дальнейшем стал базисной площадкой работающего сегодня Евразийского экономического союза.

В.В. Путин убежденно писал, что «создание Евразийского союза, эффективная интеграция – это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века. Только вместе наши страны способны войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса, добиться успеха и процветания» [2].

Новая дискуссия вокруг «образа будущего» России и ее союзников потребовала консолидации сил и трансформации роли ОНФ в современном политическом процессе России. Становится очевидным, что создание ОНФ было связано с поставленными руководством страны стратегическими целями: сформировать широкую мотивированную общественно-политическую коалицию, способную поддерживать стабильность и настраивать людей на работу.

11 июня 2013 года, ровно через два года, в Москве состоялся учредительный Съезд ОНФ. В ходе съезда ОНФ был переименован в общероссийское общественное движение Народный фронт «За Россию». Его лидером теперь уже официально был избран Президент России В.В. Путин, а ОНФ с организационно-правовой точки зрения становится активным участником политического процесса на территории страны.

Программные инициативы лидера ОНФ принимаются как руководство к действию. Генератором конструктивных идей остается лидер. Его сторонники, состоящие из широкого представительства различных общественных и политических институтов, на различных дискуссионных общественных площадках разрабатывают технологии претворения в жизнь идей лидера.

Во-первых, ОНФ – это инструмент поддержки президентских указов, инструмент стабильности, защиты прав граждан, связи президента с массами, инструмент прямой коммуникации и одновременно – инструмент давления на различные внутригосударственные политические институты, маргинализации оппозиции, инструмент борьбы с коррупцией.

Во-вторых, задача ОНФ – контролировать правительственные поручения президента; движение работает со всеми организациями, политическими партиями, которые хотят и могут работать на площадках фронта. Отсюда вырисовывается надпартийный характер движения.

Также решается задача ОНФ по обеспечению связи с президентом и контролю исполнения его поручений на местах.

Согласно Уставу, целью движения в том числе является содействие развитию России как сильного, свободного, суверенного государства, являющегося лидером развития и центром притяжения для многих стран; а также общества, построенного на ценностях патриотизма, справедливости, взаимоуважения и гражданской солидарности. Таким образом, была сформирована идеологическая основа, определено место и роль ОНФ в политической системе страны. Также перед ОНФ ее лидер поставил амбициозную задачу – «реализовать историческую миссию евразийского пространства» [3].

На протяжении первого десятилетия с момента образования ОНФ на дискуссионных общественных площадках движения была сформулирована и отточена, возможно, будущая государственная идеология. Сегодня она представлена социальным консерватизмом с элементами евразийства. Представляется, что это и есть ответ цивилизации евразийской на идеологический вызов евроатлантической цивилизации.

Идеология ОНФ складывается в русле общей тенденции поиска системообразующих концептов и сопровождается тенденциями, определяющими динамику идеологического вызова. В их чис-

ле возрождение собственно национальных ценностей, идеологический прагматизм [4–7].

Выводы: Сегодня ОНФ занял видное место в политической системе России, это массовое движение, работающее во всех регионах страны. Одной из главных задач движения является общественный контроль за реализацией национальных проектов и Указов Президента РФ. По сути, Общероссийский народный фронт работает в повестке главы государства и является надпартийной структурой.

В аналитических статьях журналистов и политологов идеология ОНФ в целом характеризуется как консервативная, охранительно-государственная. Объединение же различных политических сил на базе ОНФ – это попытка на основе максимально общих критериев и преданности собственной стране собрать под одни знамена все силы, не желающие для России участи жертвы глобализации и однополярного мира. Объединение, а не разъединение, согласие, а не вражда, созидание, а не разрушение – такова декларируемая идеологическая платформа движения.

Библиографический список

1. Общероссийский народный фронт. URL: <https://bigenc.ru/c/obshcherossiiskii-narodnyi-front-f6de57>.
2. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. URL: <http://izvestia.ru/news/502761>.
3. Купина Н.А. Идеология ОНФ в языковом представлении. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-onf-v-yazykovom-predstavlenii-po-materialam-tekushey-pressy>.
4. Баранов Н.А. Политические процессы на евразийском пространстве в условиях турбулентности мировой политики. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser://4DT1uXEPJRjRXlUfOewruEmQYAr1KEU_iSw_6nFllz4BTWw763oP923JsQ-Za7kGfhtAptCPnggudjzYdOW_gVsrKguYJasm8kOhQeAaRc5Lni2hNKCF3K-GdTty-4gW6in9H2y4_iGLv9-wV0uCM5A==?sign=J8Jba1cxt1omU_si9QDQLSI78ChclaygNcjR1kHOvg8=&name=Баранов.doc&nosw=1.
5. Тиховодова А.В. Общероссийский народный фронт как новый механизм общественного контроля над властью. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obscherossiyskiy-narodnyy-front-kak-novyuy-mehanizm-obschestvennogo-kontrolya-nad-vlastyu>.

6. Фильнов Е.А. «Общероссийский народный фронт» в системе принятия государственных решений // Молодой ученый. 2022. № 22 (417). С. 627–631. URL: <https://moluch.ru/archive/417/92687/>.

7. История Народного фронта. URL: <https://onf.ru/about/history>.

УДК 32.019.5

СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СВО В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Кирилл Евгеньевич Иванов

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия.
ivanov.k.e@yandex.ru

Аннотация. В условиях проходящей Специальной военной операции особый научный интерес представляет выявление содержания факторов формирования и динамики стратегий поведения российской молодежи в условиях СВО, особенности их реализации в различных категориях молодежи. Наиболее динамично влияние СВО отразилось на молодежи (14–35 лет), чье взросление приходилось на статистический период. Актуальным представляется изучение личностных ценностей молодежи, которая оказалась в стрессовой обстановке. Среди обозначенной социальной группы проявились различные стратегии поведения, обусловленные политическими, психологическими, экономическими факторами.

Отличительной чертой работы стало исследование доминирующих на региональном уровне моделей и форм стратегий поведения молодежи, определена степень их участия в процессе формирования моделей поведения социальной группы молодежи в Алтайском крае. Выявление политических, экономических, психологических факторов позволит охарактеризовать социальную среду молодежи и оценить приоритетность моделей поведения среди разных групп.

Ключевые слова: молодежь, Специальная военная операция, гражданская позиция, патриотизм, социальные стратегии.

STRATEGIES OF POLITICAL BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE IN THE CONDITIONS OF THE SMO IN THE ALTAI TERRITORY

Kirill E. Ivanov

Altai State University,
Barnaul, Russia
ivanov.k.e@yandex.ru

Summary. In the context of the ongoing Special Military Operation, the identification of the content of factors in the formation and dynamics of behavioral strategies of Russian youth in the context of the SMO, the specifics of their implementation in various categories of youth is of particular scientific interest. The influence of the SMO was most dynamically reflected in young people (14–35 years old), whose coming of age occurred during the statistical period. It seems relevant to study the personal values of young people who found themselves in a stressful environment. Among the designated social group, various behavioral strategies were manifested, conditioned by political, psychological, and economic factors.

A distinctive feature of the work was the study of the dominant models and forms of youth behavior strategies at the regional level, the degree of their participation in the process of forming behavior models of the social group of youth in the Altai Territory was determined. Identification of political, economic, psychological factors will allow us to characterize the social environment of youth and assess the priority of behavior models among different groups.

Keywords: youth, Special military operation, citizenship, patriotism, social strategies.

В условиях проходящей Специальной военной операции особый научный интерес представляет выявление содержания факторов формирования и динамики стратегий поведения российской молодежи в условиях СВО, особенности их реализации в различных категориях молодежи [1, с. 100].

Актуальность работы заключается в том, что начавшаяся в феврале 2022 года Специальная военная операция изменила привычный уклад жизни всех слоев общества в РФ. Наиболее динамично влияние СВО отразилось на молодежи (14–35 лет), чье взрос-

ление приходилось на статистический период. Особенно важным представляется изучение личностных ценностей молодежи, которая оказалась в стрессовой обстановке. Среди обозначенной социальной группы проявились различные стратегии поведения, обусловленные политическими, психологическими, экономическими факторами.

Отличительной чертой работы стало исследование доминирующих на региональном уровне моделей и форм стратегий поведения молодежи, определена степень их участия в процессе формирования моделей поведения социальной группы молодежи в Алтайском крае. Определение политических, экономических, психологических факторов позволит охарактеризовать социальную среду молодежи и оценить приоритетность моделей поведения среди разных групп. Наиболее интересным представляется анализ активности молодежных общественно-политических организаций в Алтайском крае, связанный с ходом СВО.

В статье рассмотрена деятельность таких общественно-политических объединений, как Молодежный парламент Алтайского края, Молодая гвардия Алтайского края, Молодежный парламент Барнаула, Молодежь ЛДПР в Алтайском крае, Молодежное правительство Алтайского края, Алтай Молодой. Отражена активность данных объединений в социальных сетях. Для анализа выбраны официальные сообщества в социальной сети «ВКонтакте».

Основные аспекты исследования в этой области заключались в выявлении динамики ценностей и установок молодежи в ходе проведения СВО, установлении стратегий поведения молодежи в условиях СВО, а также в определении специфики Алтайского края в стратегии поведения молодежи.

Нами рассмотрен аналитический период с февраля 2022 по июнь 2024 года. За практически 2,5 года вышеуказанные общественные объединения в сумме отметились 54 записями о проведенных мероприятиях, связанных с ходом СВО. Стоит отметить, что все вышеуказанные организации в своих записях поддерживают СВО.

Все мероприятия ранжированы по типам. Мы выделили 6 категорий мероприятий:

Поздравления (3 мероприятия)

Акция (19 мероприятий)

Гуманитарная помощь (17 мероприятий)

*Просветительская деятельность (9 мероприятий)
Концертная деятельность (4 мероприятия)
Пикеты (2 мероприятия)*

Исходя из представленной статистики, мы приходим к выводу, что приоритет вышеупомянутые организации отдают акционной деятельности и оказанию гуманитарной помощи. Если проследить суть акций и гуманитарной активности, то можно прийти к следующему выводу: во многом деятельность дублирует активность «старших коллег», т.е. курирующих организаций (партий, государственных учреждений и т.п.). Однако отметим, что существуют формы, придуманные молодыми активистами, задающие тренд на уровне города и края (телемосты, пикеты (одиночные), волонтерская деятельность) [2, с. 548].

Вся общественно-политическая деятельность активистов коррелирует со значимыми датами СВО. Наибольшую активность мы видим весной 2022 года. Это связано с началом СВО, с эффектом замедленной реакции. В конце февраля-начале марта молодежь ожидала ориентиров и сигналов вышестоящего руководства страны и весной выработала формы поведения в сложившейся реальности [3, с. 246]. Наиболее частыми проявлениями здесь мы видим акционную, массовую публичную деятельность, демонстрирующую единство общества и власти.

Следующий скачок активности прослеживается осенью 2022 года. На фоне частичной мобилизации, входа ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей в состав РФ прослеживается патриотический рост у молодых активистов, а также меняется тип общественной деятельности. Акции сменяются на гуманитарную помощь. Начинает прослеживаться единение тыла и фронта в записях в социальных сетях, что формирует единое политическое сознание среди всех социальных групп в обществе. Молодежь реагирует на эту тенденцию в том же контексте.

Примечательно разительное падение активности молодежи по истечении года СВО. Продолжаются формы гуманитарной поддержки и активизируются просветительские мероприятия, связанные с периодическим возвращением военных с фронта. Именно они участвуют в просветительских встречах с молодежью (преимущественно со средними и старшими школьниками).

В текущем году мы видим значительный рост количества мероприятий в феврале 2024 года. Все мероприятия связаны со второй

годовщиной начала СВО. Однако после этого наблюдается спад активности.

Для полной картины активности молодежных общественно-политических объединений необходимо обратить внимание на количественные показатели активности в социальной сети «ВКонтакте» каждой упомянутой организации.

Молодежный парламент Алтайского края – 2 записи

Молодая гвардия Алтайского края – 32 записи

Молодежный парламент Барнаула – 7 записей

Молодёжь ЛДПР в Алтайском крае – 4 записи

Молодежное правительство Алтайского края – 3 записи

Алтай Молодой – 6 записей

Исходя из представленных данных, мы можем сделать вывод о том, что среди молодежи высока партийная вовлеченность. Разительное число мероприятий проведено Молодой гвардией Единой России (МГЕР), являющейся молодежной организацией.

В работе была исследована активность общественных организаций, демонстрируемая только в социальных сетях. В действительности каждая упомянутая организация реализует гораздо больше мероприятий, однако особый научный интерес представляет анализ публикуемых материалов, демонстрирующих вовлеченность молодежи в ходе СВО [4, с. 51].

Подводя итог, отметим высокую активность алтайских молодежных общественно-политических объединений в ходе СВО. Различные дифференцированные типы мероприятий, время их проведения, демонстрация в социальных сетях – все это отражает большую вовлеченность молодых активистов в СВО. Современные политические институты с высокой частотой отслеживают динамику изменения общественного мнения в молодежной среде. Анализ стратегий поведения молодежи необходим для выработки государственной политики в данном направлении.

Библиографический список

1. Яковлев В.С. Гражданские ценности и установки российской молодежи в новых социально-территориальных условиях // Гуманитарий Юга России. Вып. 6. Ростов-на-Дону, 2023. С. 95–104.
2. Берендеев В.А. Проблемы обеспечения патриотического воспитания российской молодежи в условиях обострения взаимоотно-

шений РФ со странами «Коллективного запада» в начале 2020-х гг. // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Вып. 1. М., 2023. С. 547–551.

3. Смирнов А.В. Социальное самочувствие российской молодежи в условиях Специальной военной операции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Вып. 77. 2024. С. 241–250.

4. Федоров А.П. Методологические подходы к системной организации процесса формирования патриотизма у современной молодежи // Человек и образование. Вып. 4. М., 2018. С. 49–53.

УДК 351.86

МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ БЫВШИХ ОСУЖДЕННЫХ, ПРИНЯВШИХ УЧАСТИЕ В СВО

Илья Викторович Максимов

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия.
bkmz.maksimov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются всевозможные меры обеспечения и поддержки бывших осужденных, заключивших контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации и привлекаемых к участию в специальной военной операции (СВО) на территории Украины.

Ключевые слова: специальная военная операция, осужденные, помилование, меры поддержки.

SOCIAL AND POLITICAL ADAPTATION OF CONVICTS WHO PARTICIPATED IN THE SMO

Ilya V. Maximov

Altai State University,
Barnaul, Russia.
bkmz.maksimov@yandex.ru

Summary. The article examines all possible measures of provision and support for former convicts who have signed a contract for

military service in the Armed Forces of the Russian Federation and are involved in participation in a special military operation (SMO) on the territory of Ukraine.

Keywords: special military operation, convicts, pardon, support measures.

С 22 февраля 2022 года и по сегодняшний день на территории Украины проводится Специальная военная операция (далее – СВО).

На протяжении двух прошедших лет стало очевидно, что проведение СВО отражает те цели, которые были озвучены в февральской речи Президента РФ, и помимо этого, Российская Федерация добилась иных промежуточных результатов, таких как улучшение боеспособности армии (в том числе навыков ведения боя и командования), подъем патриотического настроения внутри страны, а также включение в состав России четырех новых субъектов: Донецкая Народная Республика (ДНР), Луганская Народная Республика (ЛНР), Запорожская и Херсонская области.

Для достижения поставленных задач Российским Правительством было принято решение о добровольном привлечении к участию в СВО осужденных или находящихся под следствием лиц.

Согласно докладу Министерства обороны РФ «Армия в цифрах 2023» всего по частичной мобилизации на военную службу призваны 302 503 человека из 1430 муниципальных образований, из них свыше 33 тысяч сами пришли в военкоматы, не дожидаясь повестки. Созданы 281 воинская часть и подразделение. Что касается лиц, заключивших контракт на прохождение военной службы, то их в рядах Вооруженных сил РФ насчитывается больше 640 тысяч. В данную категорию входят лица, которые до подписания контракта о прохождении военной службы в качестве добровольца в Специальной военной операции отбывали наказания в местах лишения свободы.

В настоящее время практика по привлечению бывших осужденных активно используется Министерством обороны РФ (далее – МО РФ). В свою очередь, Государственной думой вопрос об особенностях уголовной ответственности и освобождения от наказания осужденных, которые заключили контракт с МО РФ, практически разрешен. На текущей стадии освобождают от уголовной ответственности при заключении контракта подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления небольшой и средней тяже-

сти, а также осужденных по всем категориям преступлений, кроме преступлений, связанных с половой неприкосновенностью несовершеннолетних, терроризмом, экстремизмом, нарушением общественной безопасности и основ конституционного строя страны.

Дальнейшее освобождение от ответственности и погашение судимости для осужденных будет возможно, если гражданин, заключивший контракт, получит государственную награду, либо в связи с увольнением с военной службы по отдельным основаниям, предусмотренными подпунктами «а», «в» или «о» пункта 1 статьи 51 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [1].

Ранее был принят специальный Федеральный закон от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ, но на данный момент все законодательное обоснование уже содержится в Уголовном, Уголовно-процессуальном кодексах, а также федеральном законодательстве в сфере военного права.

Боец, который ранее отбывал наказание и по закрепленным в законе основаниям освобождается от наказания и более не является судимым, приобретает тот же самый перечень льгот, который закреплен многочисленными актами, в том числе федеральными законами, постановлениями Правительства, Указом Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», приказами Министерства обороны РФ и так далее.

Перечень льгот для военнослужащих, которые более не находятся на территории ведения боевых действий, значителен. Условно можно разделить их на следующие виды:

- компенсационные денежные выплаты (как единовременные, так и ежемесячные);
- продовольственное и вещевое обеспечение;
- медицинская помощь;
- льготы в сфере образования;
- налоговые и банковские льготы;
- трудовые гарантии.

Список мер поддержки участников СВО не ограничивается вышеперечисленными и постоянно расширяется. В Госдуму регулярно поступают законопроекты с предложением о предоставлении им новых преференций и льгот. Так, например, инициировано списание кредитов участникам СВО, получившим II группу инвалид-

ности. Кроме того, ветеранам СВО хотят разрешить парковаться бесплатно, а льготы вдовам участников СВО могут распространить и на их гражданских жен.

О необходимости оказания социальной и иной помощи участникам СВО постоянно напоминают и Президент РФ Владимир Путин, и премьер-министр Михаил Мишустин, и председатель Госдумы Вячеслав Володин. Глава Кабмина на заседании Координационного совета по обеспечению потребностей Вооруженных Сил 19 февраля сказал: «Поддержка защитников – общая задача, к выполнению которой нужно относиться со всей ответственностью». Очевидно, что вплоть до окончания СВО защитникам Отечества будет уделяться особое внимание со стороны как федеральных, так и региональных органов власти.

Соответственно, попадая из среды пенитенциарной системы в среду боевых действий и из нее снова в гражданскую среду, но, уже в статусе бойца СВО, бывшие осужденные начинают ощущать себя более социально защищенными и полезными, нежели они чувствовали себя до участия в СВО. Об этом свидетельствует множество видеointервью с бывшими участниками СВО, находящихся в открытых источниках [2–6].

Помимо этого, наблюдается тенденция к снижению рецидива. Так, на встрече с военными корреспондентами Президент РФ заявил: «В целом рецидив, если не брать специальную военную операцию, а просто рецидив среди людей, которые отбыли срок наказания, вернулись к нормальной жизни, в некоторых случаях доходит до 40 процентов. А из участников СВО есть рецидивы из освободившихся 0,4 процента <...> Рецидив в десять раз ниже, чем рецидив в целом по этой тематике» [7].

Библиографический список:

1. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28.03.1998 N53-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/?ysclid=m2tbm1s0ya185760992.
2. СВО и ХРОНУС: СЛУЖБА В ЧВК, БЫВШИЙ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ, СВО. ЧАСТЬ 1. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jJYFREh7Yqo>.
3. Это Основа. Разговоры: Путь от колонии до свободы обычного русского бойца ЧВК. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=M4T4RFA-L8U&t=52s>.

4. Двенадцатый Раунд НА СВОБОДУ ЧЕРЕЗ АД / КАК ПОМЕНИТЬ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ШТУРМОВ БОЙЦА ЧВК «ВАГНЕР». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wb81dzWVrDw>.

5. СЛИВА. Бывший штурмовик ЧВК «Вагнер» о том, что происходит на передовой. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JckEl6zHnzs>.

6. БЛОГ О ПРОФЕССИЯХ. Выжил в Кременной и Соledаре. Фартовый. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yz-bAYCD6hc>.

7. Президент России. Встреча с военными корреспондентами 13 июня 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71391>.

8. Литвиненко В.И. Сущность категорий «война» и «специальная военная операция» // Армейский сборник. 2022. № 7. С. 13–24.

9. Путин В.В. Обращение президента России о начале специальной военной операции. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5229815>.

10. Минобороны России Итоги деятельности Вооруженных сил Российской Федерации в 2023 году. URL: <https://itogi2023.mil.ru/>.

УДК 32.019.5

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНЫХ ИНИЦИАТИВ В РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Елена Сергеевна Катунина

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия.
elenakatunina645@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается актуальное состояние молодежной политики и ее законодательной базы в России на современном этапе. Грантовая поддержка – один из эффективных механизмов реализации молодежных инициатив. Фонд Президентских грантов и Федеральное агентство по делам молодежи являются действенными площадками предоставления грантов для реализации молодежных проектов.

Ключевые слова: молодежная политика, молодежные инициативы, грантовая поддержка, фонд Президентских грантов, молодежь.

MECHANISMS FOR THE IMPLEMENTATION OF YOUTH INITIATIVES IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

Elena S. Katunina

Altai State University,
Barnaul, Russia
elenakatunina645@gmail.com

Summary. The article examines the current state of youth policy and its legislative framework in Russia at the present stage. Grant support as one of the effective mechanisms for implementing youth initiatives. The Presidential Grants Fund and the Federal Agency for Youth Affairs are some of the effective platforms for providing grants for the implementation of youth projects.

Keywords: youth policy, youth initiatives, grant support, Presidential Grants Fund, youth.

Как неоднократно подчеркивал президент Российской Федерации В.В. Путин, «молодежь – это опора сегодняшнего дня и будущее России» [1]. Одной из самых важных и актуальных составляющих социальной политики страны на сегодняшний день должна стать государственная молодежная политика. Статья 72 Основного закона РФ [2] закрепляет понятие «молодежная политика» и совместное ведение федеральных и региональных властей в ее реализации. В декабре 2020 года был опубликован Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» [3], определяющий цели, принципы, основные направления и формы реализации молодежной политики в Российской Федерации. Таким образом, поддержка молодежи выведена на уровень одного из приоритетов политики государства.

Согласно стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года, целью молодежной политики является создание возможностей для роста и наращивания человеческого капитала молодежи, компенсирующего сокращение численности молодых граждан и обеспечивающего экономический рост и повышение конкурентоспособности Российской Федерации в глобальном мире.

В соответствии со статьей 6 ФЗ- N 489 «О молодежной политике» от 30 декабря 2020 года «одним из основных направлений реализации молодежной политики является поддержка инициатив молодежи» [4]. Молодежная политика должна реализовываться прежде всего за счет инициативы и деятельности самой молодежи, как в ее собственных, так и общественных интересах [5].

Исследователь О.Е. Бочаров приводит следующую трактовку определения молодежных инициатив: «Молодежные инициативы – это вид проектов, направленных на достижение социально значимых целей рассматриваемой категории молодежи и локализованных по месту, времени и ресурсам» [6]. Их участники должны инициировать социальное нововведение, целью которого является создание, модернизация или поддержание в молодежной среде определенных инструментальных ценностей, способностей и компетенций; объединять вокруг себя единомышленников. Они формируют у молодых людей способности продуктивно взаимодействовать с окружающим социальным пространством, улучшая его по мере своих сил и решая свои индивидуальные проблемы.

Одним из действенных механизмов реализации молодежных инициатив является грантовая поддержка инициативных проектов. Предоставление государственных грантов выступает наиболее распространенным способом материального поощрения активистов молодежных ассоциаций.

Под системой грантовой поддержки понимается комплекс мероприятий, позволяющих молодым людям, а также их объединениям, на конкурсной основе получать финансовую и иную поддержку своих проектов [7]. К мероприятиям относится обеспечение нормативно-правового фундамента и финансирования конкурса, установление ответственных за реализацию конкурса органов, определение формата конкурса, обеспечение компетентной, экспертной оценки проектов, информационной открытости, организация системы обучения потенциальных участников.

Под грантом понимается безвозмездная субсидия, предоставляемая организациям или физическим лицам в денежной форме для целенаправленной и системной поддержки молодежных проектов, направленных на исполнение принципов, приоритетных задач и механизмов, обеспечивающих реализацию государственной молодежной политики, с последующим отчетом о ее использовании.

В настоящее время основными операторами грантов для молодежи и молодежных ассоциаций в России является Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодёжь). Приоритетными направлениями поддержки молодежных социально-политических инициатив стали вовлечение молодого поколения в инновационную деятельность, молодежное предпринимательство и работа с талантливой молодежью. Росмолодёжь – единственный профильный общенациональный орган государственной власти, деятельность которого целиком сосредоточена на развитии молодых граждан России. Агентство оказывает грантовую поддержку по итогам проведения Всероссийского конкурса молодежных проектов. В 2023 году конкурс «Росмолодёжь. Гранты» проходил на 38 все-российских, 11 окружных и 28 региональных площадках. Участие в конкурсе принимают молодые люди от 14 до 35 лет, максимальная сумма гранта на один проект – 1 млн рублей. За время реализации конкурса с 2011 года он собрал более 24-х тысяч инициатив-победителей и 15 млрд рублей общей суммы грантов [8].

Особая роль в данном направлении работы отводится Фонду президентских грантов, который является единым оператором грантов, направленных на развитие гражданского общества, с 3 апреля 2017 года. При этом система государственной грантовой поддержки некоммерческих организаций, в том числе молодежных, при Администрации Президента РФ существует с 2006 года. Согласно Уставу фонда, поддержка оказывается молодежным проектам, реализация которых охватывает виды деятельности, предусмотренные статьей Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 года [№ 7-ФЗ 9].

Стоит отметить, что 8 тысяч социальных проектов стартовали в 2023 году благодаря президентской грантовой поддержке. Общий бюджет этих проектов превысил 19 млрд рублей. В эту сумму входят средства, выделенные Фондом президентских грантов как напрямую некоммерческим организациям по итогам двух федеральных конкурсов, так и регионам на софинансирование их собственных конкурсов, региональный вклад в свои конкурсы, а также ресурсы, привлеченные самими организациями. Всего в фонд поступило 10 827 общественных инициатив из 88 регионов. Победителями конкурса стали 1559 некоммерческих организаций. Таким образом, поддержано 14,4% от поданных на конкурс инициатив. В предыдущем конкурсе это значение составляло 13,2%, 458 не-

коммерческих организаций получают поддержку фонда впервые, еще 257 – лишь во второй раз (за 7 лет и 17 проведенных конкурсов), а 196 – в третий [10].

Таким образом, можно сказать, что одним из механизмов реализации молодежных инициатив является грантовая поддержка инициативных проектов. На сегодняшний день продуманная, обоснованная грантовая поддержка молодежи может быть инструментом, который позволит направлять ее инициативы в социально важном для молодежи и страны в целом направлении. Система грантовой поддержки способствует вовлечению молодых людей в различные значимые направления деятельности, которые вызывают возрастающий интерес, способствуют повышению их гражданской активности. Благодаря грантовой поддержке реализация социально значимых проектов в разных направлениях и сферах деятельности позволяет удовлетворить запросы любой целевой группы, нуждающейся в поддержке и развитии.

Библиографический список

1. Путин назвал молодежь опорой сегодняшнего дня и будущим России. URL: <https://ria.ru/20181220/1548320561.html>.
2. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1. Ст. 28.
4. Малик Е.Н. Интеграционные механизмы повышения политической субъектности российской молодежи // *Social science & Humanities*. 2020. № 2 (4). С. 57–67.
5. Балашова Е.М. Государственно-правовое содержание молодежной политики в России // *Экономика и социум*. 2023. № 2. (105). С. 485–489.
6. Бочаров О.Е. Поддержка молодежных инициатив как фактор формирования гражданской позиции студентов // *Ярославский педагогический вестник*. 2009. С. 80–86.
7. Хохлова Н.С., Мершеев И.Р. Создание и внедрение системы грантовой поддержки молодежных социально значимых проектов

в Иркутской области // Известия Байкальского государственного университета. 2020. Т. 30. №3. С. 359–370.

8. Установлены размеры грантовых фондов для каждой площадки конкурса Росмолодёжь. Гранты // Росмолодёжь. URL: <https://fadm.gov.ru/news/ustanovleny-razmery-grantovykh-fondov-dlya-kazhdoy-ploshchadki-konkursa-rosmolodyezh-granty/>.

9. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

10. 1559 некоммерческих организаций стали победителями первого в 2024 году конкурса Фонда президентских грантов // президентскиегранты.рф URL: <https://президентскиегранты.рф/public/news/1-559-nekommercheskikh-organizatsiy-stali-pobeditelyami-pervogo-v-2024-godu-konkursa-fonda-prezidentskikh-grantov>.

УДК 351

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОРПОРАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОМПАНИИ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Илья Евгеньевич Иродов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
irodov.ilya@mail.ru

Аннотация. В настоящей работе автор обращает внимание на отсутствие адекватных теоретических оснований для анализа государственных корпораций и компаний с точки зрения их отношений с государством. Основа такого «слепого» пятна – инструменталистский взгляд на государственные корпорации и компании. Автор предлагает рассматривать в качестве теоретической основы анализа – комплементарные модель принципал-агента и теорию концессии.

Ключевые слова: государственные корпорации, государственные компании, принципал, агент, теория концессии.

STATE CORPORATION AND STATE-OWNED COMPANIES IN RUSSIAN PUBLIC POLICY

Ilya E. Irodov

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia
irodov.ilya@mail.ru

Summary. In this paper, the author draws attention to the lack of adequate theoretical grounds for analyzing state corporations and companies from the point of view of their relations with the state. The basis of such a «blind spot» is an instrumentalist view of state-owned corporations and companies. The author suggests considering the complementary principal-agent model and concession theory as the theoretical basis of the analysis.

Keywords: state corporations, state-owned companies, principal, agent, concession theory.

Общим местом в исследованиях постсоветской экономики является представление об усилении роли государства в регулировании экономических процессов [1, с. 12]. Одним из инструментов этого регулирования со второй половины 2000-х годов стали государственные корпорации (далее – госкорпорации) и государственные компании (далее – госкомпании). При этом в научной литературе утвердился инструменталистский взгляд на них. Можно обнаружить, по крайней мере, два основания такого взгляда – с позиции экономической теории фирмы (государственные корпорации и компании – это совокупность контрактов) и с позиций марксистской теории фирмы (чистая эксплуатация сильных слабыми) [2, с. 78]. В обоих случаях в основе – примитивная инструменталистская рациональность.

В последние десятилетия наметилась позитивная тенденция развития более сложных объяснительных моделей при анализе экономических акторов. В частности, утвердился новый фокус внимания – анализ фирм с точки зрения не только экономической, но и политической власти. Политическая теория фирмы является междисциплинарной по своему охвату, но предполагает использование аналитических категорий политического анализа и политической теории как центральных в ее подходе к фирмам [2, с. 79].

Вместе с этим политическая теория фирмы как сильная эвристическая концепция, судя по всему, пренебрегает разнообразием форм фирм и контекстом их существования. Очевидно, что властные возможности государственных корпораций и субъектов малого предпринимательства значительно различаются.

В общем, политическая теория фирмы нуждается в уточнении. Один из опытов уточнения – анализ российских госкорпораций и госкомпаний с точки зрения их отношений с государством. В логике инструменталистской рациональности – отношений инструмента и его владельца.

Госкорпорации и госкомпании в России определяются как формы некоммерческих организаций, учрежденные государством и действующие по принципу имущественного вноса. Основная цель данных структур – выполнение различных функций: экономических, организационных и социальных. Госкорпорации и госкомпании воспринимаются как механизмы управления стратегическими отраслями. Их прибыль идет на развитие отрасли. Примеры госкорпораций – Ростех, Роснано ВЭБ.РФ и т.д., госкомпаний – Россети, Русгидро, Газпром и т.д. Деятельность госкорпораций и госкомпаний регулируется Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», согласно закону каждая госкорпорация создается и ликвидируется на основе отдельного закона России [3].

По поводу оценки госкорпораций и госкомпаний нет однозначного мнения. Защитники данной формы участия государства в экономике считают, что компании и корпорации служат инновационному развитию [4, с. 2140]. Критики обращают внимание на отсутствие четких правил управления, оценок эффективности деятельности, прозрачности результатов деятельности [5, с. 50].

Формальное положение госкорпораций и госкомпаний указывает на две важные особенности, которые открывают путь к теоретическому уточнению адекватной аналитической модели их анализа. Первая – госкорпорации и госкомпании создаются государством, из этого родства устанавливается положение – госкорпорации и госкомпании есть не что иное, как продолжение государства. Вторая – госкорпорации и госкомпании наделены автономией, они освобождены от регулирующего воздействия государства. Законодатель не наложил на них рутинные обязательства отчитываться

о результатах деятельности, не определил критерии эффективности работы, оградил от риска стать банкротом.

Две эти особенности – учредительного и процессуального характера, составляют единый процесс жизни госкорпораций и госкомпаний.

Факт учреждения может быть проанализирован с точки зрения теории концессии. Теория концессии подчеркивает роль государства в предоставлении правосубъектности корпорации, которая, таким образом, является артефактом права [6, с. 2]. С нормативной точки зрения цель, ради которой должны действовать корпорации, является общественной целью, поэтому государство имеет законный интерес в их тщательном регулировании. Госкорпорации и госкомпании как концессии в своей основе имеют акт уступки государством неких властных возможностей (например, в России Росатом фактически осуществляет функции министерства, будучи главным регулятором атомной промышленности).

Теория концессии в первую очередь обладает объяснительной силой в объяснении учреждения корпорации до момента так называемой приватизации корпораций в XIX веке (например, возникновение университетов в средневековой Европе как уступки государством, папством привилегии выполнять функцию образования), когда в большинстве западных стран были приняты законы о регистрации корпораций, которые упраздняли факт уступки государству. Когда создание новой корпорации открыто для всех, такой уступки не существует [6, с. 3] Корпорации теперь возникали «снизу», из бизнес-контрактов, которые нуждались в легализации со стороны государства для осуществления деятельности в его пределах. Но в современных реалиях, судя по российскому опыту, теория концессии сохраняет объяснительную силу. Юридические особенности госкорпораций и госкомпаний, таким образом, интерпретируются как «привилегии», которые вызывают требование взаимности. Будучи «франчайзинговыми правительствами» [7, с. 151], они должны служить общественным интересам.

Возникнув из уступки, корпорации одновременно сохраняют положение «продолжения государства», но, с другой стороны, обретают автономию. И российское законодательство в полной мере создало для госкорпораций и госкомпаний условия для нее. Природу данной автономии в контексте отношений корпораций и компаний с государством можно объяснить с помощью модели принципал-агента.

Будучи продуктом экономической теории, модель довольно активно была воспринята политологами. Пожалуй, одна из наиболее известных сфер применения модели — отношения правительства и бюрократии [8, с. 204]. В отношениях государства с госкорпорациями и госкомпаниями последние являются агентами, а государство — принципалом. Принципал устанавливает для агентов цели и задачи (в России законодатель устанавливает для каждой корпорации цели и задачи в специальном законе). Агент же эти цели и задачи исполняет. При этом между принципалом и агентом существует информационная асимметрия (агент как непосредственный исполнитель обладает большей информацией в контексте реализации целей). Российское законодательство подобную асимметрию легализует путем освобождения госкорпораций и госкомпаний от обширного федерального надзора и четкой отчетности о деятельности. Информационная асимметрия предоставляет госкорпорациям преимущество. Как агент они обладают влиянием на принципала. Из-за автономии агента между ним и принципалом существует асимметрия в предпочтениях. Таким образом, грубая инструментальность опровергается. Госкорпорации, существующие с государством в условиях информационной асимметрии, имеют стимул к влиянию на принципала, например, воздействуя на его законодательную функцию.

Слабость инструменталистского взгляда, таким образом, в его слепоте к властным отношениям между государственными корпорациями и компаниями и государством. Обращение к политической теории фирмы при условии уточнения разнообразия форм и контекста, с точки зрения России, через обращение к комплементарной теории концессии и модели принципал-агента возвращает ясность зрения исследователям.

Библиографический список

1. Дементьев В.Е. Государственные корпорации и структурные сдвиги в экономике // Управление. 2016. №3(13). С. 12–18.
2. Ferreras I. Firms as Political Entities. Saving Democracy through Economic Bicameralism. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 229 p.

3. О некоммерческих организациях : Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_8824/.

4. Бабикова А.В., Ткаченко Ю.Г. Государственные корпорации как механизм государственного регулирования экономики // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17, № 17. С. 2139–2152.

5. Nurgozhayeva R. Corporate Governance In Russian State-Owned Enterprises: Real Or Surreal? Asian Journal of Comparative Law, 2022. №17. P. 24–50.

6. Claassen R. Political theories of the business corporation. Philosophy Compass, 2023. №18. P. 1–13.

7. Ciepley D. Beyond Public and Private: Toward a Political Theory of the Corporation. American Political Science Review, 2013. № 107(1). P. 139–158.

8. Miller G. The political evolution of principal-agent models. Annual review of political science, 2005. №8. P. 203–228.

УДК 327.8

МЕХАНИЗМЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ США В ОТНОШЕНИИ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ

Дарья Дмитриевна Чернышева

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия.

dchernysheva2002@yandex.ru

Оксана Сергеевна Киреева

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия,
orekun-05@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлен анализ механизмов принятия политических решений США в отношении КНДР для регулирования северокаорейского ядерного вопроса. Используемые администрацией президента США инструменты довольно разнообразны. К ним можно отнести политические консультации, разведывательную деятельность, дипломатические усилия, экономические санкции и военные угрозы. Однако говорить об эффективности этих мер довольно сложно, во многом потому, что они но-

сят дестабилизирующий характер и настраивают КНДР против переговоров.

Ключевые слова: Внешняя политика, США, КНДР, принятие решений, ядерная программа, ядерный кризис.

U.S. DECISION-MAKING MECHANISMS REGARDING NORTH KOREA

Daria D. Chernysheva

Altai State University,
Barnaul, Russia
dchernysheva2002@yandex.ru

Oksana S. Kireeva

Altai State University,
Barnaul, Russia
opekun-05@mail.ru

Summary. This article presents an analysis of the mechanisms of US political decision-making in relation to North Korea. The goal of the United States is to resolve the North Korean nuclear issue. The administration of the President of the United States uses various tools. These include political consultations, intelligence activities, diplomatic efforts, economic sanctions and military threats. However, it is difficult to talk about the effectiveness of these measures. These measures are destabilizing in nature and set up the political leadership of North Korea against negotiations.

Keywords: Foreign policy, USA, North Korea, decision-making, nuclear program, nuclear crisis.

Внешнеполитический вектор США уже длительное время фокусирует свое внимание на Корейском полуострове. С одной стороны, Америка ведет активную внешнеполитическую деятельность с Южной Кореей во многих областях: военной, экономической, научно-технической и иной деятельности, но с другой – сталкивается с проблемой, связанной с поиском механизмов, способствующих урегулированию отношений с КНДР. США пытаются осуществлять контроль над всеми событиями, происходящими на полуострове, в том числе и в северокорейском ядерном вопросе, разрешение которого могло бы способствовать урегулированию ядерной про-

блематики в Северной Корее и послужить стимулом для начала сотрудничества и экономического развития.

Важная составляющая напряженных отношений США и КНДР заключается в несогласии сторон идти на предложения друг друга. Во многом это определяет проблему поиска механизмов принятия решений со стороны США, поскольку многократно выдвигающиеся ими условия нарушают главный принцип любой страны – суверенитет [1, с. 74].

В целом, в процессе принятия политических решений США в отношении Северной Кореи можно выделить различные механизмы, рассмотрим некоторые из них:

1. Политические консультации: администрация президента США проводит политические консультации с ключевыми лицами и организациями, чтобы обсудить текущую ситуацию в отношении с КНДР и разработать стратегии и тактики для решения проблем.

2. Разведывательная деятельность. Разведывательные органы США собирают информацию о деятельности КНДР, ее возможных намерениях и способах воздействия на нее.

3. Дипломатические усилия: американские дипломаты работают над поиском дипломатического решения конфликта с КНДР, проводя переговоры и организуя встречи с представителями КНДР и других стран. Дипломатические усилия являются одним из ключевых механизмов в принятии политических решений данного вопроса, поскольку большинство предложенных вариантов Америкой не приносили положительного эффекта и давали только толчок к заморозке всей переговорной линии. С 2016 года при Д. Трампе наметилось значительное потепление и прогресс в переговорном процессе по разрешению конфликта, но после окончания его президентского срока все дипломатические усилия прекратилась.

4. Экономические санкции: основным рычагом давления на КНДР со стороны США во многом являлись экономические санкции в отношении КНДР, чтобы оказать давление на режим Ким Чен Ына и заставить его изменить свою политику [2, с. 107]. Однако санкции не способствовали достижению результатов и не привели к изменению поведения режима со стороны Северной Кореи.

5. Военные угрозы в сочетании с многосторонним сотрудничеством: администрация президента США использует военные угрозы в отношении КНДР как средство давления на режим Ким Чен Ына. Многостороннее сотрудничество США включает в себя та-

кие страны, как Южная Корея и Япония. Например, США и Южная Корея на постоянной основе проводят совместные военные учения, следствием которых является агрессивная политика со стороны КНДР, ответные военные учения и запуск баллистических ракет в сторону Японского моря.

В целом, стоит отметить, что механизмы, используемые американцами уже длительное время, остаются безуспешными. Поскольку КНДР адаптируется к внешнеполитическому давлению, то вышеизложенные механизмы принятия решений США уже не влияют на эту страну.

Необходимо отметить, что рассмотренные механизмы урегулирования ядерного вопроса можно считать эффективными наполовину, потому что во многом они носят и дестабилизирующий характер, по сути настраивают КНДР против переговоров. Например, США как одна из стран, которая заинтересована в переговорном процессе, должна демонстрировать КНДР доброжелательный механизм урегулирования, основанный не на санкционном давлении, а на выработке нового плана, где каждая из стран идет на определенные риски с условием получения выгоды. В данном случае то, что предлагают американцы, направлено на отказ северокорейцев от всего в обмен на демократию, в которой их режим не видит никакой перспективы. В таком случае переговоры обречены на провал.

Таким образом, США необходимо пересмотреть подход к урегулированию северокорейского ядерного кризиса и пойти на конструктивный диалог, который предполагает отказ США от односторонних условий и учет мнения противоположной стороны, что в итоге позволило бы вести действительно «демократичные переговоры».

Библиографический список

1. Давыдов О.В. Проблемы Корейского полуострова и возможные пути их решения // Россия и АТР. 2018. №3 (101). С. 68–83.
2. Михайленко Е. Б., Чернавских В. Д. Северокорейский кризис: возможные стратегии // Международные отношения. 2018. №2 (176). С. 106–120.

УДК 327.82

АНАЛИЗ ИМИДЖА ЮЖНОЙ КОРЕИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Екатерина Александровна Сулова

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия
kate98-12@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ имиджа Южной Кореи через призму теории «мягкой силы». В процессе анализа выявлены преимущества и недостатки каждого элемента имиджа этой страны. Перечислены направления работы, необходимые для их улучшения, а также дана оценка распространения «мягкой силы» Республики Корея на евразийском пространстве.

Ключевые слова: теория «мягкой силы», имидж, Южная Корея, евразийское пространство, гуманитарный капитал.

ANALYSIS OF SOUTH KOREA'S IMAGE IN THE EURASIAN SPACE THROUGH THE PRISM OF THE THEORY OF «SOFT POWER»

Ekaterina A. Suslova

Altai State University,
Barnaul, Russia
kate98-12@mail.ru

Summary. The article analyzes the image of South Korea through the prism of the theory of «Soft Power». The analysis revealed the advantages and disadvantages of each element of the image of this country. They were assessed and listed the areas of work necessary for their improvement, as well as an assessment of the spread of the «Soft Power» of the Republic of Korea in the Eurasian space.

Keywords: theory of "Soft power", image, South Korea, Eurasian space, humanitarian capital.

Имидж государства на мировой арене XXI века является основой для постоянного успешного развития страны и благополучия

ее граждан. В связи с этим последние несколько лет представители различных областей научного знания занимаются детальным изучением этой проблематики. Одним из самых активно развивающихся направлений исследований имиджа государств на данный момент можно считать исследования применения государствами «мягкой силы» в отношении других стран в процессе реализации собственных интересов и то, как это отражается на их имидже.

В предыдущей статье нами была рассмотрена возможность применения теории «мягкой силы» в качестве инструментария не только для анализа имиджа государства, но и его конструирования и корректировки на примере РФ [1]. В рамках же данной публикации проведен анализ имиджа Южной Кореи через призму теории «мягкой силы». Подобного рода анализ актуален по нескольким причинам. Во-первых, поворот России на Восток повысил востребованность исследований всех стран Востока в целом, и Южной Кореи в частности. Во-вторых, изучение применения «мягкой силы» Южной Кореей в отношении других стран может помочь разобраться в специфике ее внешней политики. В-третьих, изучение опыта Южной Кореи в конструировании собственного имиджа может помочь руководству нашей страны в разработке стратегии корректировки нынешнего имиджа России.

По аналогии с работой автора, которая упомянута выше, проведем анализ имиджа Южной Кореи на текущий период. Показатели ее инвестиционной привлекательности считаются одними из самых высоких в мире, поскольку общий объем привлеченных инвестиций с 2008 по 2016 год составил 141,97 млрд долл. За весь период только в 2013 году был замечен спад в общем притоке в связи коротким падением инвестирования в промышленный сектор. Существенный рост инвестирования в третичный сектор наблюдается в первые годы после кризиса (2008–2009): с 3,7 млрд долл. до 6,67 млрд долл. в 2010 году. В целом за указанный период доли промышленности и сферы услуг составили 32 и 63,4% соответственно [2, с. 189]. Найти статистические данные по инвестиционной привлекательности страны с 2017 по 2024 год не удалось. Но на сайте медиа-группы «Российские корейцы» в октябре 2021 года была опубликована информация о том, что Южная Корея заняла восьмое место в мире по инвестиционной привлекательности и замкнула пятерку крупнейших азиатских эко-

номик, согласно глобальному индексу привлекательности 2021 года, составленному консалтинговой группой European House Ambrosetti [3].

Гуманитарный капитал Республики Корея можно оценить как недостаточно высокий, так как множество корейских университетов открывает свои представительства только в странах Востока, например, Ханьянский университет расположил отраслевые филиалы на 2 500 студентов в Малайзии. Также Корея открывает их в Китае, в 2022 году планировалось открыть в Индонезии, Пакистане, Саудовской Аравии. Большинство из университетов предлагает большой выбор программ обучения, согласуемых с западными стандартами, а также обеспечивает работой своих выпускников. Распространена практика целевого обучения с обязательством отработки по контракту.

Свою «культурную мягкую силу» Республика Корея, пожалуй, распространяет успешнее всего. Эту страну ежегодно посещает порядка 10 миллионов туристов. Наблюдается довольно большой рост туристического потока (+14%), связанный с отсутствием бюрократических препон, развивающимся туристическим кластером и хорошей развлекательной инфраструктурой, благодаря им Южная Корея занимает 21-е место в списке стран по доходам от туризма.

Увеличению узнаваемости страны в мире способствует и система профессиональных и любительских ассоциаций боевых искусств, распространяющая корейскую философию; нельзя не упомянуть и Зимние Олимпийские игры, прошедшие в Пхенчане в 2018 году [4]. Упомянем также проект KF Global e-school for Korean Language Program, реализуемый в России с 2011 года Корейским Фондом международных обменов. В проекте задействованы несколько университетов: Сеульский национальный университет, университет Ханьяни, Женский университет Ихва, транслирующие свои обучающие контенты не только в области корейского языка, но и экономики, социологии, культуры [5]. В течение последних пяти лет в России стали появляться книги современных корейских писателей, работающих в жанре фэнтези.

Уровень демократии в Республике Корея автор считает удовлетворительным, так как согласно рейтингу стран по уровню демократии, составленным Economist Intelligence Unit, страна занимает 16-е место, что является очень хорошим показателем, 26-е место в рейтинге стран по уровню свободы человека по версии рей-

тинга Cato Institute и 58-е место по уровню политических и гражданских свобод в рейтинге международной правозащитной организации Freedom House [6].

А вот «дипломатическую мягкую силу» Республика Корея применяет довольно активно, о чем свидетельствует следующее: с 1992 года были проведены 16 саммитов между Кореей и Узбекистаном, 14 – с Казахстаном, 5 – с Туркменистаном, 2 – с Кыргызстаном и 3 – с Таджикистаном. Если количество саммитов демонстрирует динамику и степень сотрудничества, то уровень официальных визитов первых лиц подчеркивают сферы заинтересованности. Данные визиты не характеризуются интенсивностью, однако любой визит бывает приурочен к определенному мероприятию, например, открытие совместного предприятия или культурного центра. Президенты всех Центральноазиатских республик совершали визиты в Сеул, а лидеры Республики Корея побывали только в Казахстане, Узбекистане и Туркменистане, визиты на уровне премьер-министра – в Кыргызстане и Таджикистане. Президенты Республики Корея с разницей в пять лет посещали Казахстан: 2004 год – Но Мун Хен; 2009 год – Ли Мен Бак; 2014 год – Пак Кын Хе и 2019 год – Мун Чжэ Ин. Из Республики Корея с визитами в Бишкеке не был ни один президент, самый высокий уровень – это визит премьер-министра Ли Нак Ена в 2019 году. Президент Республики Корея Мун Чжэ Ин в 2019 году посетил Ташкент [7]. Однако нельзя не отметить, что страна распространяет «дипломатическую мягкую силу» сугубо избирательно, а это недальновидно в долгосрочной перспективе.

Из всего сказанного можно сделать следующий вывод: Республика Корея имеет положительный имидж в мире и поддерживает его, поэтому руководству нашей страны было бы полезно обратиться к ее опыту конструирования имиджа. Однако она распространяет свою «мягкую силу» по евразийскому пространству неравномерно и избирательно, что, как уже было обозначено выше, недальновидно в долгосрочной перспективе. В связи с этим ключевой задачей на ближайшее будущее для Республики Корея будет распространение своего влияния на страны Европы.

Библиографический список

1. Сулова Е.А. Теория «мягкой силы» – инструментарий создания имиджа РФ на мировой арене XXI в. // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика Т. 17. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2024. С. 118–124.
2. Хан А.А. Политика Республики Корея по привлечению прямых иностранных инвестиций: особенности развития и факторы трансформации // Казанский вестник молодых ученых. 2020. Т. 4, № 2. С. 183–194.
3. Южная Корея вошла в мировую десятку по инвестиционной привлекательности. URL: <https://gazeta-rk.ru/yuzhnaya-koreya-voshla-v-mirovuyu-desyatku/>.
4. Жидков В.О. Элементы южнокорейской мягкой силы // Дискурс-Пи. 2014. № 2–3 (15–16). С. 172–177.
5. Россия и Корея в современном информационном пространстве. URL: https://cks.isu.ru/images/docs/conference2022/Russia_and_Korea_2022.pdf.
6. Демократия на Корейском полуострове. URL: <https://irsepi.ru/demokratiya-na-korejskom-poluostrove/>.
7. Центральная Азия и Южная Корея: в поисках возможностей для наращивания сотрудничества. URL: <https://cabar.asia/ru/tsentralnaya-aziya-i-yuzhnaya-koreya-v-poiskah-vozmozhnostej-dlya-narashhivaniya-sotrudnichestva>.

УДК 342.34

ФАКТОРЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Оганес Агаронович Минасян

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия
oganes1minasian@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу процессов демократизации политических режимов в контексте глобальных изменений. Рассматриваются ключевые факторы, влияющие на демократизацию, такие как экономические, культурные, социальные, политиче-

ские и международные аспекты. Особое внимание уделено взаимодействию этих факторов и их влиянию на стабильность демократических институтов. Подчеркивается важность гибкости политических элит, формирования гражданской культуры и влияния технологических изменений на демократические преобразования. Также рассматриваются современные вызовы, включая популизм и внешнее давление.

Ключевые слова: демократизация, политические режимы, экономические факторы, гражданская культура, популизм, технологические изменения, демократические институты.

FACTORS OF DEMOCRATIZATION OF POLITICAL REGIMES

Oganes A. Minasian

Altai State University,
Barnaul, Russia
oganes1minasian@gmail.com

Summary. This article is dedicated to the analysis of democratization processes in political regimes in the context of global changes. It examines key factors influencing democratization, such as economic, cultural, social, political, and international aspects. Special attention is given to the interaction of these factors and their impact on the stability of democratic institutions. The importance of political elite flexibility, the formation of civic culture, and the influence of technological changes on democratic transformations is highlighted. Modern challenges, including populism and external pressure, are also considered.

Keywords: democratization, political regimes, economic factors, civic culture, populism, technological changes, democratic institutions.

Процессы демократизации политических режимов – одна из наиболее обсуждаемых и актуальных тем в сфере глобальных изменений, которые затрагивают политические структуры многих стран. Демократизация – это не просто переход от авторитарного правления к демократическому, а сложный, многоаспектный процесс, который включает множество факторов. Эти показатели могут как стимулировать демократические преобразования, так и тормо-

зить их. Причем важно понимать, что этот процесс редко бывает линейным: он постоянно взаимодействует с внутренними и внешними переменными, которые влияют на стабильность и долговечность демократических институтов. Рассмотрим каждый из этих факторов более детально, чтобы лучше понять их взаимосвязь и значение в демократических преобразованиях.

Начнем с экономических факторов, которые часто называют основой для демократизации. В своем классическом исследовании «Некоторые социальные предпосылки демократии: экономическое развитие и политическая легитимность» (1959) Сеймур Мартин Липсет выделяет ключевые элементы, которые способствуют демократическим процессам: рост доходов, индустриализация, урбанизация и улучшение уровня образования. Эти процессы создают условия для появления среднего класса, который является главным двигателем демократических изменений. Липсет подчёркивает: «Экономическое развитие не только улучшает благосостояние общества, но и создает основу для стабилизации политических институтов» [1, с. 72]. Средний класс, достигший определённого уровня благосостояния, начинает требовать политического участия, защиты своих прав и возможности влиять на власть. В то же время экономическое неравенство, как отмечает Баррингтон Мур в своей работе «Социальные истоки диктатуры и демократии» (1966), может значительно тормозить демократизацию. Мур утверждает: «Если экономическая элита стремится сохранить свои привилегии, она может активно препятствовать демократическим реформам» [2, с. 124]. Таким образом, экономическое развитие действительно способствует демократическим преобразованиям, несмотря на то, что оно может создать и серьёзные препятствия, если неравенство в обществе слишком велико.

Если экономические факторы задают основу для возможных изменений, то культурные аспекты формируют идеологическую и поведенческую базу для их реализации. Габриэль Алмонд и Сидней Верба в своём исследовании «Гражданская культура» (1963) указывают на ключевую роль формирования гражданской культуры в процессе демократизации. По их мнению, гражданская культура должна включать такие элементы, как уважение к законам, активное участие в политической жизни, приверженность демократическим ценностям и поддержка демократических институтов. Исследователи подчёркивают: «Без сильной гражданской

культуры демократизация может остаться поверхностной и непрочной» [3, с. 50].

Важнейшее значение для демократизации имеет способность общества быть толерантным, уважать права человека и идти на компромиссы. Влияние культурных традиций в своё время способствовало демократическим изменениям в странах Запада, акцентируя внимание на индивидуализме, ответственности перед обществом и правосознании. Однако не всё так однозначно: в многонациональных или поликультурных странах культурные и этнические различия могут усложнять процессы демократизации. Различные группы имеют собственные, иногда противоречивые, политические цели, что затрудняет консенсус и может способствовать росту напряжённости.

Далее следует упомянуть социальные факторы, которые оказывают мощное влияние на демократические процессы, особенно когда речь идёт о социальной мобильности и развитии среднего класса. Исследователь Мэнкур Олсон, анализируя влияние социальных факторов на демократизацию, выделяет важность коллективных действий граждан для достижения общих целей. Независимые общественные организации, профсоюзы и другие структуры гражданского общества играют центральную роль в демократических преобразованиях. Они предоставляют гражданам каналы для выражения своих интересов и защищают их права. Рост среднего класса и его активное участие в политической жизни ведёт к укреплению демократических институтов. Социальная мобильность, при которой граждане видят реальные возможности для улучшения своего положения, способствует тому, что люди становятся более заинтересованными в стабильности и развитии демократических институтов. «Коллективные действия граждан – это основа демократии», – отмечает Олсон [4, с. 135]. Именно через участие в общественных движениях и организациях средний класс укрепляет демократию, создавая устойчивые социальные структуры, которые поддерживают политические преобразования.

Политические факторы также влияют на переход общества от авторитарных режимов к демократическим. Гильермо О’Доннелл и Филипп Шмиттер в своей работе «Переход от авторитарного правления» (1986) показывают, что успешная демократизация требует гибкости от политических элит. Переходные процессы редко бывают мирными и стабильными, если элиты не готовы к ком-

промиссам и не способны договариваться с оппозицией. Политическая гибкость и готовность к диалогу позволяют избежать насилия и дестабилизации. «Без готовности к компромиссу демократические преобразования могут столкнуться с серьёзными препятствиями», – подчёркивают исследователи [5, с. 72]. Важную роль играют также политические институты, которые должны способствовать разрешению конфликтов мирным путём и обеспечивать соблюдение демократических норм. Адам Пшеворский в работе «Демократия и рынок» (1991) отмечает, что политические институты, которые поддерживают компромиссы и защищают демократические нормы, являются основой для долгосрочной стабильности демократических режимов. «Политическая структура должна быть достаточно гибкой, чтобы адаптироваться к изменениям и сохранять демократию», – пишет Пшеворский [6, с. 82].

Международные факторы занимают не последнее место в демократических процессах, особенно в условиях глобализации. Влияние внешних акторов на внутреннюю политику стран значительно возросло. Исследователи Стивен Левицкий и Люкан Уэй в своей работе «Конкурентный авторитаризм» (2010) обращают внимание на то, как международные экономические связи, давление международных организаций и распространение демократических идей могут способствовать демократическим преобразованиям. Например, международные санкции или экономическое давление могут ослабить авторитарные режимы, создавая условия для демократических изменений. «Международные организации могут играть решающую роль в стимулировании демократических преобразований», – подчёркивают исследователи [6, с. 95]. Поддержка демократических движений через международные институты гражданского общества также способствует усилению демократии в авторитарных государствах.

Среди более современных факторов выделяются технологические изменения, которые в последние десятилетия оказали значительное влияние на демократизацию. Клэй Ширки в своей работе «Сюда приходят все: Власть организаций без организаторов» (2010) отмечает, что интернет и социальные сети изменили природу политической мобилизации. Технологические инновации позволяют демократическим движениям быстро набирать массовую поддержку и привлекать внимание к своим целям. Интернет и социальные сети делают политические процессы более доступными для широ-

ких слоёв населения, устраняя барьеры между властями и гражданами. «Технологии создали новую платформу для демократии», — подчеркивает Ширки [7, с. 72]. Однако важно помнить, что цифровые технологии могут быть использованы и авторитарными режимами для контроля над населением и подавления инакомыслия.

Социально-психологические факторы, такие как чувство несправедливости, политическая апатия и протестные настроения, влияют на демократические преобразования. Яша Мунк в своей работе «Народ против демократии» (2018) обращает внимание на то, что кризис доверия к политическим институтам может привести к росту популизма и ослаблению демократических норм. Популистские лидеры используют недовольство граждан, предлагая простые решения сложных проблем, что часто приводит к подрыву демократических институтов и ослаблению демократии. Это может вызвать политическую нестабильность, требующую серьёзных институциональных реформ для восстановления демократических норм.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что исследователи, анализируя процессы демократизации, выделяют не просто отдельные факторы, а их сложные взаимосвязи, которые могут как укреплять, так и подрывать демократические преобразования. Немаловажной является способность институтов не только адаптироваться к изменениям, но и активно модернизироваться под воздействием новых вызовов, будь то экономические кризисы, технологические сдвиги или давление со стороны глобальных акторов.

Особое внимание уделяется тому, как политические элиты и гражданское общество формируют баланс сил: устойчивость демократизации зависит не только от компромиссов между различными группами, но и от их способности выстраивать долгосрочную стратегию демократического управления, при этом избегая популистских ловушек и авторитарных тенденций. Ключевым становится вопрос не просто адаптации институтов, но и их готовности к долгосрочным и устойчивым изменениям, способным противостоять как внутренним кризисам, так и внешнему давлению. Формирование сильных, инклюзивных и гибких институтов — это то, что делает демократию не только возможной, но и жизнеспособной в условиях современной глобальной нестабильности.

Библиографический список

1. Lipset S.M. Some social requisites of democracy: economic development and political legitimacy // American Political Science Review. Cambridge, 1959. Vol. 53. N. 1. Pp. 69–105
2. Мур Б. Социальные истоки диктатуры и демократии. М. : Прогресс, 1966. 547 с.
3. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: Политические установки и демократия в пяти нациях. М. : Политиздат, 1963. 328 с.
4. Олсон М. Коллективное действие и общественные блага // Экономика и общество. Т. 4. 1986. С. 129–156.
5. О’Доннелл Г., Шмиттер Ф. Переход от авторитарного правления. М. : Международные отношения, 1986. 240 с.
6. Левицкий С., Уэй Л. Конкурентный авторитаризм. М.: Новая книга, 2010. 254 с.
7. Ширки К. Сюда приходят все: Власть организаций без организаторов. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2010. 320 с.

СЕКЦИЯ 4

ОСОБЕННОСТИ ИСКУССТВА ЕВРАЗИЙСКИХ НАРОДОВ

УДК 294.512.14

«ДУХОВНЫЙ КОММУНИЗМ» КАК ОБЪЕКТ ЗАПАДНОЙ ЦЕНЗУРЫ

Вадим Владимирович Останин

Алтайский государственный аграрный университет,
Барнаул, Россия
vadim_bh@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы цензурирования восточного религиозного дискурса со стороны западной идеологии на примере статьи «Духовный коммунизм», представляющей собой беседу известного индийского религиозного деятеля и проповедника А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады и советского востоковеда профессора Г.Г. Котовского.

Ключевые слова: индуизм, вайшнавизм, духовный коммунизм, цензура, Прабхупада.

«SPIRITUAL COMMUNISM» AS AN OBJECT OF WESTERN CENSORSHIP

Vadim V. Ostanin

Altai State Agrarian University,
Barnaul, Russia
vadim_bh@mail.ru

Summary. The article examines the problems of censorship of Eastern religious discourse by Western ideology on the example of the article «Spiritual Communism», which is a conversation between the famous Indian religious figure and preacher A.C. Bhaktivedanta Swami Prabhupada and the Soviet orientalist Professor G.G. Kotovsky.

Keywords: Hinduism, Vaishnavism, Spiritual Communism, censorship, Prabhupada.

Статья «Духовный коммунизм» опубликована в сборнике эссе и бесед индийского мыслителя — Прабхупады (1896–1977) под названием «Наука самоосознания». Она представляет собой беседу, состоявшуюся 22 июня 1971 года между советским востоковедом профессором Г.Г. Котовским (сыном героя Гражданской войны, 1923–2001) и Прабхупадой в ходе его визита в Москву 20–25 июня 1971 года. Данная беседа была записана на аудио, позднее транскрибирована и опубликована под названием «Духовный коммунизм» в уже упоминавшемся сборнике трудов Прабхупады сначала на английском, а позднее на русском языке [1].

Сравнение статьи и, к счастью, сохранившегося транскрибированного текста [2], а также имеющейся аудиозаписи позволяет исследовать масштаб той цензуры, которой подверглось изначальное содержание беседы. А он довольно внушителен. Для удобства анализа выделим в акте цензурирования два аспекта: 1) техническая цензура; 2) идеологическая цензура.

1. Техническая цензура. Она не столь интересна как идеологическая, но все же очень примечательна. Вступительная и заключительная части статьи включают в себя перестановки текстовых блоков. Последняя фраза статьи, приписываемая Г.Г. Котовскому, на самом деле принадлежит индийскому гостю, участнику беседы. Существуют некоторые купюры текста.

Фраза Котовского «на русском языке изданы тома “Махабхараты”, и переиздан ее полный перевод» не соответствует действительности, так как полного научного перевода всех 18 книг «Махабхараты» на русский язык в то время не существовало. Текст оригинальной беседы подтверждает это, упоминая лишь 2-е издание, но отнюдь не полное издание «Махабхараты»: «We have also second edition of “Mahabharata”, translated by different people» [2]. В статье отсутствует упомянутый Котовским перевод «Арта-шастры».

Оказались вырезанными упоминания следующих личностей: средневековые деятели Рупа Госвами и Наваб Хусейн Шах; Лал Мохан Гхош (1849–1909) — 16-й президент Индийского Национального Конгресса. Отсутствуют знаменитые цитаты, приводимые Прабхупадой по мере беседы: «Бхагавад-гита» (4.7-8 и 7.14), «Бхагаватам» (5.5.5) и др. Помарки в санскрите: вместо три-кала-джна значится три-каладау. Нет упоминания тех мест, которые Котовский посетил в Индии, и т.д.

2. Идеологическая цензура. Очевидно, центр цензурирования смещен именно сюда, ведь необходимо помнить, что беседа состоялась в самый разгар холодной войны. Особый блок цензуры составляют упоминания событий, актов и персоналий, хоть каким-то образом способных скомпрометировать англо-саксонский мир. Убрано неудобное для американской публики обсуждение Вьетнамской войны (1955–1975). «Вымараны» затронутые в беседе так называемые «Законы Дженту», представлявшие собой цензурированные англичанами-колонизаторами традиционные индийские законы и приведшие к печальным социальным последствиям. «Исчезло» имя знаменитого индийского социального антрополога, критика концепции колонизации М.Н. Шриниваса (1916–1999). Убраны обсуждавшиеся Прабхупадой негативные аспекты «вестернизации» традиционных укладов Индии: «Конечно, люди не слишком-то счастливы там. Один государственный служащий... в 50-х гг... из департамента статистики, м-р Дал из Кашмира... приезжал ко мне в Аллахабад и сказал: “Я посещал деревни, и жители сказали: “Babuji, angrej ko bahut”» [2]. Фраза *babuji, angrej ko bahut* восстанавливается по контексту с искаженного хинди как «уважаемый, слишком много всего английского».

Очевидно, американские редакторы, сознательно или несознательно (шаблонное восприятие СССР как «империи зла» было характерно для западной общественности), хотели вымарать из беседы все, что касается свободы печати, слова и т.п. Так, в книге «Движение сознания Кришны в СССР» драматично пересказываются ожидания одного из американских спутников Прабхупады: «Их предупредили, что в Советский Союз категорически, под угрозой тюремного заключения, запрещено ввозить какие бы то ни было печатные материалы». Американский юноша «лично проверил весь багаж, чтобы убедиться в отсутствии там запрещенного груза». Но прямо перед вылетом его супруга, «ни словом не обмолвившись», положила ему в чемодан две книги: «Бхагавад-гиту» с комментариями Прабхупады и брошюру «Легкое путешествие на другие планеты». По словам сопровождающего, эти две книги проникли в СССР буквально чудом: «Торжествующим жестом таможенник вынул книгу из чемодана, и все фотографии, которые были в ней, разлетелись по полу. Мое сердце бешено колотилось; я думал: “все, теперь – тюрьма”, но таможенник вдруг необычайно смутился и бросился поднимать фотографии с пола; коллеги стали ему помо-

гать. Собрали, сложили все обратно в чемодан и сказали: все, иди!» [3, с. 46]. Вызывает невероятное удивление, что какие-то разлетевшиеся фотографии сбили «торжествующих» советских таможенников с толку и заставили их пропустить «запрещенный материал».

Более того, утверждение, что это были единственные книги Прабхупады, попавшие в СССР, не вяжется с содержанием беседы и даже статьей. Прабхупада: «У нас есть весь “Бхагаватам” в английском переводе. Если вы хотите посмотреть, я могу показать» [1, с. 282]. Далее по ходу беседы Прабхупада произносит: «Мы публикуем каждый месяц по одной главе “Бхагаватам”... давая им названия, подобные этому: “Первый шаг в познании Бога”. Или здесь также название “Подтверждение “Пуруша-сукты”» [2]. Очевидно, что Прабхупада демонстрирует профессору том 2-й Песни «Бхагаватам», в котором указанные главы соответственно значатся под № 1 и 6 [4, с. 13, 283]. Это подтверждается демонстрацией Прабхупадой картины, изображающей царя Парикшита, которая содержится на форзацах всех изданий «Бхагаватам»: «Как вот эта картина. Здесь изображен царь-кшатрий. Перед смертью он отрекся... от статуса царя и ушел в лес, слушать о самопознании» [2].

Очевидно упоминание еще одной книги Прабхупады, имевшейся у него на руках: «Это “Легкое путешествие на другие планеты”. Нет? Нет, а что это? “Сознание Кришны — высшая система йоги” [5]» [2].

В официальной биографии Прабхупады образ Г.Г. Котовского грубо подогнан под традиционный шаблон западного восприятия. Он «стоит на позициях официальной советской идеологии», «является не столько ученым, сколько винтиком советской академической системы», «его представления о самом себе ничем не отличались от представлений животного» [6, с. 277–278]. В действительности же Котовский ни разу по ходу беседы не отрицает существование Бога, а на вопрос Прабхупады о необходимости университетского исследования души реагирует положительно [2].

Некоторые вырезанные фрагменты беседы начисто разрушают идеологическую картинку Запада о полном отсутствии свободы вероисповедания в СССР. Так, в вышеупомянутой официальной биографии Прабхупады значится: «Он видел пожилых русских, идущих в церковь, и милиционера, стоящего у входа... Милиционера поставили для того, чтобы не пускать на богослужения молодежь» [6, с. 279]. Содержание беседы рисует нам совершенно иную карти-

ну. Котовский дважды (!), практически настаивая, предлагает Прабхупаде встречу с представителями православной церкви. «Некоторым людям из Православной Церкви, возможно, покажется интересным поговорить с вами». «Я рекомендую, чтобы Вы через посла вошли в контакт с представителями нашей религиозной организации» [2].

Итак, сопоставление статьи «Духовный коммунизм» и реальной беседы Прабхупады с профессором Котовским демонстрирует, насколько впечатляющим оказался масштаб цензуры, проведенной редакторами. Возможно, извинить их может то, что издание было осуществлено в короткие сроки и являлось «горячим материалом» из-за «железного занавеса». Однако характер и объем цензурной работы заставляют нас очень осторожно относиться к любому проповедническому материалу, проникающему в Россию с Запада. Порой чистое религиозное послание «приправляется» идеологической составляющей, и тогда в задачу исследователя входит ясно различить их.

Библиографический список

1. Бхактиведанта Свами Прабхупада А.Ч. Духовный коммунизм // Наука самоосознания, 2021. С. 281–303
2. Bhaktivedanta Swami Prabhupada A.C. Conversation with Professor G.G Kotovsky. URL: <https://vedabase.io/en/library/transcripts/710622r1-moscow/?query=Kotovsky#bb479361>
3. Пискарев В.А. Движение сознания Кришны в СССР. Очерки истории 1971–1989 годов. М.: The Bhaktivedanta Book Trust (Фонд «Бхактиведанта»), 2017. 1008 с.
4. Бхактиведанта Свами Прабхупада А.Ч. Шримад-Бхагаватам: Песнь вторая. М.: The Bhaktivedanta Book Trust, 2013. 752 с.
5. Бхактиведанта Свами Прабхупада А.Ч. Сознание Кришны – высшая система йоги. М.: The Bhaktivedanta Book Trust, 2010. 112 с.
6. Сатсварупа дас Госвами. Прабхупада: Человек, святой, его жизнь, его наследие М.: Бхактиведанта Бук Трест, 1993. 510 с.

УДК 130.1

К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР: СОМЕРСЕТ МОЭМ И Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ О ХАРАКТЕРЕ РУССКОГО НАРОДА

Аурика Германовна Инговатова

Алтайский государственный технический университет,
Барнаул, Россия.
auriking@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема диалога культур, поиск основ понимания особенностей менталитета представителями разных евразийских народов. Проведен анализ взглядов представителя европейской нации – известного английского писателя Сомерсета Моэма и Ф.М. Достоевского относительно ведущих черт русского национального характера. Задача исследования: выявление культурно-психологических оснований формирования представлений о характере русского народа, его ментальной специфики. Делается вывод о том, что причиной непонимания является кризис идей христианского гуманизма в Европе.

Ключевые слова: культура, диалог, восприятие, понимание, характер народа, менталитет, культурно-психологические основы диалога, христианские ценности.

TO THE PROBLEM OF CULTURAL DIALOGUE. W. SOMERSET MAUGHAM AND F. DOSTOEVSKY ON THE RUSSIAN IDENTITY

Aurika G. Ingovatova

Altai State Technical University,
Barnaul, Russia
auriking@mail.ru

Summary. The article considers the problem of cultural dialogue and searching for the basis of understanding between different Eurasian nations. The author analyses opinions on the Russian identity taken from two famous European writers W. Somerset Maugham and F. Dostoevsky. This research objective is to identify cultural and psychological origins of the takes on the Russian special identity. It is

concluded that the cause of misunderstanding is the ideological crisis of European Christian humanism as it is.

Keywords: culture, dialogue, perception, understanding, people identity, mentality, cultural and psychological basis of dialogue, Christian values.

*Я всегда говорил и никогда не откажусь
от своих слов, что самые интересные
люди живут в России.*

Габриэль Гарсиа Маркес

Актуальность темы продиктована необходимостью кристаллизации базовых основ культурной самоидентификации и духовного самосознания русского народа в условиях современного глобального кризиса и реальных вызовов, брошенных Российскому государству со стороны коллективного Запада. В сложившихся условиях, в контексте сегодняшних отношений между Россией и Западом, Западом и Востоком, Россией и Востоком, – очень важно, прежде всего для самих носителей русской культуры, понять, осознать: какие типические черты характера русского народа (человека русской культуры и духа) позволили ему построить Россию – уникальное крупнейшее государство не только на континенте Евразия, но и в мире, лежащую между Западом и Востоком и сохранившую на своей территории уникальное «многоцветие» культур и духовных традиций самых разных народов и этносов.

Интерес к сравнительному анализу взглядов двух данных мыслителей и писателей продиктован двумя мотивами: личности неординарные, глубоко чувствующие (каждый по-своему, понимает) человеческую природу, несомненно изначальный гуманный настрой обоих писателей, даже несмотря на то, что писатель Сомерсет Моэм был представителем тайной британской агентуры, в том числе и на территории тогдашней – царской – России. Этот факт только подтверждает наблюдательность его интеллекта, тонкого психологизма в восприятии русского человека, обуславливает точность замечаний Моэма о его характерных чертах.

Ф.М. Достоевский, будучи настоящим апологетом христианской морали, по-своему прочтенной православием, не только прекрасно знал традиции величайшей литературы и религиозных установок Запада, но и имел возможность там жить, чувствовать и пони-

мать, так сказать, изнутри жизнь европейского человека, ее основания и тенденции.

Следующий, значимый мотив интереса к теме продиктован вновь назревшей в российском обществе острейшей необходимостью в духовном самоопределении, в прояснении смысла исторического существования и базового в духовном смысле для народа выбора, всякий раз с необходимостью демонстрируемого на разных этапах его исторического пути, ибо «велико незнание России, посредности России», — воскликнул Н.В. Гоголь, — и ведь мало что изменилось и сегодня: сами не знаем себя в должной мере.

Колоссальный исследовательский интерес, с нашей точки зрения, представляют «живые» примеры понимания и восприятия представителями одних народов особенностей характера, привычного образа мышления и поведения представителей другого народа. Безусловно, мэтры мировой литературы, их мнение — весьма достойный камертон в оценке и понимании особенностей душевного строя того или иного народа и всегда будут вызывать исследовательский интерес, несомненно, возрастающий в условиях исторических переломов, кризисов, трансформаций и безвременья.

Мы отдаем себе отчет в том, что на протяжении ряда веков англосаксонский мир, исходя из собственных внутренних побуждений, рассматривал и продолжает рассматривать Россию и русский народ, являющийся главным организатором и созидующим вдохновителем цивилизационного строительства, исключительно в качестве своего геополитического противника. Как ни странно, но исторически подтверждается факт более ясного и отчетливого понимания себя либо под воздействием внешней угрозы существованию нашего великого государства, либо под воздействием прямо высказываемых внешних (взгляд со стороны) оценок. Тогда реакция на оценку со стороны вызревает естественно, поднимается из глубины, если можно так выразиться — самого сердца, неосознаваемо, алогически, но почему-то, как правило, — уверенно и в однозначности смыслового содержания. Примером такой прямо высказываемой внешней оценки и является описанное Сомерсетом Моэмом понимание характера русского человека — замечания, сделанные им во время поездки в Россию. Много ранее высказанные мнения и убеждения Ф.М. Достоевского мы намеренно приводим во вторую очередь, в качестве некой антитезы, оттеняя степень проницательности известного английского писателя; наиболее интересной

представляется для нас попытка подспудного выявления глубинных культурно-психологических причин и оснований именно таких оценок в лице самого Сомерсета Моэма.

Надо отдать должное, С. Моэм выражает уважение к русской литературе, сравнивая ее с тогдашней западной, которая, по его мнению, была ориентирована на среднего сытого человека, и не давала того простора для духовных поисков человека XIX века, что был в русской литературе: «Рядом с ними (Толстым, Тургеневым и, главным образом – Достоевским) величайшие романы Западной Европы звучали фальшиво» [1, с. 360].

В заметках писателя от 1917 года находим его восприятие русского патриотизма, в котором много оценок, связанных, по нашему мнению, с непониманием, продиктованным не просто субъективностью восприятия, а именно с его восприятием как англичанина. «Патриотизм русских – это нечто исключительное. В нем немало самодовольства, они ощущают свою непохожесть на других и кичатся этим... они гордятся собственными недостатками, подобно невоспитанному человеку, заявлявшему, что он таков, каким его сотворил Господь, и не без самодовольства сознаются в собственном пьянстве и невежестве, в отсутствии целеустремленности и решительности» [1, с. 361].

Чтобы сильнее оттенить меру своего неприятия и непонимания, С. Моэм анализирует собственное чувство патриотизма с точки зрения его содержательной наполненности тем, что собственно и вызывает в его сердце истинного англичанина ностальгическую гордость и смиренную любовь к Англии. От «белых скал Дувра... извилов дорог Кента и Сассекса, собора святого Павла и Темзы, до оды Колдриджа и «Соловья» Китса, строк Шекспира, кораблей Дрейка и страниц английской истории» – всего того, что складывается в «некое смутное ощущение величия, мощи и незыблемости». И далее находим предположение: «возможно, Россия слишком велика для столь сокровенного чувства, ее прошлое, увы, лишено рыцарства и высокой романтики, характер ее слишком неопределенен, литература (здесь явное противоречие собственному ранее озвученному мнению) ее слишком бедна, чтобы мысленно объять страну, ее историю и культуру в одном чувстве» [1, с. 361–362].

Апеллируя к своему неизменно проявляющему себя здравому смыслу, писатель, с нашей точки зрения, совершенно верно и точно улавливает моральное основание «дружести» русского самосо-

знания, особенности души русского человека: «они (русские) более интроспективны, чем мы. И их чувство греха неизбежно... русский человек не только постоянно говорит вам, что он — грешник, но он, по-видимому, чувствует это и страдает от неутрачиваемых угрызений совести... они воистинуотягощены этим бременем и будут каяться в рубище и пепле, с рыданиями и жалобами из-за проступка, который несколько не беспокоил бы наше менее чувствительное сознание». (Надо отметить, что в этом невольном признании англичанина в отсутствии чувства греха — ничто не вызывает в нас, с учетом отдельных страниц мировой истории, — желания поспорить).

С позиции здравого смысла, присущего англосаксонской прагматически настроенной натуре, воспринимающей человеческие недостатки исключительно с позиции оправдывающих их обстоятельств или воли случая, Сомерсет Моэм, апеллируя к примеру страстной природы Дмитрия Карамазова, делает следующий вывод: «В сущности, русский человек не бог весть какой грешник. Он ленив и лишен целеустремленности. Много говорит, плохо владеет собой, так что проявления его страстей намного превосходят степень их осуществления. Но в целом он добр, жизнерадостен и не злопамятен. Он щедр и терпим к чужим слабостям... Он общителен, вспыльчив, но отходчив... любит укорять себя из-за своего несовершенства... Побывав на дружеской пирушке у русских, трудно не заметить, что пьют они невесело. Они плачут, когда пьяны... [1, с. 363]

После всех этих весьма реалистичных наблюдений Сомерсет Моэм, являясь носителем установок глубоко отличающегося от русского культурного кода, выражает глубокое несогласие с тем, что именно страданием «омывается» человеческая душа, через переживание страдания человек делается сильнее. Его позиция прямо противоположна, выражает прежде всего установки общества, регламентированного иерархией их собственной европейской морали, в свою очередь сформированной поступью утверждающихся в качестве единственно верных норм морали насквозь буржуазной.

«Способность страданий совершенствовать и облагораживать человека — миф. Первое следствие страданий — оно делает людей ограниченными, они замыкаются в себе... Я страдал от бедности..., мук неразделенной любви... от недостатка удачи... и я знаю, что все это делало меня немилосердным, завистливым, раздражительным, эгоистичным, несправедливым... Благополучие, счастье, успех — сделали меня лучше». «Страдание же подавляет... жизненную силу...

оно не возвышает человека, а умаляет его» [1, с. 364]. Поразительна в данных рассуждениях всяческая отстраненность от какого бы то ни было обращения к самому духовному состоянию человека, словно его и нет вовсе, а есть только обращение к гипотетически упущенным возможностям и недополученному статусу, к разрушенным надеждам на большее благополучие. А где сам человек? В реальности его души, «взрослеющей» души, – словно и нет его. Есть только трактуемый именно как материальное благополучие смысл жизни. Но даже учитывая изменившийся социальный контекст, такой подход вряд ли может стать адекватной основой для понимания характера русского человека, скорее, наоборот, – для углубляющегося непонимания.

«Русский, – пишет С. Моэм далее, – обладает гораздо большей свободой, чем англичанин. Он не связан правилами. Он ест, что хочет, и тогда, когда его это устраивает. Он надевает что хочет, невзирая на общепринятые условности (художник может надеть котелок и стоячий воротничок, а юрист – сомбреро). Его манеры кажутся ему столь естественными, что и другими воспринимаются также. Хотя он бывает не чужд позерству, он никогда не стремится казаться не тем, что есть на самом деле, он лишь склонен к некоторой переоценке собственной личности». Наконец, пронизательный ум и честный взор наблюдателя Сомерсета Моэма не мог избежать или обойти вниманием объективное культурное значение русской мысли (русской метафизики) и русской литературы, подарившей Европе, по его мнению, разочаровавшейся в натуралистической философии и науке французского Просвещения, «великую и простую мысль – миром движет любовь. Ей противопоставлена воля, как иная пагубная сила, и русские романисты не устают показывать, к какой катастрофе это может привести» [1, с. 366].

Для нашего сравнительного анализа взглядов на русский национальный характер важно понимание его именно Ф.М. Достоевским, глубину творчества которого, кстати, очень высоко ставил сам С. Моэм. Великий русский писатель являлся всю жизнь истинным патриотом своего народа и неутомимым исследователем его самобытнейшей ментальности. И.А. Ильин как-то отлично высказался об этом подлинном патриотическом чувстве: любить по-настоящему народ свой означает считать личными (своими) все переживания, что переживает твой народ. Простая и верная мысль, в которой отражена вся емкость понимания любви к своему народу,

в лице Ф.М. Достоевского выражена им самим в его знаменитом посвящении А.С. Пушкину, любившему свой народ, по словам Ф.М. Достоевского, столь «всеобъемлюще», выказывавшего такую любовь к нему, «какую никто до него не высказывал». «Не люби ты меня, а полюби ты мое», – как это понимать? «А полюби ты то, что я люблю, почти ты то, что я чту». «Пушкин именно так полюбил народ, как народ того требует», – подчеркивает Ф.М. Достоевский. «Он преклонился перед правдой народной, и признал правду народную как свою», «несмотря на все пороки народа и многие смердящие привычки его, он сумел разглядеть великую суть его духа тогда, когда никто почти так не смотрел на народ и принял эту суть народную в свою душу как свой идеал» [2, с. 607]. «Повторяю – судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой своей мерзости вздыхает... Нет, судите народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы... они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и всеобщим открытым умом, и все это в самом привлекательном гармоническом соединении» [2, с. 177]. Ф.М. Достоевский преклоняется не только перед гением великого предшественника, но и понимает, принимает и однозначно разделяет именно так понимаемую любовь к народу, и в этом же видит ее верное проявление.

Сколько людей, по нашему глубокому убеждению, и сегодня в оупляющем человеческое сознание потребительском тумане неизменно спасает от губительного равнодушия к подлинным ценностям. Именно это чувство причастности к родной культуре, ее истории, бесценности ее духовного опыта, именно в его прорывах ввысь, а не в обывательском идеале земного счастья. Ф.М. Достоевский удивительно сочетал в себе глубину чувства причастности к своему народу и утонченность понимания его подлинной сути, и сущность его духовной природы, и переживания о его будущности. Учитывая этот факт и зная, что культура Европы, как всякому русскому интеллигенту-исследователю. – не чужда ему, особенно художественная литература Запада мирового уровня, которой он овладел и пропустил через себя, будучи совершенно молодым человеком, мы не можем не доверять мыслителю, считавшему, что «велико незнание России» на Западе, более того, все, что там знают, понимают с точностью до наоборот. Он неоднократно подчеркивает,

что Россия для западных соседей была и будет «terra incognita», неведомая, глубоко непонятная, или — если понятая, то понятая неглубоко, и это бесспорно, и что ситуация непонимания — это процесс на века, долгий или бесконечно долгий, и все это несмотря на то, что Россия «(русские) держат себя совершенно нараспашку перед европейцами». Что русские своим характером до того не похожи на характеры всех современных европейских народов, что европейцам до сих пор не понятен этот совершенно противоположный им «обратный» настрой души. Ради высокой идеи русский человек забывает о выгодах земного порядка, служит ей бескорыстно и искренне в силу безоглядной веры.

Странно, в принципе, что в непонимании, если судить по сегодняшнему настрою Европы против России, упрекают не европейцев, а русских, которых не понимают европейцы, не только в силу непохожести русских на иные европейские народы, но, быть может, в силу несоразмерности опыта и уровня духовного самосознания: европейцы иные народы поработщали и обирали. Православная цивилизация, справедливый социальный настрой которой продолжился и в эпоху СССР, собирала вокруг себя народы, разделяя с ними по-братски достижения цивилизации. Мы считаем, что в недостаточности усилий к пониманию, к желанию понять, и уж тем более в отсутствии человеческой пытливой любви к более сложному «предмету» понимания, прежде всего необходимо винить не «предмет», недоступный пониманию, а субъекта, демонстрирующего недостаточность сознательных и духовно-душевных усилий, а также узость смыслового горизонта.

Изложенное выше непонимание Сомерсетом Моэмом ярко выраженной способности к самоуничтожению и самобичеванию, потому-то и непонято им, что Моэм смолоду сам буквальным образом стоит вне традиции глубоко нравственного христианского самосознания (его попечитель — близкий родственник, был англиканским священником, и мальчик имел возможность видеть прямое несоответствие проповедуемого слова и образа жизни дяди, его отношения к близким людям). Религиозное чувство его, которое оказалось дисгармонично уже в детстве, неспособно оценить специфику самовосприятия в русском духе, что если «и так много грязи, то русский человек и тоскует от нее всего более сам и (что самое главное. — *А.И.*) — «верит (!)», верит, что все это — лишь наносное и временное, наваждение дьявольское, что кончится тьма и что непременно воссияет когда-нибудь вечный свет» [2, с. 177].

Собственно, и дальнейшие указания на весьма поверхностную трактовку черт русского национального характера следует объяснять не только собственным стоянием английского писателя вне религиозных прозрений и критериев восприятия, а самим исторически сложившимся и непоколебимым со стороны исконного Запада привычным для него отношением нелюбви и неприятия России как чего-то не просто второстепенного в цивилизационном плане, а изначально несостоятельного и неверного, чего-то отклоняющегося, заведомо девиантного, как сказали бы психологи, а значит – больного, неизлечимо больного и аномального. Еще раз повторим, причиной такого традиционного отношения неприятия и, как следствие, непрекращающихся, включая и сегодняшний день агрессивных (вплоть до разобщения и уничтожения) настроений – являются глубокое непонимание и смысловой не просто диссонанс, а расхождение в восприятии мира, жизни и ее ценностей в человеческих сознательных установках.

Западный человек, англичанин в особенности, – однолинейно и сугубо практически рационален, прагматичен и меркантилен, и даже если обратиться к вполне верному наблюдению Сомерсета Моэма о свободолюбии русского человека, то становится даже несколько неловко читать: сколь примитивно обывательски звучит понимание свободы. Сколь оно ограничено тривиальностью высказанных им критериев свободы: свобода – это свобода от условностей, норм и правил этикета. Совсем иное понимание свободы присуще представителю русской культуры у Ф.М. Достоевского. Она неразрывно связана с искрой Божьего света в душе всякого человека и самостоятельным выбором возвышающего его над миром образа Богочеловека в качестве духовного маяка.

Парадокс, но выходит, что нас обвиняют в том, до чего сами не «дорастают» в своем духовном статусе – до всечеловеческой любовной установки – «Нет ни эллина, ни иудея!» Всякий человек уже только в силу того, что он – человек – заслуживает любви, как «признания» за ним объективности существования, и не только этого, разумеется. Однако, что же мы наблюдаем сегодня? За то, что данная установка сохранилась в реальном, практически и физически существующем на Земле с пока еще крепким народным (и социальным – государство) «телом» и фактически в одиночку отстаивающим христианское понимание идеи человека, народе, этот самый народ, словно коллективно сговорившись, намеренно демо-

низируют и настоятельно записывают в ущербный, увечный, а потому автоматически — не имеющий права на собственное существование и самобытный исторический путь самоутверждения, выстраивание на этой основе самостоятельных отношений с другими народами, в последнем сразу видят прямую угрозу «истинному» порядку «правильной» цивилизационной системы. Правильной ли, если она руководствуется как раз только плоскостной практической рациональностью, в контексте которой логически неизбежна «война всех против всех» и поглощение-подавление «сильными» слабых? О чем свидетельствует это единодушное «собрание» сил с этой противоположной нашей стороны? Стоит задуматься и весьма серьезно.

Ф.М. Достоевский, в унисон с такими русскими мыслителями, как В.С. Соловьев и Н.А. Бердяев, утверждает, что русская нация, несмотря на всю противоречивость и антиномизм духа, действительно, необыкновенное явление в истории всего человечества, как раз потому, что она в своей самобытной истории не сделала заботу о собственном преуспевании и достижении благополучного существования любыми доступными ей способами (в отличие от тех же англичан, к примеру), смыслом своего исторического пути. Она явила собой выражение идеи «общечеловечности» — как идеи национально русской». И если есть в вас искреннее переживание за Другого (другой народ, другого человека) попавшего в беду, столкнувшегося с несправедливым отношением или с холодным вероломством и жестокостью (как мирные жители Донецкой и Луганской областей в XXI веке), внутреннее страдание за мир в целом, за идею человека как таковую — «всемирная отзывчивость и всеотклик» — значит вы — русский по духу человек, ибо это не только и не столько этническая принадлежность, а принадлежность, прежде всего, к духу, взыскующему высшей правды. Русский по воспитанию — статус духовный, однако это не отменяет того факта, что историческим центром притяжения и формирования такой специфики духовного воспитания, как «внутриутробная» тяга к вселенской справедливости, а также наднациональной, надэтнической универсальности прочтения человеческого образа, стал именно русский народ. Народ, построивший и продолжающий строить исключительно на этом понимании и сегодня свой цивилизационный проект на обширнейшей и богатейшей не только культурами, но и ресурсами территории Евразийского континента. Страны, привыкшие воспринимать иное-дру-

гое только объектом для присвоения, всегда будут воспринимать «сердце Евразии» как объект для захвата, или присвоения. Знать об этом — не просто наш долг, а именно спасительный долг и смысловая «зарубка» в памяти всех последующих поколений россиян, ценящих подлинное, для себя глубоко верное понимание свободы, а значит, и ценность собственного бытия. Для Европы прежней и нынешней не было и не будет никогда ничего выше «торговли, мореплавания, рынков и фабрик» — «это такие интересы, до которых и дотронуться даже не позволено не только пальцем, но даже мыслью» [2, с. 482]. «В Европе, — пишет Ф.М. Достоевский, — был феодализм и были рыцари, но в тысячу с лишком лет усилилась буржуазия и, наконец, задала повсеместно битву, разбила и согнала рыцарей и стала сама на их место. Исполнилась в лицах поговорка: «Ote-toi de la gue je m*y mette» (Убирайся, а я на твоё место)» [2, с. 501]. Тонкое замечание русского писателя относительно постепенно воцарившейся новой человеческой породы, чей душевный настрой прекрасно описан не только в древности Платоном в диалоге «Государство», но и более конкретно в «Капитале» К. Марксом и самим Ф.М. Достоевским в «Братьях Карамазовых» во сне Ивана Карамазова, которому антипод Бога явился не с громом и молниями, а в виде торговца-лавочника в засаленном сюртучке. Такой тип человека утвердился на Западе, именно этот тип человека на сегодняшнем Западе и подготовил массовое приятие содомитской морали. Дезэволюция, как и эволюция, не терпит пустот и лакун. Процесс изменения и подмен в душе и в разумных ориентирах вершится поступательно десятилетиями, веками. Кстати, прозорливость и дар провидения такого мыслителя, как Ф.М. Достоевский, и его поразительная душевная чуткость вкупе позволяли ему улавливать краеугольные и знаковые моменты в жизни общества, когда оно, вмиг нечто приняв или отринув как недопустимое, стоит, словно в точке бифуркации: либо оно отстоит безусловно святое, либо с лёгкостью отринет его же за ненужностью, легко оправдав свой разрушительный для духовной жизни нигилизм самыми что ни на есть оптимистичными и обнадеживающими требованиями обновления ради более совершенной жизни. Ф.М. Достоевскому чрезвычайно важно было разглядеть образ человеческой души именно в такие моменты, в состоянии экзистенциального выбора. В таком смысле и именно с такой точки зрения вглядывался он в свой народ. Каков он? Каковы глубинные основы его экзистенциального выбора? По-

сле акцентированного значения души человека, большое значение имеет вопрос: каким должен быть русский человек, чтобы, не отрываясь от своих корней, от исконной почвы, спокойно коммуницировать в открытом общении с остальным миром? Находясь в диалоге со всем поприщем мировой культуры и науки, делая их не предметом бездумного подражания, а питающим источником для собственного развития и совершенствования?

В русском человеке нет европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Он со всеми уживается и во все вживается. Он сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы («мы — шире своей колыбели», — прямо говорит он в речи, посвященной Пушкину). У русских есть инстинкт общечеловечности: «наш народ — такая огромность, что в ней уничтожатся сами собой все новые мутные потоки». Этот инстинкт сказался в уникальных языковых способностях русского человека, о которых Ф.М. Достоевский пишет также в своих «Дневниках»: он «может говорить на всех языках и изучить дух каждого чуждого языка до тонкости... — чего нет в европейских народах, в смысле всеобщей народной способности» [2, с. 180].

Естественно, Ф.М. Достоевский создает собирательный образ, говоря о типических чертах нации в целом. Замечания Ф.М. Достоевского о том, что все понятия нравственные и цели русских — гораздо выше и чище сознательных установок человека европейского мира, что русский христианин больше верит в добро и силу духовного преображения человеческой души, чем в зависимость ее состояний от внешних условий, не следует принимать за утверждение однобокого превосходства одной нации над другой. Ф.М. Достоевский как глубоко мыслящий и чуткий к содержанию исторического контекста русский метафизик чрезвычайно историософичен и диалектичен. «Мысли Достоевского присуща чрезвычайно диалектическая сила — он вскрывает антиномичность там, где другие успокаиваются на незаконном расширении какого-то одного одностороннего предложения. Лишь уяснив антиномии, заключенные в реальности, и даже заострив их, он подымается над ними... И везде этой высшей сферой, где примиряются противоречия является "горная сфера"» [3, с. 241].

Первые причины вящего непонимания и «великого незнания России» Западом: не дано понять сознанию, ограниченному установками прагматического успеха и эгоистического самообеспече-

ния любой ценой, сознание тех, чей горизонт смысложизненных задач значительно выше и шире, а если быть точнее – возвышенной, идейно чище, и, значит, безусловно – вернее, благонадежнее и стратегически перспективной. И это – не бахвальство, не тщеславие, а констатация, которая, прежде всего внутри самой России, должна стать «рабочим тезисом» в выстраивании ее отношений с Западом.

Библиографический список

1. Сомерсет Моэм. Из записных книжек писателя / пер. И. Влодавской, В. Гулиды // Сомерсет Моэм. Каталина. Рассказы. Киев : Изд-во полит. литературы Украины, 1990. С. 337–373.
2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М. : Эксмо, 2022. 672 с.
3. Зеньковский В.В. История русской философии. Гл. XI. Почвенники. Т. 1, ч. 2. Л. : ЭГО, 1991. С. 209–246.

УДК 811.161.1:323.1

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА

Ирина Николаевна Каланчина

Алтайский государственный аграрный университет,
Барнаул, Россия
kalanchina62@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что исследования русской языковой картины мира позволяют выявить специфику системы смыслоценностных ориентаций, а следовательно, и основы национального культурного кода. Изучение национальной языковой картины мира, с одной стороны, способствует гражданскому и культурному самоопределению носителей русского языка, а с другой – позволяет пробудить интерес у представителей других культур к аутентичному восприятию русской ментальности и культурных традиций, что, в свою очередь благоприятно сказывается на развитии более эффективных форм межнационального диалога.

Ключевые слова: языковая картина мира, национальный культурный код, лингвоконцепт, межкультурный диалог.

THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD AS A COMPONENT OF THE NATIONAL CULTURAL CODE

Irina N. Kalanchina

Altai State Agrarian University,
Barnaul, Russia
kalanchina62@mail.ru

Summary. The article substantiates the thesis that studies of the Russian linguistic picture of the world make it possible to identify the specifics of the system of meanings and value orientations, and, consequently, the national cultural code. Studying the national linguistic picture of the world, on the one hand, contributes to the cultural self-determination of Russian language speakers, and on the other hand, helps to awaken interest among representatives of another culture in the authentic perception of the Russian mentality and cultural traditions, which, in turn, has a beneficial effect on the development of more effective forms of intercultural dialogue.

Keywords: linguistic picture of the world, national cultural code, linguistic concept, intercultural dialogue.

Результаты ряда современных исследований подтверждают, что активизация лингвокультурологической составляющей носит императивный характер в процессе межэтнической коммуникации, для осуществления которой необходимо понимание основных черт сходства и различия между культурными кодами разных национальных сообществ.

В данном контексте убедительно звучит мнение одного из современных исследователей основ межкультурной коммуникации Л. Вайсгербера, полагающего, что «словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных и мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества» [1, с. 250].

Соответственно, каждый язык является не только «зеркалом» культуры, но и во многом определяет национальный характер. В языке отражается не только культура народа-носителя данного языка, социальное устройство, мировосприятие, менталитет, но и весь накопленный цивилизационный опыт, который выполняет функцию эффективного и важного средства формирования следующих поколений, то есть является инструментом культуры.

Язык воспроизводит человеческое сознание, в его формах запечатлена культура, вобравшая систему представлений, архетипов, обычаев, верований и традиций. Носители разных лингвокультурных систем, или кодов, воспринимают по-разному окружающий мир, через призму своей национальной языковой картины мира (далее – НЯКМ).

Специфика национального характера обуславливается множеством факторов, например, таких как географическое расположение, климат, ландшафт, размер территории, исторические события, демографические факторы, социально-политическое и экономическое устройство, особенности культурного развития и языка. При этом культурно-лингвистический фактор находит свое воплощение в речевой деятельности, будучи во многом «окрашенным» ценностными характеристиками и смысло-жизненными установками, которые усваиваются носителями НЯКМ в родной культурной среде с раннего детства.

Следовательно, национальная языковая картина мира является носителем аксиологической информации, включенной в восприятие человеком окружающего мира. Ценностно-эмоциональное отношение к окружающей реальности и родной культурной среде «имеет глубокие корни, связанные с генетической памятью народа. В картине мира представителя той или иной лингвокультуры наличествуют важные смысловые и культурные доминанты. Картина мира вбирает в себя весь прошлый опыт национальной культуры» [2, с. 250].

Подобное понимание роли НЯКМ в жизни и развитии этнокультурной общности опирается на осознание идеи о том, что «любой национальный язык является не только одной из кодовых систем общения и хранения информации, но и неповторимым результатом мыслительно-эмоционального и духовного творчества конкретного этноса, его коллективным органом самопознания собственной культуры на фоне пространственно-временного континуума» [3, с. 137].

При этом структуры языкового сознания определенным образом взаимодействуют с разными элементами национальной языковой картины мира. Выявленные в когнитивной лингвистике структурные компоненты ЯКМ описывают ее как систему, которая состоит из «квантов знаний», единиц описания языковой картины мира. В их качестве исследуются базовые лингвокультурные концепты, отражающие основные качества национального русского характера и, соответственно, русской языковой картины мира.

Специфика русской ЯКМ наиболее полно отражается на уровне следующих языковых носителях национальных ценностей:

- идиоматические сочетания, встречающиеся в фольклорных текстах: в пословицах, сказках, песнях, потешках, былинах, поговорках (например: Не в силе Бог, а в правде; Береги честь смолоду; Сам пропадай, а товарища выручай);

- идиоматические сочетания, отдельные лексемы и тексты из осевых литературных произведений (художественных, публицистических и философских), которые суть «авторские творения гениев национальной культуры» [4, с. 8], к которым принято относить произведения общепризнанных русских писателей, поэтов, философов и публицистов XIX и XX веков.

Как полагают А.В. Иванов, в осевых текстах «подвергаются творческому осмыслению важнейшие ценности данного народа, своеобразие его культурного пространства и важнейшие события истории... Если хочешь познать какую-либо национальную традицию, то надо начинать знакомство с ней через ее «осевые» художественные и философские тексты... Они – ключи к тайне национальной судьбы и базовым чертам национального характера... «Осевые» творения еще и потому «осевые», что обеспечивают единство данной культуры в пространстве и во времени» [5, с. 90].

Между ЯКМ и культурой существуют сложные диалектические связи. Язык – это часть культуры, которая при этом отражается в языке. Важно понимать, что мировоззрение человека формируется на основе сплава его опыта в материальной действительности и духовной деятельности. Поэтому культурная и языковая картины мира взаимообусловлены и находятся в состоянии непрерывного взаимодействия и познания реальной картины мира.

В настоящее время остро стоит вопрос о формировании национальной идентичности вкпе с ценностями патриотизма [6, с. 456], и в этом плане, на наш взгляд, положительного эффекта поможет

достичь включение в образовательные программы для учащихся школ, колледжей и вузов курсов или факультативов, направленных на изучение русской языковой картины мира.

В ЯКМ национальный менталитет актуализируется в базовых культурных концептах, облеченных в символические образы, которые знаменуют представления носителей языка об окружающем мире.

Следовательно, языковая картина мира воплощается в устойчивых образах, которые содержат этнокультурные представления о мире и на уровне языка концентрируются в таких структурах, как лингвокультурологический (лингвокультурный) концепт. Единицей НЯКМ является концепт (лингвоконцепт). Концепт как отраженная в языке ментальная единица мышления и сознания является «квантом структурированного знания» [3, с. 137], который эксплицирует культурно-национальную ментальность носителей языка и вербализуется с помощью лексем, свободных и устойчивых сочетаний. Наиболее репрезентативным арсеналом лингвоконцептов как социокультурных доминант является фразеологический состав языка, метафоры, образные слова и их сочетания, идиомы, поскольку их семантика включает типовые образные представления языкового сознания, которые отражают культурно-исторический опыт народа, закладывают в речевую сферу личности типичные для данного языкового коллектива модели образного ассоциирования.

Применительно к русской языковой картине мира (РЯКМ) отметим «яркую самобытность, высокое ценностное звучание, интеллектуальный и художественный уровень русской классической литературы (и прежде всего художественных образов, в ней созданных), которая в XIX веке достигла небывалого расцвета, завоевав для России признание всего мира и став «визитной карточкой» для всей русской культуры» [7, с. 112].

По сути, русские писатели, получившее мировое признание и статус классиков русской литературы, ставили с аксиологических позиций вопрос о необходимости нравственного совершенствования. Они развивали идею подлинного гуманизма, утверждающего ценность личности, право каждого человека на реализацию своего творческого потенциала и самых светлых сторон души. При этом в России литература всегда являлась концентрированным выражением русского национального характера, вбирая в себя все общественные идеалы, умонастроения и устремления.

Содержание национального культурного кода, воплощающееся в национальном языке, не всегда явно, а часто имплицитно — в грамматической системе и семантике лексических единиц, то есть во внутренней форме языка. Национальный культурный код можно представить в виде «сетки», которую «культура набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризирует, структурирует и оценивает его» [8, с. 232].

На основе исследования НЯКМ — в целом, и русской языковой картины мира в частности, можно воссоздать целую галерею лингвоконцептов, в которых отражаются «осевые», национальные культурные ценности. Исследования в данном направлении, в частности, таких типично русских концептов (часть из которых мы рассматривали в прежних наших публикациях), как «Русская идея», «Всемирная отзывчивость», «Русская тройка»/«Птица-тройка», «Душа», «Справедливость», «Правда», «Соборность» и др.) позволяют выявить специфику культурного кода, или категориально-смыслового содержания национальной языковой картины мира и системы ценностей, поскольку данные лингвоконцепты находятся не на периферии, а в центральной части русской ЯКМ.

Рассмотрим кратко в качестве примера лингвоконцепт «птица-тройка» (варианты «русская тройка»/«тройка Русь») — один из самых узнаваемых неофициальных образов-символов России. Неслучайно эта идиома не имеет аутентичного перевода на другие языки. Необходимы глубокие познания в области русской истории и культуры, чтобы его познать и воспринять. Этнокультурные варианты значения, связанные с идиомой «русская тройка» («птица-тройка»), за рубежом понятны только настоящим знатокам истории и культуры России. В качестве национального символа эта идиома воспринимается в первую очередь носителями русской культуры и языка и специалистами по славистике.

Прошло уже более ста лет со времени, когда по дорогам России вихрем проносились тройки запряженных лошадей. Как сообщают очевидцы, многие иностранцы, которые впервые видели русскую тройку, мчащуюся по мостовой, поражались: ничего подобного, такой лихой езды, скорости, ловкости возниц и радости движения невозможно было встретить более нигде в мире. В европейских странах использовалась двуконная упряжка. И только в России установилась традиция запрягать лошадей в тройки, для чего требовалось особое мастерство подготовить и правильно собрать всю упряжь,

а также знание, какую лошадь можно запрягать в качестве коренной, а каких — поставить в пристяжные. И управлять тройкой мог только хорошо подготовленный кучер при помощи четырех вожжей, у каждой из которых была своя определенная функция. Это искусство управления тройкой лошадей, применив прием гиперболы, описал П. Васильев в стихотворении «Тройка» (1933 г.): «И коренник, во всю кобенясь, / Под тенью длинного бича, / Выходит в поле, подбоченясь, / Приплясывая и хохоча. / Рванулись и — деревня сбита, / Пристяжка мечет, а вожак, / Вонзая в быстроту копыта, / Полмира тащит на вожжах!» [9, с. 166–167].

Память об необыкновенной упряжке сохранилась и по сей день, во многом благодаря живописным полотнам художников, а также песням, романсам, литературным произведениям (в прозе и стихах). Они до сих пор являются национальным символом, и крылатое выражение Н.В. Гоголя: «Какой же русский не любит быстрой езды?» узнаваемо и символизирует и русскую тройку, и русский характер.

Необходимо отметить, что в отечественной культуре образ русской тройки можно встретить не только в художественных текстах, но и в произведениях философской и религиозно-философской тематики (например, пушкинские стихотворения «Зимняя дорога» и «Бесы»); в качестве метафоры сложного жизненного пути, экзистенциальных переживаний о смысле жизни (например, образ тройки в лирике В. Высоцкого); в качестве социально-художественного исследования («Тройка» Н. Некрасова); но чаще — в любовной лирике (известно множество русских романсов и элегий начала XIX века, в том числе в стихах Александра Блока).

При этом метафорический финал гоголевской поэмы «Мертвые души» принято рассматривать как квинтэссенцию всех художественно-литературных воплощений образа тройки лошадей, и в целом — как символ-характеристику этнокультурной русской идентичности.

В творчестве Н.В. Гоголя образ тройки лошадей трансформируется в метафору птицы-тройки, концентрируя в себе множество русских «мифопоэтических образов и представлений о волшебной птице (восстающей из пепла птице Феникс), огненных конях, переносящих по воздуху героев сказок и былин, а также представления из философии неоплатоников о "колеснице души" и славянофильские идеи» [10, с. 211].

Очень точно оценил поэтику образа, созданного Гоголем, А. Блок: «Такая Россия явилась в красоте, как в сказке, зримая духовным очам» [11, с. 9]. Неслучайно в дореволюционной и постреволюционной публицистике А. Блок будет делать акцент на образ русской тройки именно как символ русского национального характера и предвестия приближающейся революции.

Гоголевская метафора не угасла, продолжала и продолжает звучать и сегодня, будучи актуализированной в творчестве разных авторов, в частности, О. Левицкого (60–70-е годы XX века): «Птица-тройка, кто же тебя выдумал? Кто мне дал такую красоту? А зима невестою на выданье/ Разбросала снежную фату» [12].

Наш современник В. Куприянов создал свой вариант, который также назвал «Птица-тройка», сконцентрировав в нем все компоненты гоголевской метафоры. При этом мчащаяся в непроглядной буре Россия-тройка изображена в гротескном ключе: «Мчится тройка удалая,/ Подгоняет злое слово,/ Вдоль Кавказа, вдоль Алтая,/ Мимо Гоголя, Толстого,/ Мимо Пушкина и Блока,/ Мимо снега, воя, грома,/ Колокольчик одиноко/ Бьется вдалеке от дома./ Белый снег метет во мраке,/ Седоки пощады просят,/ А ямщик поет во фраке: Русь, куда тебя заносит/? Там, за небом ты святая,/ Здесь — ослепшая в метели,/ Мчишься, вечно пролетая/ Мимо сути, мимо цели./ И ямщик, лихой холерик,/ Угадать в метели тщится —/ Где, в которой из Америк/ Тройка-Русь остепенится?» [13, с. 109].

Вербализация данного лингвоконцепта более поздними авторами воспроизводит его семантическое ядро и одновременно раскрывает его новые грани через фокус новых романтико-героических аллюзий и философского переосмысления. Так, в рассказе «Забуксовал» В.М. Шукшин заострил внимание читателей на амбивалентности образа гоголевской тройки, представив оригинальный историко-культурологический взгляд на финал «Мертвых душ». Интерпретируя метафору «Русь-тройка» и предельно заостря обнаруженный в ней парадокс, Шукшин приглашает своих читателей задуматься и самостоятельно найти ответ на остро вставший вопрос: а кто на самом деле сидит в повозке и куда ее направляет? И действительно, с одной стороны, этот образ символизирует новые возможности развития, энергичное движение в прекрасное будущее, однако, с другой стороны, в стремительной русской птице-тройке появляются и пытаются ею править, как обнаруживает герой рассказа, «новые чичиковы», безнравствен-

ные личности, по недомыслию направляющие лошадей в сторону глубокой пропасти.

В качестве решения основного вопроса, чтобы суждено было реализоваться народной мечте о светлом будущем, Шукшин предлагает «начать каждому с себя» и сделать однозначный нравственный выбор, а именно – отказаться «от культа материальной выгоды, потребительского отношения к жизни» и равнодушия к распространившейся несправедливости [14, с. 89].

Как можно заключить из приведенных примеров, лингвоконцепт «русская тройка»/«птица-тройка»/«тройка-Русь» не исчерпан, но, напротив, продолжает развиваться, раскрывая новые смыслы и грани. Его содержание позволяет выявлять важнейшие проблемы, встающие на историческом пути русской цивилизации. Этот символ продолжает развиваться как многослойный образ, мета-текст, воплощающий в себе ключевые черты русской языковой картины мира. «Птица-тройка» – это не просто средство передвижения, это метафора самой России, ее стремлений, надежд и тревог. В этом образе сплелись воедино представления о необъятных просторах России, ее динамичном, в то же время полном противоречий, движении вперед, и опасение за ее судьбу, и восхищение ее мощью, боль за проявления несовершенства, и неуклонная вера народа в великое будущее страны.

Отметим также, что в своей педагогической практике на занятиях с иностранцами (китайскими студентами), а также с носителями русского языка мы уделяли внимание особенностям русской языковой картины мира, в том числе различным лингвокультурным феноменам. Показательно, что со стороны как русскоговорящих студентов, так и инофонов был очевидным большой интерес к такой работе. Они отмечали, что изучение РЯКМ, в целом, и лингвоконцепта «птица-тройка», в частности, значительно повышает их мотивацию к изучению русского языка и культуры, а также позволяет им глубже понять и принять особенности русской ментальности, национального характера и восприятия мира.

Таким образом, сегодня представляются весьма актуальными исследования РЯКМ (являющейся одной из составляющих национального культурного кода), так как позволяют выявить специфику системы национальных смысло-ценностных ориентаций, что, с одной стороны, способствует культурному и гражданскому самоопределению носителей русского языка, а с другой стороны, позволяет про-

будить интерес у представителей другой культуры к национально обусловленным смыслам, усилить мотивацию к аутентичному восприятию русской ментальности и культурных традиций, что, в свою очередь, благоприятно сказывается на развитии более эффективных форм межкультурного диалога.

Библиографический список

1. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М., 2004. 345 с.

2. Лоскутова С.В. Компоненты картины мира как элементы кода культуры // Известия ВГПУ. 2023. № 2 (175). С. 107–111.

3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. 349 с.

4. Иванов А.В. Осевые творения русской культуры и их значение в современную эпоху // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 7–14

5. Иванов А.В. Категории национального духа // Изборский клуб. 2024. №1 (19). С. 88–112.

6. Широкова М.А. Роль патриотизма как ценности в формировании жизненного мира современного человека // Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы : сборник научных трудов. Симферополь, 2021. С. 454–458.

7. Каланчина И.Н. Влияние русской литературы на формирование евразийской идентичности // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 110–115.

8. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002. 268 с.

9. Васильев П.Н. Весны возвращаются. М. : Правда, 1991. 448 с.

10. Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души // Птица-тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов : сборник статей. М. : Новое литературное обозрение, 2003. С. 197–219.

11. Блок А. Собр. соч. : в 8-ми т. Т. 6: Проза. 1918–1921. М. ; Л. : Гос. изд. худож. лит-ры, 1960. 799 с.

12. Левицкий О. Птица-тройка. URL: http://www.shansonprofi.ru/archiv/lyrics/temnov_viktor/p2/temnov_viktor_ptitsa_troyka_.html.

13. Куприянов В. Лучшие времена. М. : Молодая гвардия, 2003. 368 с.

14. Каланчина И.Н. Этический дискурс Шукшина в контексте современности // Алтайский текст в русской культуре : сборник статей. Вып. 9. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 88–95.

УДК 391.2

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХОРЧИНСКОЙ И МАНЬЧЖУРСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ

Ли Зандан

Монгольский национальный университет искусств и культуры,
Улан-Батор, Монголия
zandanlee@163.com

Дондов Ульзийбаяр

Монгольский национальный университет искусств и культуры,
Улан-Батор, Монголия
uuujii802@gmail.com

Аннотация. Национальный костюм – это символ народа. Это тот образ одежды, который был сформирован в ходе длительного исторического процесса, развития производственных и социальных отношений. С другой стороны, в костюме отражается все богатство культуры, обычаев, религиозных представлений конкретного народа, особенности его образа жизни и эстетических установок. Выбор темы исследования продиктован сформировавшимся в исследовательской среде представлением, что маньчжурский костюм оказал влияние на развитие хорчинского. Данное утверждение требует серьезной корректировки. Исторические события показывают обратную взаимосвязь: маньчжурский костюм эпохи Цинь базировался на монгольском (хорчинском), что наглядно видно особенно на первом этапе, когда образ жизни двух народов был схож во многих аспектах. С развитием династии Цинь костюм усложнялся и становился богаче, но форма одежды по-прежнему сохраняла свою первоначальную структуру.

Ключевые слова: национальный костюм, хорчинские монголы, династия Цин, маньчжуры, женская одежда, декоративно-прикладное творчество, эстетика.

A COMPARATIVE STUDY ON HORQIN MONGOLIAN AND MANCHU WOMEN'S COSTUMES

Zandan Lee

Mongolian National University of Arts and Culture,
Ulanbaatar, Mongolia
zandanlee@163.com

Dondov Ulziibayar

Mongolian National University of Arts and Culture,
Ulanbaatar, Mongolia
uuujii802@gmail.com

Summary. National costume is a symbol of the people. This is the image of clothing that was formed in the course of a long historical process, the development of industrial and social relations. On the other hand, the costume reflects all the wealth of culture, customs, religious beliefs of a particular people, the peculiarities of their way of life and aesthetic attitudes. The choice of the research topic is dictated by the idea formed in the research environment that the Manchu costume influenced the development of the Horqin one. This statement requires serious correction. Historical events show an inverse relationship: the Manchu costume of the Qing era was based on the Mongolian (Horqin) one, which is clearly seen especially at the first stage, when the lifestyle of the two peoples was similar in many aspects. With the development of the Qing dynasty, the costume became more complex and richer, but the form of clothing still retained its original structure.

Keywords: national costume, Horqin Mongols, Qing dynasty, Manchus, women's clothing, arts and crafts, aesthetics.

Историческая справка и культурные связи между Маньчжурией и Монголией. Монголоязычная этническая группа хорчинов происходит от Хасара – брата Чингисхана и впервые появляется на центральноазиатской арене во времена династии Юань и Великой Монголии. Это многочисленная этническая группа, населя-

ющая современную Внутреннюю Монголию Китая и Маньчжурию. Особенно важную роль хорчины сыграли во времена установления династии Цин в Китае и Монголии. Так, племена Нон-Хорчин из Джирима и родственные ему племена, такие как Джалайт, Дурбед и Горлос, племя Ар-Хорчин из провинции Джуд, племя Муумьянган из провинции Уланцаб, Племя Четырех Сынов и племя Урад, которые все были хорчинского происхождения, вошли в состав маньчжурского государства [1, с. 32]. Кроме того, в военном отношении Цинская империя опиралась на боевую мощь монголов-хорчинов, что существенно повлияло на интенсивность и успех военных действий, а также заложило фундамент для объединения монголов под властью маньчжурской династии. На международной политической арене отношения между Маньчжурией и Монголией укрепили политическую силу и влияние будущего государства. В экономическом отношении хорчин-монголы занимались животноводством и сельским хозяйством и оказали важную поддержку формированию и развитию маньчжурского государства Цин.

Сравнение хорчинской и маньчжурской женской одежды Главный элемент женского национального костюма представляет собой халат, который называется «терлег» по-монгольски и «衣介» по-маньчжурски. Это одежда, которую носят как маньчжуры, так и монголы круглый год. Хорчин-монгольские и маньчжурские женские халаты подразделяются на кулачные и некулачные, с манжетами и без них, заостренные и не заостренные. В зависимости от формы подола «терлег» делятся на халаты с большим лацканом, с двойным лацканом, с круглым подолом, с вертикальным краем или подвернутым краем.

В маньчжурский период в связи с экономическим развитием и изменением эстетики, а также с увеличением промышленной рабочей силы хорчинская женская одежда стала более сложной и привлекательной, чем раньше. Так, например, в конце правления династии Цин общий силуэт маньчжурской национальной женской одежды стал шире, также это касается и рукавов.

Основная разница между национальными костюмами двух народов касается нижней части халата. Халаты хорчинских женщин обычно имеют вертикальный подол [2, с.131]. Маньчжурские женские халаты обычно имеют круглый, скошенный или короткий подол. Причем форма одежды женщин-хорчинок развивается в полной зависимости от климатических и географических условий, в которых жили кочевники.

Во времена династии Ляо на одежду монгольских и маньчжурских женщин большое влияние оказала женская одежда киданей. В основе национального костюма киданей лежат облегающие халаты с узкими рукавами, которые по своим функциональным особенностям и форме соответствуют образу жизни кочевых народов. Во времена династии Юань монгольская женская одежда приобретает «широкие рукава» [3, с. 177]. Этот элемент символизировал тот образ жизни, которая вела знать: широкие рукава означали отсутствие физического труда. После свержения монгольской династии Юань воцаряется китайская династия Мин, а монголы вернулись в степь, к кочевой жизни. Именно тогда стиль одежды монгольских женщин сменился на халаты с узкими рукавами, пригодные для верховой езды и стрельбы из лука.

Культура киданьской империи, которая охватывала территории Монголии и Северного Китая, отличалась сложным и комплексным характером, поскольку за время своего существования ей доводилось испытывать влияние разных культурных традиций. Определяющую роль сыграло взаимодействие с культурой и искусством Китая, благодаря которым киданьская империя Ляо познакомилась, например, с буддийским учением. Культурная традиция империи Ляо формировалась во взаимодействии с тремя великими учениями, распространенными в Китае: даосизмом, конфуцианством и буддизмом. Однако их принятие осуществлялось в зависимости от потребностей самих киданей, которые включали в свой культурный контекст только то, что соответствовало их мировоззренческим установкам. Наиболее совершенным характером обладают произведения буддийского искусства, получившего развитие в пору существования империи Ляо и поныне служащие свидетельством огромного значения буддийской духовной культуры в Восточной Азии.

Монгольская этническая одежда тесно связана с климатом Монголии, образом жизни, ценностями, культурной основой и социальным порядком. Одежда и аксессуары, формирующие уникальный облик многих этнических групп Монголии, выделяются среди остальных своим необычным внешним видом и мастерством изготовления. Хорчин-монголы и маньчжуры схожи с точки зрения культуры и религии, но хорчин-монголы распространили свое мастерство изготовления одежды на маньчжурский королевский двор, а также разработали и развили образ костюма, включающий вы-

шивку, орнамент и другие детали, которые стали основой декоративно-прикладного искусства. Между маньчжурским и хорчин-монгольским костюмом существуют очевидные различия, отражающие культурные особенности и эстетические предпочтения двух народов. Это касается и материала, и формы, и орнамента. Однако и маньчжурская, и хорчинская одежда представляют собой ценное наследие культуры кочевников.

Библиографический список

1. Khorchaa. Khorchin History. Khokhhot: People's Publishing House of Inner Mongolia. 2015 (in Chinese).
2. Na Renfu An Illustrated Guide on Mongolian Clothing. Khokhhot: People's Publishing House of Inner Mongolia. 2006 (in Chinese).
3. Illustrated Dictionary of Cultural History of China's Ethnic Minorities. Volume 2 (North). Guangxi: Guangxi Education Press. 1998 (in Chinese).
4. Wei Yuan, Sheng Wu Ji Qing Dynasty. Volume 3, (Foreign Vassals). - Beijing: Zhonghua Book Company. 1984 (in Chinese).

УДК 7.071.1; 75.041; 75.042

ИСКУССТВО МОНГОЛЬСКОГО ХУДОЖНИКА ОЧИРЫНА ЦЭВЭГЖАВА: ОБРАЗНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ И ХУДОЖЕСТВЕННО-ПЛАСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Елена Анатольевна Мушникова

Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия
mushnikova77@mail.ru

Софья Михайловна Белокурова

Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия
sonet312@mail.ru

Аннотация. В статье кратко рассматривается искусство монгольского художника Очирына Цэвэгжава. Дается представление об образно-тематических особенностях произведений живописца. На ос-

нове анализа произведений О. Цэвэгжав рассматривается художественно-пластическое своеобразие построения его работ. В итоге делается вывод о том, что особый стиль произведений художника построен на глубоком понимании и сочетании основ русской и европейской живописи, а также художественно-мировоззренческого наследия монголов.

Ключевые слова: Очирын Цэвэгжав, художник-реалист, монгольское искусство, европейские и русские традиции искусства.

THE FINE-ART BY MONGOLIAN ARTIST OCHIRYN TSEVEGJAV: FIGURATIVE-THEMATIC AND ARTISTIC AND PLASTIC FEATURES OF THE WORKS

Elena A. Mushnikova

Altai State Technical University named after I.I. Polzunov,
Barnaul, Russia.
mushnikova77@mail.ru

Sophia M. Belokurova

Altai State Technical University named after I.I. Polzunov,
Barnaul, Russia.
sonet312@mail.ru

Summary. The article briefly examines the art of the Mongolian artist Ochiryn Tsevegjav. An idea of the figurative and thematic features of the painter's works is given. Based on the analysis of the works of O. Tsevegjav, the artistic and plastic originality of the composition of his works is considered. As a result, it is concluded that the special style of the artist's works is built on a deep understanding and combination of the foundations of Russian and European painting, as well as the artistic and ideological heritage of the Mongols.

Keywords: Ochiryn Tsevegjav, realist artist, Mongolian art, European and Russian art traditions

Очирын Цэвэгжав (1915–1975) – талантливый монгольский живописец, народный художник Монгольской народной республики. Становление его творчества приходилось на начало XX века, когда только начиналось знакомство художников Монголии с европейским и прежде всего с советским искусством и с техникой живописи масляными красками. Монгольские исследователи Д. Уран-

чимэг, Г.Ч. Ян пишут: «Благодаря деятельности российских художников был заложен фундамент профессионального образования. Николай Константинович Рерих (1874–1947), Цэрэжав Сампилович Сампилов (1893–1953), Николай Ильич Бельский (1886–1945), Константин Иннокентьевич Померанцев (1884–1945), Вера Ивановна Шаршун (1880–1964), Аркадий Петрович Строганов (1894–1971), Н. Бектеева (1888–1962) внесли большой вклад в развитие монгольского изобразительного искусства, значительно ускорив его развитие» [1, с. 176].

О. Цэвэгжав в полной мере воспринял все новое, что происходило в искусстве Монголии, и внес огромный вклад в его развитие и становление. Работы художника стали едва ли не самыми популярными живописными произведениями того времени. Как отмечает искусствовед И. Ломакина, произведения О. Цэвэгжава «Бой жеребцов» по популярности, пожалуй, можно сравнить с произведениями Васнецова «Богатыри» или И. Шишкина «Утро в сосновом бору». Его работы бесконечно копировались и даже в самом отдаленном худоне (деревне) можно было встретить копию с работы художника [2].

Очирын Цэвэгжав родился 18 августа 1915 года на территории Бурятской АССР, в местечке Шаазгайт. В детстве жил на территории нынешнего сомона Баяндун аймака Дорнод в Монголии. Его отец Очир был плотником и увлекался резьбой по дереву, что с детства вдохновляло и увлекало Цэвэгжава. Художественный талант наблюдался у Цэвэгжава с самого детства. В 1926–1930-х годах, учась в школе своего сомона, он уже стал местной «знаменитостью», точно копируя революционные плакаты 1922–1923 годов, которые были очень популярны в то время.

В 1932 году О. Цэвэгжав поступает в педучилище в Улан-Баторе, где рисование ему преподает Бүүвэйн Соёлтой (1901–1937), мастер разносторонних дарований, много сделавший для распространения передовых в то время тенденций в изобразительном искусстве. В обучении студентов Соёлтой много времени уделял рисованию с натуры, приносил в классы муляжи, знакомил студентов с объемом и пропорциями [2]. Б. Соёлтой впервые познакомил О. Цэвэгжава с масляной живописью, в частности с французским импрессионизмом, что отразилось на дальнейшем становлении его как художника [3]. В это время он также посещал вечернюю художественную студию, организованную русским художником К. Померанце-

вым, который явился для монгольских художников своеобразным проводником традиций русской и европейской школы искусства и заложил основы для последующей деятельности многих монгольских художников. Своим ученикам К. Померанцев старался привить новый взгляд на живопись, в основу которого ложилось наблюдение и этюд как способы отображения действительности [4].

Начиная с 1935 года О. Цэвэгжав начал свою преподавательскую деятельность, он работал в образцовой начальной школе, в педагогическом училище, в художественно-ремесленной мастерской, во дворце пионеров, в Улан-Баторской средней школе, в музыкально-хореографическом училище, а также продолжал заниматься творчеством. В 1942 году основал ремесленную мастерскую, стоял у истоков союза ремесленников Монголии и активно способствовал распространению в стране западных художественных техник [5].

В начале творческого пути художника больше всего интересовала революционная тематика, тема народного подвига. В целом, в послевоенном искусстве Монголии преобладали произведения о событиях недавно отгремевшей войны, о выполненном военном долге и подвиге. О. Цэвэгжав пишет такие картины, как «Отряд партизан», за которую получил вторую премию на республиканском конкурсе в 1941 году; «Первый съезд МНРП» (1937 год); «Подвиг героев» («Три героя») (1946 год); «Возвращение» (1945 год). За последние две работы он был также удостоен Государственной премии.

В 1950-е годы в творчестве О. Цэвэгжава появляются жанровые работы, связанные с традициями родной земли, с животноводством, трудом простых скотоводов: «Опоздал на работу» (1954 год), «Дойка кобылицы» (1952 год) и др. Художник в своих произведениях старался передать образ нового человека социалистической Монголии — скотовода, рабочего, художника. Это такие произведения, как: «Доярка Хомбоодой» («Саальчин Хомбоодой»), «Художник Д. Чойдог» («Зураач Д. Чойдог»), «Заслуженный музыкант Жамбал» («Гавьяат хөгжимчин Жамбал»), «Герой труда Бямбацогт» («Хөдөлмөрийн баатар Бямбацогт»), «Тракторист Цоодол» («Тракторч Цоодол») и т.д. [3].

В 1950–1960-е годы в творчестве О. Цэвэгжава постепенно появляются новые темы. Он проявляет себя как яркий анималист. Тема борьбы, укрощения животных становится одной из главных тем

в творчестве О. Цэвэгжава. Мы остановимся на самых известных картинах художника, которые по праву можно называть хрестоматийными. Однако рассмотрим мы их с точки зрения композиционного решения, которое делает эти работы художника столь яркими и динамичными. Мы имеем в виду картины «Схватка быков» («Бухын мөргөлдөөн», 1953 год), «Бой жеребцов» («Азарганы ноцолдоон», 1958 год), «Объездчик лошадей» («Укрошение коня») («Эмнэг сургагч», 1963 год). Произведения полны экспрессии, драматизма, движения, отличаются ясностью и четкостью композиции, в них точно переданы повадки животных. Т. Галбадрах пишет следующее о О. Цэвэгжаве: «Художник передает острый драматизм, решающий момент поединка... Восхищение силой и первозданной красотой природы, романтически восторженное, возвышающее душу мировосприятие характерны для живописной манеры О. Цэвэгжава. Будучи преемником изобразительных традиций народа, он поражает точностью передачи движения, повадок животных» [6].

Исследователь монгольского искусства И. Ломакина пишет о том, что такая верность природе, динамика и верные ракурсы достигаются О. Цэвэгжавом ценой упорного труда, что видно по большому количеству этюдов и набросков, создаваемых художником к картинам. «Он продумывает каждое движение, выверяет его, слепив фигурку, скажем, коня, и тут же на столе проверяет живущий в воображении ракурс. То, что отмечали путешественники всех времен в монголах – прекрасное знание животных и острую наблюдательность – словно вобрал в себя художник-романтик Цэвэгжав» [2, с. 53–54].

О. Цэвэгжав. Бой жеребцов (Азаргын ноцолдоон, 1958)

«Бой жеребцов» («Азаргын ноцолдоон») (1958 год) – его самое знаменитое произведение, над которым он работал 15 лет. В 2018 году Молодежной федерацией Дорнода (места, где жил художник) в Улан-Баторе был инициирован проект создания памятника по этому произведению О. Цэвэгжава [7].

О. Цэвэгжав. Схватка быков (Бухын мөргөлдөөн, 1953)

«Схватка быков» (1953 год) кажется частью диптиха вместе с «Боем жеребцов» (1958), хотя это отдельные работы. Но стили-

стически они едины, а самое главное, в них найдены схожие композиционные приемы.

Сложность анималистических картин заключается в том, чтобы сделать если не портрет животного, то сконцентрировать внимание зрителя на образе зверя, а не человека. Каким же образом решает эту проблему художник? В обеих картинах основным композиционным приемом является контраст. В «Бое жеребцов» два схватившихся коня изображены в интересном ракурсе: на стыке солнца и тени. Свето-теневой контраст привлекает внимание к двум сильным животным. В «Схватке быков» мы видим тональный контраст: закатное небо, выполненное в теплой золотистой гамме, и трава внизу, словно покрытая прохладной вечерней росой.

Другой контраст, который использует художник, это динамика и статика. В первой картине два жеребца являются воплощением самой идеи движения. Их скрученные позы напоминают вихрь, а О. Цэвэгжав пишет их в наиболее яркой и яростной фазе борьбы. В противовес центральной динамичной группе образов на дальнем плане изображен пастух, останавливающий коня. А за ним мы видим мирно пасущийся табун. Таким образом, по контрасту со спокойной правой частью картины левая часть и центр кажутся еще более напряженными и живыми.

В картине «Схватка быков» (1953 год) соотношение динамики и статики решено прямо противоположным образом. Это обусловлено прекрасным знанием природы животного, которой обладал О. Цэвэгжав. Два могучих быка, столкнувшись лбами, словно вросли в землю. Их сила и мощь становится еще более ощутимыми в сравнении с легкостью дыма из юрт, уносимого ветром, и конечно, с весельем и любопытством мальчишек на переднем плане.

В обеих картинах художник находит детали, которые ритмично связывают композицию воедино и вновь акцентируют внимание на ключевых образах: развевающиеся гривы коней и созвучные им летящие, клубящиеся облака на первой картине и сходные по рисунку хвосты двух быков, вечерние облака и дым из труб — на второй. Можем сделать вывод, что именно композиционное решение этих двух работ стало залогом того успеха и любви зрителей, которые вызывают эти картины по сей день.

О. Цэвэгжав. Объездчик лошадей (Укрощение коня) (Эмнэг сургагч, 1963)

Рассмотрим другой пример. Написанная позже картина «Укрощение коня» (1963 год) демонстрирует сходные приемы, которые мы уже наблюдали в предыдущих работах. Сложный ракурс, высшая стадия движения животного, мощная динамика, клубы пыли и стремительные облака, связывающие композицию воедино. На этот раз для центрального образа – всадника на лошади – найдено уникальное в своем роде структурное решение. Фигуры мужчины и коня, пытающегося сбросить его с себя, словно вписаны в окружность, что в свою очередь воспринимается как символ постоянного, неостановимого движения. Казалось бы, художник на этот раз избегает контраста: в картине подвижно все – конь и всадник, летящие облака, охваченные азартом зрители, развевающиеся флаги. Но контрастный элемент все же есть – это формат. Художник выбирает вытянутый вертикальный формат, центр ком-

позиции словно сдавлен с двух сторон. Поэтому у зрителя складывается впечатление, что конь вот-вот выскочит за пределы картины, ему «тесно». И от этого движения животного и усилия всадника как будто удесятятся.

О. Цэвэгжав в этих работах демонстрирует глубокое понимание законов композиции, ее структурных элементов, воздействия на зрительское восприятие. Рассмотрим еще две картины, где основным композиционным приемом являются силовые линии. В структуре композиции можно выделить две линии – диагонали, по которым выстраивается «движение» в картине, то есть последовательность наиболее существенных элементов, или образов. При этом движение справа налево будет восприниматься зрителем как более тяжелое и затрудненное, и, напротив, движение слева направо для зрителя будет легким и стремительным. Рассмотрим картины «В горах» (Ууланд, 1958 год), «Связист» (Холбоочин, 1962 год).

О. Цэвэгжав. Связист (Холбоочин, 1962). О. Цэвэгжав. В горах (Ууланд, 1958)

В картине «В горах» (1958 год) мы видим, как художник выстраивает движение по «трудной» диагонали. Вверх поднимается мужчина и ведет за собой яка, ему навстречу с трудом спускается парень. Мы видим, насколько тяжел этот спуск: он едва сдерживает быка, везущего дрова. Художник дополнительно «усложняет» движение. Он пишет глубокие сугробы, снег, налипающий на ноги и полозья саней. За счет этих приемов мы вновь и вновь ощущаем тяжесть человеческого труда. Здесь хочется обратить внимание на мастерски созданный пейзаж. И вновь, словно по контрасту, мы видим, что настроение в природе и состояние людей противоположны.

Картина «Связист» (1962 год), напротив, композиционно выстраивается по «легкой» диагонали. Несмотря на то, что в картине также показан труд человека, зритель не чувствует его тяжесть. Парень-связист словно взлетает на высокий столб. Дополнительно стремительность его движения поддерживается легким снежным вихрем. И здесь мы снова видим контраст между состоянием человека и состоянием природы. Метель и ветер – это словно вызов храброму молодому рабочему. Кроме того, в этой картине художник вводит и элемент юмора: на переднем плане он помещает верблюда – транспорт связиста.

На примере этих нескольких работ мы убеждаемся, что О. Цэвэгжав – художник-реалист, прекрасно владеющий правилами композиции, что свидетельствует о его глубоком понимании западной живописи, в том числе и русской академической школы. Особый стиль его работы заключается в сочетании академической живописи, мировоззренческих основ и культурного наследия монголов, а также собственного видения и характера художника.

Библиографический список

1. Уранчимэг Д., Ян Г.Ч. Становление искусства соцреализма в Монголии: основные этапы, роль российской художественной школы // Искусство Евразии : Электронный журнал. 2021. № 4 (23). С. 170–187. URL: <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2021.04.013>.

2. Ломакина И.И. Изобразительное искусство социалистической Монголии. Улан-Батор, Госиздательство МНР, 1970. 146 с.

3. Сономцэрэн Л., Батчуулун Л. Монголын дүрслэх урлагийн товч түүх. Улаанбаатар: УХГ, 1988. 158 с. (на монгол. яз.).

4. Художник Константин Померанцев: Письма. Документы. Воспоминания / составитель, вступительная статья и комментарии Ю. П. Лыхин. Иркутск, 2001. 148 с.

5. БНМАУ-ын Ардын зураач, Төрийн хошой шагналт Очирын Цэвэгжав. Мөнхийн Үсэг ХХК. 2015. 227 с. (на монгол. яз.).

6. Галбадрах Т. Монгольское искусство за 50 лет // Искусство. 1974. №11. С. 47–55.

7. Майдар Сосорбарам. Картина «Бой жеребцов» скоро станет памятником. URL: <http://asiarussia.ru/news/19073/>

УДК 76.03/09

АЛТАЙСКАЯ ГРАФИКА НА СИБИРСКИХ И СОВЕТСКИХ ВЫСТАВКАХ 1950–1960-Х ГОДОВ

Виктория Игоревна Крылова

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия.
kryllova.v@gmail.com

Аннотация. Статья направлена на анализ каталогов сибирских и советских выставок 1950–1960-х годов, выявление имен и произведений художников-графиков, принимавших участие в них. Цель данного исследования — анализ алтайского графического искусства 1950–1960-х годов (тем, сюжетов, выбора материалов и техник, средств художественной выразительности) в контексте процессов, происходивших в сибирской и советской графике.

Ключевые слова: алтайское графическое искусство, искусство Алтая в 1950–1960-е годы, каталоги художественных выставок, «Сибирь Социалистическая».

ALTAI GRAPHICS AT SIBERIAN AND SOVIET EXHIBITIONS OF THE 1950S AND 1960S.

Victoria I. Krylova

Altai State University,
Barnaul, Russia
kryllova.v@gmail.com

Summary. The article is aimed at analyzing the catalogues of Siberian and Soviet exhibitions of the 1950s and 1960s, identifying the names and works of graphic artists who took part in them. The purpose of this study is to analyze the Altai graphic art of the 1950s and 1960s (themes, plots, choice of materials and techniques, means of artistic expression) in the context of the processes that took place in Siberian and Soviet graphics.

Keywords: Altai graphic art, Altai art in the 1950s and 1960s, catalogues of art exhibitions, «Socialist Siberia».

Во вступительной статье к каталогу зональной выставки «Сибирь Социалистическая» 1967 года искусствовед Алексей Дементьевич Фатьянов отмечает: «В Омске и Барнауле мы наблюдаем разнообразие жанров и видов искусства почти в равномерных соотношениях, но в меньшем масштабе, чем в Новосибирске» [1, с. 39]. Пережившее большой всплеск в начале XX века (деятельность Г.И. Гуркина, А.О. Никулина и других членов АХО) алтайское искусство в середине века испытывало кризис, из которого полностью не вышло даже после формирования в 1940 году отделения Союза художников. Новый импульс в художественной жизни края был совершен в 1950-е годы. В это время, как пишет искусствовед Тамара Михайловна Степанская, «на Алтай приехали выпускники средних и высших заведений, составившие ядро алтайской организации Союза художников РСФСР» [2, с. 5]. Включение молодых профессиональных авторов в художественную жизнь Алтая, их активная выставочная деятельность способствовали быстрому росту профессионального искусства на Алтае и включению его в художественные процессы Сибири и Советского Союза. Возвращаясь к словам Фатьянова, становится ясно, как быстро произошло формирование алтайского искусства. Анализ графики показывает, что к концу 1960-х годов на Алтае уже сложились почти все традиционные виды станковой и печатной графики: тушь, гуашь, акварель, литография, линогравюра, офорт, акватинта.

Анализируя сохранившиеся в библиотеках края каталоги художественных выставок 1950–1960-х годов [3–8], можно составить общее представление о репрезентации тех художественных процессов, которые происходили внутри алтайского искусства. Для понимания общей картины этих процессов необходимо выявить ряд положений, характеризующий алтайское графическое искусство

на художественных выставках 1950–1960-х годов: 1) круг художников; 2) ключевые жанры; 3) распространенные техники и материалы; 4) сюжетно-тематическое разнообразие представленных произведений.

Круг художников. В 1950-е годы на крупных выставочных проектах алтайское графическое искусство представлено относительно других регионов малым кругом авторов. Это в первую очередь художники Федор Андреевич Филонов (1919–2007), Андрей Григорьевич Вагин (1923–2006), Алексей Александрович Югаткин (1926–2001). В 1960-е годы круг художников – участников региональных и республиканских выставок расширяется, в него входят такие авторы, как Александр Кузьмич Дерявский (1935–1993), Владимир Александрович Раменский (1927–2017), Владислав Петрович Туманов (1938–2021) и Юрий Борисович Кабанов (1938–2019). Именно эти авторы, вошедшие в алтайское искусство в 1950–1960-е годы, по мнению искусствоведа Оксаны Владимировны Сидоровой, станут классиками алтайской графики, творчество которых «обусловило основные векторы развития профессиональной графики на Алтае во второй половине XX – начале XXI вв.» [9, с. 58].

В целом же в эти два десятилетия число алтайских художников-графиков, принимавших участие в региональных и республиканских выставках, растет значительно. Показательно в этом контексте, что при сравнении двух аналогичных художественных проектов, выставок художников Сибири и Дальнего Востока 1956 и 1966 годов, можно заметить увеличение числа алтайских графиков почти в два раза: с 4 до 8 авторов, и кратное увеличение произведений-участников с 7 до 27. И это не связано с увеличением количества графиков в других регионах, напротив, в некоторых регионах процентное соотношение графиков к живописцам даже снизилось (Красноярск, Иркутск, Новосибирск).

Ключевые жанры. В выводах к одной из исследовательских статей о распространении в алтайском искусстве пейзажного жанра искусствоведа Лариса Ивановна Нехвядович выдвигает положение «не просто о широкой распространенности, но о доминировании пейзажа в системе жанров алтайской живописи» [10, с. 19]. Если рассматривать графическое искусство в контексте художественных выставок за пределами края, это положение также подтверждается. Несомненно, это объясняется тем, что графика развивается не отдельно, а в контексте всего алтайского искусства, в том чис-

ле живописного. При анализе некоторых каталогов крупных выставочных проектов (Москва, Тюмень, Новосибирск, Иркутск, Красноярск, Омск) выявляется явное доминирование графических произведений пейзажного жанра. Не учитывая книжную иллюстрацию (из-за специфики предмета изображения), можно выделить такое соотношение пейзажей к общему числу графических произведений: от 37 до 58%. В числе представителей пейзажного жанра в графике больше всего выделяются имена пейзажистов Ф.А. Филонова, А.А. Югаткина, А.Г. Вагина, составляющих основное звено станковой графики края.

В каталогах художественных выставках разных уровней можно встретить работы Федора Андреевича Филонова в техниках тушь-перо и гуашь. Эти две пейзажные линии творчества художника открывают его как мастера изображения одновременно природы горного и степного Алтая, для которых художник использует разные художественно-стилистические приемы. Изображая Горный Алтай, он работает ажурными, тонкими штрихами пера и туши, в сдержанной монохромной гамме передавая богатство алтайской тайги и величие горных хребтов. Изображая алтайскую степь, художник пользуется иными средствами выразительности: широкими цветовыми мазками гуаши он раскрывает величие, бескрайнюю природу алтайских полей.

Еще один мастер пейзажа, А.А. Югаткин, работающий в технике акварели, лирично, проникновенно изображает тихие, скромные, на первый взгляд неинтересные уголки алтайской природы. На московской выставке 1954 года он представлен работой красноярского периода творчества «Берег Енисея», будучи уже в составе алтайских графиков. Уже через два года на выставке в Иркутске художник представил работы, посвященные алтайской природе («Тайга», «Зима»), показывающие богатство ее состояний и наполненные скромной серовато-охристой палитрой.

Интересно то, что процентное соотношение пейзажей в станковой графике на выставках постепенно падает с середины 1950-х к концу 1960-х годов. Вместе с появлением новых имен (самые яркие из них Ю.Б. Кабанов и В.П. Туманов) растет жанровое разнообразие, появляются портреты и сюжетные композиции на тему труда, спорта, детства и т.д. И тем не менее, даже в работах других жанров пейзаж всегда играет важную роль, изображая ту среду, в которую помещен главный герой произведений того времени — че-

ловец трудящийся. К примеру, линогравюра Ю.Б. Кабанова «Свекловичницы» (1964), хранящаяся сегодня в фондах ГХМАК, представляет работниц во время сборки урожая.

Расширяется тематическое разнообразие и внутри пейзажного жанра, на выставках начинают звучать городской («Окраина города» Я.К. Свенч), сельский («У переезда» Ю.Б. Кабанов, «В саду» Д.В. Стапренс»), архитектурный и индустриальный («Мост строится» М.Я. Будкеев, «Элеватор» Я.К. Свенч) пейзажи.

Большую роль в системе жанров в алтайской графике 1960-е годы, судя по каталогам сибирских и советских выставок, начинает играть портрет. Он широко представлен типологически: автопортрет, детский портрет, портрет художников и т.д. Тем не менее, значительное место в этом контексте занимают портреты трудящихся: «Полевод» и «Бригадир» Ю.Б. Кабанова, «Дояр» и «Медсестра» В.П. Туманова, «Целинники» и «Физики» Я.К. Свенча и др. Эти произведения представляют сильных, сосредоточенных, уверенных в себе и своем деле людей, их образы часто даны остро. В этих работах отражаются в том числе тенденции своего времени, «сурового стиля», для которого характерно сочетание обобщенной монументализации формы со значительностью образной трактовки героев.

Анализ основных графических техник и материалов. В 1950-е годы на сибирских и республиканских выставках представлены только уникальные графические техники (тушь, акварель, гуашь). В 1960-е годы ситуация кардинально меняется, и вместе с увеличением числа художников-графиков расширяется и использование техник и материалов: к уникальной графике добавляются разнообразные техники печатной графики, такие как линогравюра, автолитография, офорт, акватинта. К концу 1960-х годов печатная графика значительно превалирует или вовсе полностью вытесняет уникальную с крупных выставочных проектов. К примеру, на зональной выставке 1967 года в разделах «станковая графика» и «книжная графика» Алтайского края из 38 графических произведений всего 6 представлено в уникальных техниках, а на зональной выставке 1969 года из 22 произведений – ни одного.

Сюжетно-тематическое разнообразие. Анализ алтайской графики, представленной на крупных сибирских и республиканских выставочных проектах, также дает представление и о ее тематической направленности. Осевая линия произведений так или иначе посвя-

щена теме труда и представлена в разных жанрах: портрет, сюжетная композиция, пейзаж, натюрморт. В этой оптике алтайская графика вполне вписывается в контекст общей идейной направленности советского искусства.

Труду и будням советского трудящегося человека посвящает графическую серию «Будни хирургов» (1967) Владислав Петрович Туманов. Для листов серии характерно использование уверенной, четкой линии, передающей решительность, необходимую твердость и профессионализм героев. Тонкая чеканная линия и редкие плотные пятна передают размеренный и четкий ритм работы операционной. Большую роль в работах играет пространство белого листа, изображающее белые халаты и марлевые маски на лицах врачей. Серия была широко представлена на выставках разных уровней, сегодня она хранится в собрании Государственного художественного музея Алтайского края. Среди произведений участников сибирских и советских выставок в музее хранится работа Юрия Борисовича Кабанова «Свекловичницы» (1964). Звучный, даже напряженный ритм в этой работе передан плотными, почти декоративными черными пятнами, дополненными широкой скругленной линией, энергичным коротким штрихом.

Несомненно, у алтайского искусства в контексте темы труда также имеется собственная линия, связанная с главной направленностью трудовой деятельности алтайского края — целиной. Освоение целинных и залежных земель на Алтае началось весной 1954 года и в первый же год нашло свое отражение в алтайской графике рисунками А.Г. Вагина, которые искусствоведы часто называют «исторической хроникой» [2, с. 5] и «ценнейшим документальным материалом» [11, с. 158]. Постепенно, к концу 1950-х — началу 1960-х годов, целинная тема складывается полноценно, проявившись в графике как в виде тематических серий А.Г. Вагина, Ф.А. Филонова, так и в отдельных работах. Уже на выставке произведений художников Сибири и Дальнего Востока в 1956 году представлены две небольшие работы А.Г. Вагина на целинную тему в технике туши: «В непогоду» и «Едут новоселы». На той же выставке спустя десятилетие теме труда, в том числе освоения целины, посвящена значительная часть работ, среди которых и пейзажи М.Я. Будкеева «Мост строится», Я.К. Свенч «Эlevator», портреты безымянных полевода, бригадира и дояра авторства Ю.Б. Кабанова и В.П. Туманова, обобщенный образ целинников и физиков упомянутого Я.К. Свенча.

Ярко звучит на крупных выставках детская тема, представленная совместной графической серией «О детях» В.П. Туманова и Ю.Б. Кабанова на всесоюзной выставке «Советские художники — детям» (Москва, 1962), первой зональной выставке «Сибирь Социалистическая» (Новосибирск, 1964), выставке художников Сибири и Дальнего Востока (Тюмень, 1966). Ярко проявившие себя на крупных проектах работы были по достоинству оценены и приобретены сибирскими и российскими музеями, в числе которых Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачева, Приморская государственная картинная галерея, Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Среди работ этой серии, выполненных в технике литографии, наибольший интерес представил лист «В ТЮЗе», изображающий двух девочек, с увлечением смотрящих спектакль. Художникам удалось передать гамму эмоций портретируемых, в которых считывается интерес, удивление, переживание. Зритель не видит сам спектакль, художникам важнее передать образы юных зрительниц и общую атмосферу театра. Создать такой эмоциональный и достоверный образ художникам удалось благодаря внимательному наблюдению за детьми в процессе их преподавательской работы в школах города Барнаула.

Таким образом, алтайская графика в контексте региональных, республиканских и всесоюзных выставок представлена достаточно убедительно. Ее репрезентация становится увереннее с начала 1950-х до конца 1960-х годов: расширяются круг художников, жанровое и сюжетно-тематическое разнообразие. Наиболее популярным жанром в станковой графике в 1950-е годы является пейзаж в работах художников А.Г. Вагина, Ф.А. Филонова, А.А. Югаткина. В 1960-е годы с новыми именами (Ю.Б. Кабанов, В.П. Туманов) расширяется жанровое разнообразие, на выставках ярче представлены портрет, натюрморт, сюжетные композиции. Наблюдается расширение и пейзажного жанра: к «чистому» пейзажу добавляется городской, сельский, индустриальный. Также увеличивается круг тем, особенно распространена тема труда (чаще — целины), медицины, детства, спорта, строительства. В использовании графических материалов и техник наблюдается постепенное преобладание печатных техник над уникальными. В целом, за рассматриваемые два де-

сятилетия алтайская графика уверенно вошла в русло сибирского и советского искусства, представляя важные для его развития темы и актуальные тенденции.

Библиографический список

1. Фатьянов А.Д. Вступительная статья // Сибирь социалистическая. Вторая зональная художественная выставка : каталог. Омск : Западно-Сибирское кн. изд-во, Омское отд., 1967. 131 с.
2. Степанская Т.М. Очерки истории искусства Алтая. Барнаул, 2009. 220 с.
3. Выставка произведений художников РСФСР 1954 года: живопись, скульптура, графика : каталог / сост. Л.В. Арнольдова, В.И. Борунов, С.Л. Веллер. М. : Советский художник, 1954.
4. Выставка произведений художников Сибири и Дальнего Востока. Живопись. Графика. Скульптура. Прикладное искусство: каталог / сост. Н.В. Казаринова. Тюмень, 1966. 33 с.
5. Выставка произведений художников Сибири и Дальнего Востока. Живопись. Графика. Скульптура. Прикладное искусство : каталог / сост. Н. В. Казаринова. Иркутск, 1956. 52 с.
6. Выставка «Советские художники — детям», посвященная 40-летию пионерской организации им. В.И. Ленина : приглашение. М., 1962.
7. Сибирь социалистическая. Зональная художественная тематическая выставка : каталог. Новосибирск, 1964. 58 с.
8. Сибирь социалистическая. Третья зональная художественная выставка : каталог. Красноярск, 1969. 125 с.
9. Сидорова О.В. Классики алтайской графики в собрании Государственного художественного музея Алтайского края (Барнаул, Россия). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassiki-altayskoj-grafiki-v-sobranii-gosudarstvennogo-hudozhestvennogo-muzeya-altayskogo-kraja-barnaul-rossiya>.
10. Нехвядович Л.И. Творческий метод и стиль пейзажной живописи Алтая 1960–1970-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2006. №4 (42). С. 15–19.
11. Лихацкая Л.Н. Целина как фактор развития художественной культуры Алтая (на примере творчества Андрея Вагина). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tselina-kak-faktor-razvitiya-hudozhestvennoy-kultury-altaya-na-primere-tvorchestva-andreya-vagina>.

УДК 069(571.150)

ИТОГИ КРУПНЫХ ВЫСТАВОЧНЫХ ПРОЕКТОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ МУЗЕЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ЕВРАЗИЙСКИЙ АСПЕКТ

Наталья Степановна Царева

Государственный художественный музей Алтайского края,
Барнаул, Россия
Nattsareva@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена одной из форм взаимодействия Российской академии художеств и Государственного художественного музея Алтайского края – крупным выставочным проектам, в концепцию которых заложен евразийский аспект. С ноября 2022 по май 2024 года музеем были успешно реализованы три проекта. Все они вызвали большой интерес как у специалистов, так и у широкой зрительской аудитории. В первую очередь это проект, посвященный Алтаю – «Алтай на полотнах». Устроители приурочили его к 85-летию Алтайского края, он проходил в музее с 3 по 28 ноября 2022 года. С 28 декабря 2022 года по 19 февраля 2023 года в стенах музея демонстрировалась выставка «В стране Изумрудного Будды», посвященная 125-летию дипломатических отношений между Россией и Таиландом. С 12 апреля по 12 мая 2024 года работала выставка «Кулу – серебряная долина Рерихов», открывшаяся к широкому празднованию на Алтае 150-й годовщины со дня рождения Николая Константиновича Рериха.

Ключевые слова: Российская академия художеств, Государственный художественный музей Алтайского края, искусство Евразии, Россия, Таиланд, Индия, Алтай, Н.К. Рерих, Кулу.

THE OUTCOMES OF THE MAJOR EXHIBITION PROJECTS AT THE ALTAI STATE ART MUSEUM: THE EURASIAN ASPECT

Natalia S. Tsareva

Altai State Art museum,
Barnaul, Russia
Nattsareva@gmail.com

Summary. The article covers one of the forms of interaction between the Russian Academy of Arts and the Altai State Art museum – large exhibition projects, which have a Eurasian aspect in their concept. From November 2022 to May 2024, the museum successfully implemented three projects. All of them aroused great interest, both among specialists and the general audience. First and foremost is the project dedicated to Altai – «Altai on Canvases». The organizers timed it to coincide with the 85th anniversary of the Altai Territory, and it took place in the museum from November 3 to November 28, 2022. From December 28, 2022, to February 19, 2023, the museum hosted the exhibition «In the Land of the Emerald Buddha», dedicated to the 125th anniversary of diplomatic relations between Russia and Thailand. From April 12 to May 12, 2024, the exhibition «Kulu – the Silver Valley of the Roerichs» was open, launched to celebrate widely in Altai the 150th anniversary of the birth of Nikolai Konstantinovich Roerich.

Keywords: Russian Academy of Arts, The Altai State Art museum, Eurasian art, Russia, Thailand, India, Altai, N.K. Roerich, Kulu.

На протяжении многих лет Государственный художественный музей Алтайского края и Российскую академию художеств связываю тесные творческие контакты. Одной из форм этого взаимодействия являются крупные выставочные проекты Академии художеств, реализуемые в залах музея. В последние годы особый интерес вызывают те, где проявляется евразийский аспект. С ноября 2022 по май 2024 года были успешно реализованы три проекта. Все они вызвали большой интерес как у специалистов, так и у широкой зрительской аудитории. В первую очередь это проект, посвященный Алтаю – «Алтай на полотнах». Устроители приурочили его к 85-летию Алтайского края, он проходил в музее с 3 по 28 ноября 2022 года. С 28 декабря 2022 года по 19 февраля 2023 года в стенах музея демонстрировалась выставка «В стране Изумрудного Будды», посвященная 125-летию дипломатических отношений между Россией и Таиландом. С 12 апреля по 12 мая 2024 года работала выставка «Кулу – серебряная долина Рерихов», открывшаяся к широкому празднованию на Алтае 150-й годовщины со дня рождения Николая Константиновича Рериха.

Выставка «Алтай на полотнах» объединила произведения 24-х художников из Москвы, Алтайского края и Республики Алтай. В экс-

позиции были представлены картины академиков, членов-корреспондентов и почетных членов Российской академии художеств: Виктора Григорьевича Калинина, Евгения Викторовича Ромашко, Владимира Николаевича Анисимова, Ольги Рустамовны Яушевой, Ильи Ивановича Хрипченко и алтайских живописцев Василия Павловича Куксы, Анатолия Прокопьевича Щетинина, Ирины Витальевны Щетининой, Николая Владимировича Панченко, а также избранные картины классиков алтайского искусства XX века из коллекции почетного члена Российской академии художеств, новосибирца Андрея Владимировича Ковалева. Все работы художников были выполнены на Алтае в разные годы, большинство же произведений – это натурные этюды, исполненные осенью 2022 года на пленэре в Горном Алтае. Этот пленэр состоялся при поддержке гранта губернатора Алтайского края. Выставка проходила под эгидой Министерства культуры Алтайского края, Российской академии художеств, отделения Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской академии художеств, Союза художников России, Творческого Союза художников России, Государственного художественного музея Алтайского края и частного собрания Андрей Ковалев Collection.

О своем участии в выставке Андрей Ковалев сказал: «Участие в выставочном проекте «Алтай на полотнах» для меня большая честь. Я представил здесь значительную часть своего собрания, показал живопись алтайских художников 1960-х – 1990-х годов, относящуюся, по мнению искусствоведов, к классике алтайского искусства XX века. Среди многочисленных работ коллекции мне особенно дорог и любим Алтай на полотнах таких мастеров, как Федор Филонов и Майя Ковешникова, Игнат Ортонулов и Владимир Чукуев, Федор Торхов и Виктор Зотеев, Алексей Югаткин и Андрей Арестов» [1, с. 6]. Не согласиться с ним трудно, не случайно в качестве эпиграфа к выставке сотрудники музея выбрали четыре работы, отражающие концепцию выставки: «Пленэр – источник вдохновения». Зритель воочию соприкоснулся с красотой, силой и мощью этюда великого русского пейзажиста Ивана Ивановича Шишкина «Осень» (1894 г., холст, масло, 56,5x40); первого профессионального алтайского художника, Григория Ивановича Гуркина «Озеро Каракол» (1909 г., холст, масло, 54,0x74,5), первого вице-президента Российской академии художеств, нашего земляка Виктора Григорьевича Калинина «Вечер. Уймонская долина» (2022 г., холст, масло 60x80) и Андрея Васильевича Арестова «Катунь перед бурей»

(2018 г., картон, масло 50x69). Академик РАХ искусствовед Михаил Юревич Шишин дал высокую оценку импровизированному эпиграфу, назвав его «квинтэссенцией» и «увертюрой» всей выставки, отметив, что «здесь отразились основные идеи не только экспозиции, но и всего академического проекта» [1, с. 9].

Музейная экспозиция, объединив в своих залах интересных и разных художников, создала единый могучий и эпический образ Алтая, а индивидуальное звучание каждого полона только помогает зрителю увидеть, почувствовать и полюбить свой Алтай [2, с. 22]. Всего в экспозицию вошло более пятидесяти живописных произведений, и алтайский зритель получил уникальную возможность познакомиться с произведениями, которые оказались в музейных залах, минуя мастерскую художника; свежие, еще буквально с невысохшей краской, они отбирались для выставки прямо на пленэре, под сенью Алтайских гор. Многие из этюдов мастеров написаны буквально на одном дыхании, в них искренность и любовь, трепет и вдохновение.

Наш земляк Виктор Григорьевич Калинин представлен на выставке не только полотнами, которые были написаны им непосредственно на пленэре, но и одной из самых значительных своих работ в музейном собрании, «Портретом матери» (2000 г., холст, масло 120x100), и это не случайно. Виктор Григорьевич – не гость на алтайской земле, с детских лет он впитал в себя любовь к бескрайним алтайским далям, раскинувшимся под величественным небом, научился упиваться особенным алтайским солнцем и чистым, широким, как народная песня, воздухом. Потому его картины столь монументальны, столь наполнены любовью, столь музыкальны и столь торжественны.

Академик Российской академии художеств и народный художник России Евгений Ромашко – мастер пленэрной живописи. С первого взгляда на любое из его полотен зритель буквально очаровывается свежестью восприятия мотива, темпераментным и лёгким письмом, тонким чувством цвета, красотой и изысканностью живописной фактуры, всем тем, что мы особенно ценим в русском пейзажном искусстве. Таковы его работы: «Осень на Алтае. Чибит» (2022 г., холст, масло, 70x100); «Церквушка в Акташе. Горный Алтай» (2022 г., холст, масло, 50x70).

Примечательны полотна «Хозяйка Белухи» (2022 г., холст, масло, 60x25) Ольги Яушевой, «Алтай. Усть-Кокса» (2022 г., холст, мас-

ло, 52x127) Владимира Анисимова. Художники первый раз писали Алтай, но им удалось понять, прочувствовать этот край, заглянуть в его прошлое и постичь современность.

Наши алтайские художники живут на Алтае с рождения, любят и знают свою родину. У них одна школа, все закончили в свое время Новоалтайское художественное училище и работают в традициях русской реалистической живописи. Не раз, еще со студенческих лет, им приходилось вместе ездить на этюды, работать рядом и выставляться на выставках. У них во многом общие взгляды на живопись и жизнь, так как им довелось учиться у лучших представителей Алтайского искусства XX века, работы которых представил на выставке известный сибирский коллекционер и меценат Андрей Ковалев (Новосибирск).

Выставка оставила у зрителя самые светлые впечатления, а московские художники просто влюбились в наш край, и можно с уверенностью сказать, что они еще не раз посетят его; это, говоря словами алтайского поэта Паслея Самыка, «не просто природное и историческое место, но Хрустальный храм» [1, с. 10].

Российская академия художеств отметила высокими наградами организаторов и участников выставки «Алтай на полотнах». Благодарственные письма и дипломы Российской академии художеств получили: министр культуры Алтайского края Елена Евгеньевна Безрукова, коллектив Государственного художественного музея Алтайского края, куратор выставки Михаил Юрьевич Шишин, участники выставки, заслуженные художники России: Василий Павлович Кукса, Анатолий Прокопьевич Щетинин, художник Ирина Витальевна Щетинина, коллекционер Андрей Владимирович Ковалев.

Следующий проект «В стране Изумрудного Будды», посвященный 125-летию дипломатических отношений между Россией и Таиландом, стал настоящим новогодним подарком для всех любителей искусства нашего края. Экскурсии, мастер-классы, увлекательный квест для взрослых и детей – сотрудники музея сумели превратить смелую, экзотическую выставку в настоящий праздник для зрителя. Выставка открылась в самый канун нового 2023 года – 28 декабря.

В экспозиции было представлено более 160 произведений живописи, графики, декоративно-прикладного искусства, созданных в ходе творческих экспедиций в Королевство Таиланд художниками России. Среди участников выставки: академики Российской ака-

демии художеств Рустам Яушев и Владимир Анисимов, член-корреспондент Российской академии художеств Ольга Яушева, почетный академик Российской академии художеств Людмила Юга, народный художник России Виталий Попов, заслуженные художники России Ирина Макоеева, Елена Ненастная, члены Союза художников России Светлана Могутина, Михаил Стоячко, Татьяна Обухова, Анна Милосердова и другие, в том числе барнаульские художники Ирина и Анатолий Щетинины, посвятившие свои работы культуре и природе Таиланда.

Барнаул стал одним из 18 городов, входящих в маршрут проекта. По плану проекта выставка «В стране Изумрудного Будды» последовательно проходила в крупных городах Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Слово «Восток» всегда завораживало русского человека, потому, отправляясь на крейсере «Память Азова» в 1891 году в Сиам (прежнее название тайских королевств) по приглашению короля Чулалонгорна – Рамы V, цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II, следовал не только государственным интересам, но и воплощал заветную детскую мечту: своими глазами увидеть чудеса, которыми славится эта загадочная земля.

В июле 1897 года король Сиамы Рама V Чулалонгорн посетил Россию с визитом, в ходе которого была достигнута договоренность об установлении дипломатических отношений между Россией и Таиландом. Взаимная поддержка приобрела характер стратегического союза, а отношения между двумя монархами – Николаем II и Рамой V – переросли в дружбу [3, с. 22–23].

С первых шагов своего сближения Россия и Таиланд узнавали друг друга через искусство. Во время эпохального визита в Санкт-Петербург короля Раму V сопровождала труппа придворных танцоров, демонстрировавших в Зимнем дворце и Петергофе традиционное искусство танца. Спустя несколько лет уже Бангкок рукоплескал прославленному русскому артисту балета Вацлаву Нижинскому. С тех пор танец и балет связали наши культуры неразрывной нитью.

Не меньший интерес вызывает у тайцев российское изобразительное искусство. Добрую память о себе в Таиланде оставил знаменитый ювелир Карл Фаберже, в течение длительного времени живший и работавший в Бангкоке, выполняя заказы королевского двора Сиамы.

Традицию укрепления российско-тайландских связей через искусство продолжило Бюро творческих экспедиций под руководством академика Российской академии художеств, энтузиаста искусства Востока В.Н. Анисимова. Мастера живописи, графики и прикладного искусства за последние несколько лет неоднократно посещали Таиланд, там родились многочисленные художественные произведения, с которыми наш зритель познакомился на выставке «В стране Изумрудного Будды». Эти работы не только воспевают красоты удивительной страны, но и показывают добросердечный характер живущих в этой стране людей.

Устроители выставки мечтали о том, если выставка вызовет прилив добрых чувств, поможет поддержанию взаимной симпатии и духа сотрудничества между нашими народами – значит, художники достигли поставленной цели. И они не обманулись. Студенты и школьники, пенсионеры, художники и «самые обычные зрители», как они сами себя называют, оставили на страницах Книги отзывов массу добрых слов в адрес художников и кураторов: «Случайно в афише увидела информацию о выставке. Решила посетить. Очень завораживающее впечатление! Все полотна наполнены жизнью и эмоциями. Очень понравилась выставка. Навеяла воспоминания о поездках в Таиланд. Спасибо организаторам...»

«Удивительная, атмосферная, яркая с буйством красок и эмоций выставка...»

«Восхитительно! Околдована поэтическим реализмом. Спасибо творцам и организаторам выставки. Красота спасет мир! Чувство внутреннего наполнения не покинет еще долго. С огромной благодарностью...» [3, с. 23].

Хочется остановиться на некоторых работах подробнее, ведь многие произведения на выставке заставляли зрителя застыть в изумлении. И это прежде всего работы Владимира Анисимова. Причем не только, как всегда, обворожительная живопись художника: «Дворец Короля» (2015 г., холст, масло. 40,0x80,0), «Молочное утро» (2015 г., холст, масло. 13,0x45,0), «Купание. Утро» (2015 г., холст, масло. 23,0x64,0), «Въезд золотого Будды в Ват Пракеу» 2(022 г., холст, масло. 125x160), «Аютхая. На отдыхе» (2015 г., холст, масло. 50x40), но и его декоративные и скульптурные произведения, поражающие воображение почти метровые, выполненные из тика, сплошь покрытые росписью или резьбой уникальнейшие изделия: «Жизнь Будды» (2020 г., тик, темпера, лак. 90,0x90,0x20,0)

и двухсторонняя композиция «Махабхарата. Битва при Курукшестре» и «Разговор Кришны и Арджуны» (тик, резьба). Зритель даже не догадывается, что в основе произведения два старых растрескавшихся деревянных колеса от повозок, на которых многие годы тайцы возили свои поклажи. Но художник увидел в них основу для художественного пересказа эпоса.

Божественное и обыденное здесь всегда рядом. Но Божественное надо уметь увидеть, и Владимир Анисимов дарит своему другу скульптору Олегу Уварову артефакт – океаническую раковину, и скульптор из редкого для скульптурных работ материала доломита вырезает фигурку младенца... и вот уже зритель видит золотого младенца Будду в колыбели. Увидеть в обычной раковине колыбель, – разве это не чудо?

Академик Российской академии художеств, заслуженный художник России, известный мастер живописного и графического искусства Рустам Исмаилович Яушев в экспозиции представлен сразу в двух ипостасях: как график и как живописец. Страсть к путешествиям, охватившая его еще в молодые годы, оставалась с ним всю жизнь. Побывав в самых удаленных уголках Севера, Сибири и Дальнего Востока, Рустам Яушев за последние годы, вместе с другими членами «Бюро творческих экспедиций», побывал во многих странах Европы, Азии, Америки, Африки. Из Таиланда он привез большие серии живописных и графических работ. Они поражают точностью линий, внутренней экспрессией и огромной любовью к тому, что он рисует или пишет, в них удивительным образом переплетаются сказочная природа чудо-островов с реалиями жизни и быта простых людей: «Бабушка и внук» (2017 г., холст, масло. 135,0x100,0), «Медитация в саду Викрома» (2017 г., холст, масло. 135,0x100,0), «Лежащий Будда» (2015 г., бумага, карандаш. 43x32), «Молящийся» (2015 г., бумага, карандаш. 43x32), «Бангкок. Ват Пракеу» (2015 г., бумага, карандаш. 43x32) и другие.

Многие годы Рустам Яушев был связан с Сибирью, в 1990-е годы он был ректором Красноярского государственного академического художественного института, одновременно преподавая на факультете станковой графики, воспитав целую плеяду прекрасных сибирских художников.

Сибиряки на выставке также представлены. Красноярский живописец Константин Войнов показан в экспозиции философским триптихом «Путь» (2015–2017 гг., правая часть – «Источ-

ник», левая «Фонарь» и центральная часть «Путь», все: холст, масло, 200x120).

Выражая свое творческое кредо, художник говорил: «Живопись — замечательная возможность выразить языческий восторг перед непостижимостью мироздания. Это таинство превращения мыслей и чувств с помощью красок в зримый художественный образ, таинство преобразования энергии художника в энергию картин». Рассматривая полотна Войнова, зрители готовы подписаться под его словами: «Ни один ученый, ни самая современная техника не смогут определить момент, когда обычные краски, изображающие обычные вещи на обычном куске холста, вдруг превращаются в живой организм картины. Излучают, пульсируют, заставляют думать».

«Счастье, что творческий процесс является тайной для самого художника», — продолжает автор, и не согласиться с этим трудно. Художники не могут дать ответ на то, почему руки сами тянутся к палитре и краскам, а образы, рождаемые воображением, просятся на картину. Так было и с барнаульскими художниками Щетиниными. Вернувшиеся из туристической поездки в Таиланд, художники перенесли свои, переполняемые душу и сердце эмоции, на холст [3. с. 24–25].

Организатором и вдохновителем следующего выставочного проекта «Кулу — серебряная долина Рерихов» стал Владимир Анисимов, президент Региональной общественной организации художников «Бюро творческих экспедиций», член международного мемориального треста Рерихов, президент Российско-Индийского клуба искусств им. Рерихов, член исполкома Общества культурных связей с Индией.

Предыстория данной выставки началась более тридцати лет назад — после творческой поездки российских художников в усадьбу семьи Рерихов, находящуюся в долине Кулу в индийском штате Химачал-Прадеш.

Рерихи приехали в Кулу после завершения Центрально-азиатской экспедиции (1923–1928 годы). Во время нее были собраны материалы археологии, этнографии, фольклора и написано множество картин. Для изучения собранной информации Николаем Константиновичем был учрежден Институт Гималайских исследований «Урусвати».

С Кулу связан последний и весьма плодотворный период творческой биографии Рериха. Это место вдохновило художника своей

природой. Он так писал про Кулу: «Она называется Серебряной Долиной. Зимой ли, когда снег искрится, или весной, когда все фруктовые деревья покрыты снежно-белыми цветами, долина одинаково хорошо заслуживает свое название».

В 1991 году «Серебряную долину» посетила делегация российских художников, состоящая из двенадцати человек во главе с Владимиром Анисимовым, который был увлечен личностью и идеями Рериха. Поездка оказалась продуктивной: художники написали множество произведений, а также восстанавливали имение, разбирали архивы. В дальнейшем Владимир Николаевич совершил множество творческих поездок на вершины Гималаев и стал организатором художественных выставок, которые открыли новую страницу культурного диалога между современной Россией и Индией.

В экспозицию выставки «Кулу – серебряная долина Рерихов» вошло около 40 работ живописи, графики и декоративно-прикладного искусства выдающихся мастеров современного искусства России: членов Российской академии художеств Владимира Анисимова, Рустама Яушева, Владимира Переяславца, Мая Митурича-Хлебникова, Дмитрия Шушканова, Ольги Яушевой, Марии Переяславец, Виталия Попова, Николая Соломина, Владимира Муратова, Виктора Калинина и других известных мастеров [4, 5].

Открывшаяся в апреле 2024 года в музее выставка «Кулу – серебряная долина Рерихов» стала первым и важным событием в череде мероприятий, приуроченных к 150-летию юбилею Н.К. Рериха, очень широко отмечающемуся по всей стране и прежде всего на Алтае. Эта выставка явила собой не только память о выдающемся русском живописце, но и показала преемственность и развитие художественных идей в современном отечественном искусстве, их устремленность из прошлого в настоящее и будущее!

Рассмотренные нами крупные выставочные проекты, в концепцию которых заложен евразийский аспект, их зрительский успех, интерес к ним прессы и специалистов позволяют заявить, что их проблематика сегодня чрезвычайно актуальна для музейных практик, и музеям во взаимодействии с Российской академией художеств, Союзом художников России есть над чем работать.

Библиографический список

1. Алтай на полотнах: произведения выдающихся мастеров отечественного искусства / сост. Е.В. Ромашко; авт. вступ. ст. М.Ю. Шишин. М. : Гайдмарк, КГБУ ГХМАК, 2023. 88 с.: ил.

2. Царёва Н.С. Пленэр – источник вдохновения: выставка «Алтай на полотнах», посвященная 85-летию региона в ГХМАК // Культура Алтайского края. 2022. N 4. С. 22–23.

3. Царёва Н.С. В стране Изумрудного Будды: выставка в ГХМАК, посвященная 125-летию дипломатических отношений между Россией и Таиландом // Культура Алтайского края. 2023. N 1. С. 22–25.

4. Кулу – серебряная долина Рерихов: выставка, посвященная 150-летию юбилею русского художника Н.К. Рериха / сост. Е.В. Школина. Барнаул, 2024. 1 слож. л.: ил.

5. Клубков А.А., Школина Е.В. Международный выставочный проект «Кулу – серебряная долина Рерихов»: концептуальные основания // Искусство Евразии : Электронный журнал. 2024. № 3 (34). С. 272–289. <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2024.03.017>. URL: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1117>

НАШИ АВТОРЫ

Анжиганова Лариса Викторовна, д.ф.н.,
профессор кафедры истории Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан)
alv_9@mail.ru

Артамонова Татьяна Александровна, к.ф.н.,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул)
Art-katun@mail.ru

Асеева Татьяна Анатольевна, к.п.н.,
доцент кафедры философии и политологии Алтайского государственного университета (Барнаул)
tatulyasolar@mail.ru

Асеев Сергей Юрьевич, к.и.н.,
доцент кафедры философии и политологии Алтайского государственного университета (Барнаул)
suass@mail.ru

Белокурова Софья Михайловна, к.ф.н.,
доцент Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Барнаул)
sonet312@gmail.com

Дондов Ульзийбаяр, аспирант, Монгольский национальный университет искусств и культуры (Улан-Батор, Монголия)
uuujii802@gmail.com

Иванов Андрей Владимирович, д.ф.н., профессор, директор
Центра гуманитарного образования Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул)
ivanov a v 58@mail.ru

Иванов Кирилл Евгеньевич, учитель истории и обществознания гимназии №123 (Барнаул)
ivanov.k.e@yandex.ru

Инговатов Владимир Юрьевич, д.ф.н., директор Гуманитарного института Алтайского государственного технического университета, заведующий кафедрой философии и социологии (Барнаул).
ingvlad@mail.ru

Инговатова Аурика Германовна, к.ф.н., доцент Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Барнаул)
auriking@mail.ru

Иродов Илья Евгеньевич, студент СПбГУ (Санкт-Петербург)
irodov.ilya@mail.ru

Искаков Ирлан Жангазыевич, к.ю.н., ректор Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, член Российской академии юридических наук, Русского географического общества (Санкт-Петербург)
liel2002@mail.ru

Каланчина Ирина Николаевна, к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул)
kalanchina62@mail.ru

Катунина Елена Сергеевна, магистрант Алтайского государственного университета (Барнаул)
elenakatunina645@gmail.com

Качусов Дмитрий Анатольевич, к.п.н., доцент кафедры философии и политологии Алтайского государственного университета (Барнаул)
dmitrij.kachusov@mail.ru

Киреева Оксана Сергеевна, к.и.н., доцент кафедры философии и политологии Алтайского государственного университета (Барнаул)
orekun-05@mail.ru

Корчагина Анжелика Олеговна, аспирант кафедры философии и политологии Алтайского государственного университета (Барнаул)
angelika2401@yandex.ru

Крылова Виктория Игоревна, старший научный сотрудник Государственного художественного музея Алтайского края, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул).
krylova.v@gmail.com

Ланина Елена Евгеньевна, к.ф.н., первый проректор Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС (Санкт-Петербург).
elenalan@inbox.ru

Лапина Виктория Васильевна, студентка Алтайского государственного университета (Барнаул)
lapinavvv2002@mail.ru

Ли Зандан, аспирант, Монгольский национальный университет искусств и культуры (Улан-Батор, Монголия)
zandanlee@163.com

Максимов Илья Викторович, магистрант Алтайского государственного университета (Барнаул)
bkmz.maksimov@yandex.ru

Минасян Оганес Агаронович, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул)
oganes1minasian@gmail.com

Мушникова Елена Анатольевна, кандидат искусствоведения, директор Центра языков и культур народов Большого Алтая Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Барнаул)
mushnikova77@mail.ru

Останин Вадим Владимирович, к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул)
vadim_bh@mail.ru.

Персидская Ольга Алексеевна, младший научный сотрудник
Института философии и права СО РАН (Новосибирск)
olga_alekseevna@mail.ru

Пономаренко Ольга Павловна, к.ф.н, доцент кафедры философии
и культурологии Алтайского государственного педагогического уни-
верситета (Барнаул)
o.ponomarenko2018@mail.ru

Попков Юрий Владимирович, д.ф.н., профессор, главный научный
сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск)
yuripopkov54@mail.ru

Сергеев Сергей Сергеевич, старший преподаватель кафедры истори-
и и философии Новосибирского государственного аграрного
университета (Новосибирск)
sergeevs09@mail.ru

Спирина Марина Юрьевна, к.и.н., проректор по научной работе
Университета при МПА ЕврАзЭС, Заслуженный учитель России,
член Русского географического общества (Санкт-Петербург)
mus931@inbox.ru

Струченко Сергей Викторович, доцент кафедры философии и по-
литологии Алтайского государственного университета (Барнаул)
serviks77@mail.ru

Суслова Екатерина Александровна, аспирант Алтайского государ-
ственного университета (Барнаул)
kate98-12@mail.ru

Топоева Марика Викторовна, помощник режиссера Хакасского те-
атра драмы и этнической музыки «Читиген» (Абакан)

Ушаков Дмитрий Викторович, к.ф.н., старший научный со-
трудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск)
ushakovdmirii@mail.ru

Фотиева Ирина Валерьевна, д.ф.н.,
профессор кафедры теории и практики журналистики Алтайского
государственного университета (Барнаул)
fotieva@bk.ru

Царева Наталья Степановна, кандидат искусствоведения, Госу-
дарственный художественный музей Алтайского края (Барнаул)
Nattsareva@gmail.com

Чернышева Дарья Дмитриевна, магистрант Алтайского госулар-
ственного университета (Барнаул)
dchernysheva2002@yandex.ru

Шашкова Ярослава Юрьевна, д. полит. н.,
профессор кафедры философии и политологии Алтайского госулар-
ственного университета (Барнаул)
yashashkova@mail.ru

Широкова Марина Алексеевна, д.ф.н.,
профессор кафедры философии и политологии Алтайского госулар-
ственного университета (Барнаул)
mshirokova1@rambler.ru

Шишин Михаил Юрьевич, д.ф.н., профессор,
академик Российской академии художеств; Региональное отделе-
ние Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской академии худо-
жеств (Красноярск)
nis@rahusdv.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Завет для новой российской элиты (размышления над работой Н.Н. Алексеева «На путях к будущей России») <i>Андрей Владимирович Иванов</i>	3
Русское – российское – евразийское в этническом, национальном, интернациональном и цивилизационном контекстах: актуальные проблемы современного дискурса <i>Юрий Владимирович Попков</i>	8
Красота как форма выражения истины в русской культуре (на примере творчества А.С. Пушкина) <i>Марина Алексеевна Широкова</i>	13
Онтология национальной идеи в контексте евразийской идентичности <i>Владимир Юрьевич Инговатов</i>	22
Развитие изобразительного искусства в контексте евразийского трансграничного сотрудничества <i>Михаил Юрьевич Шишин</i>	26
Формирование национального менталитета и традиционное прикладное искусство <i>Марина Юрьевна Спирина</i>	35

Секция 1

**ЕВРАЗИЙСТВО КАК ФЕНОМЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ ВОКРУГ
ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕИ**

Вопросы культурной и национальной идентичности: от Трубецкого до Хантингтона

Ирина Валерьевна Фотиева 40

Русский мир как часть евразийского мира

Татьяна Александровна Артамонова 47

Научно-философские идеи евразийства как методологическое основание современных исследований

Виктория Васильевна Лапина 52

Евразийская интеграция в системе образования России

Анжелика Олеговна Корчагина 57

Секция 2

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА:
ОРГАНИЗАЦИЯ, САМООРГАНИЗАЦИЯ,
ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА**

Теоретико-методологический синтез миросистемного анализа и этноэкономических исследований

Ольга Алексеевна Персидская 62

«Новые этносы»: проблемы и риски конструирования

Лариса Викторовна Анжиганова, Марика Викторовна Топоева 67

Евразийство в развитии российско-монгольских отношений и деятельности монгольского учёного, педагога, народного дипломата

Дмитрий Викторович Ушаков 71

Особенности межкультурного взаимодействия в контексте евразийских идей
Ольга Павловна Пономаренко 77

Отношение к животным как фактор идентификации и воспроизводства традиционных ценностей в межэтнических сообществах
Сергей Сергеевич Сергеев 80

Секция 3

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Особенности восприятия развлекательного контента по мотивам СССР современной российской молодежью
Ярослава Юрьевна Шашкова 85

Модели политической модернизации в «Четырех тиграх» Юго-Восточной Азии во второй половине XX века
Дмитрий Анатольевич Качусов 89

Модуль «Основы российской государственности» для иностранных студентов в контексте концепции «мягкой силы»
Сергей Юрьевич Асеев, Татьяна Анатольевна Асеева 94

Профессиональная подготовка специалистов и смена поколений политических акторов
Ирлан Жангазыевич Искаков, Елена Евгеньевна Ланина 98

Механизмы урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве (на примере ОДКБ)
Оксана Сергеевна Киреева 103

ОНФ и его интеграция в политический процесс на евразийском пространстве
Сергей Викторович Струченко 107

Стратегии политического поведения молодежи в условиях СВО в Алтайском крае <i>Кирилл Евгеньевич Иванов</i>	112
Меры социальной поддержки бывших осужденных, принявших участие в СВО <i>Илья Викторович Максимов</i>	117
Механизмы реализации молодежных инициатив в РФ на современном этапе <i>Елена Сергеевна Катунина</i>	121
Государственные корпорации и государственные компании в публичной политике России <i>Илья Евгеньевич Иродов</i>	126
Механизмы принятия решений США в отношении Северной Кореи <i>Дарья Дмитриевна Чернышева, Оксана Сергеевна Киреева</i>	131
Анализ имиджа Южной Кореи на евразийском пространстве через призму теории «мягкой силы» <i>Екатерина Александровна Сулова</i>	135
Факторы демократизации политических режимов <i>Оганес Агаронович Минасян</i>	139
Секция 4	
ОСОБЕННОСТИ ИСКУССТВА ЕВРАЗИЙСКИХ НАРОДОВ	
«Духовный коммунизм» как объект западной цензуры <i>Вадим Владимирович Останин</i>	146
К проблеме диалога культур: Сомерсет Моэм и Ф.М. Достоевский о характере русского народа <i>Аурика Германовна Инговатова</i>	151

Языковая картина мира как составляющая национального культурного кода <i>Ирина Николаевна Каланчина</i>	163
Сравнительный анализ хорчинской и маньчжурской традиционной женской одежды <i>Ли Зандан, Дондов Ульзийбаяр</i>	173
Искусство монгольского художника Очирына Цэвэгжава: образно-тематические и художественно-пластические особенности произведений <i>Елена Анатольевна Мушникова, Софья Михайловна Белокурова</i> ...	177
Алтайская графика на сибирских и советских выставках 1950–1960-х годов <i>Виктория Игоревна Крылова</i>	187
Итоги крупных выставочных проектов в Государственном художественном музее Алтайского края: евразийский аспект <i>Наталья Степановна Царева</i>	196
НАШИ АВТОРЫ	207

Научное издание

**ЕВРАЗИЙСТВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ**

Редактор Л.И. Базина

Подготовка оригинал-макета Д.А. Басманова

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 11.12.2024

Дата выхода в свет 18.12.2024

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 12,5. Тираж 100. Заказ №672

Типография Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66